

ВЕСТНИК МГПУ.

**СЕРИЯ «ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ».**

**MCU JOURNAL OF PHILOLOGY.
THEORY OF LINGUISTICS.
LINGUISTIC EDUCATION**

№ 3 (47)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2022**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И. М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор педагогических наук, доцент, почетный работник общего образования Российской Федерации, член-корреспондент РАО

Рябов В. В.

заместитель председателя

президент ГАОУ ВО МГПУ, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО

Геворкян Е. Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ, доктор экономических наук, профессор, академик РАО

Агранат Д. Л.

заместитель председателя

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ, доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тарева Е. Г.

главный редактор

доктор педагогических наук, профессор

Викулова Л. Г.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Смирнова А. И.

заместитель главного редактора

доктор филологических наук, профессор

Алмазова Н. И.

доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Афанасьева О. В.

доктор филологических наук, профессор

Беляева И. А.

доктор филологических наук, профессор

Бубнова И. А.

доктор филологических наук, доцент

Борботько Л. А.

ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Геймбух Е. Ю.

доктор филологических наук, профессор

Джанумов С. А.

доктор филологических наук, профессор

Кафтанджиев Христо

доктор филологии, почетный доктор, профессор (Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария)

Курдюмов В. А.

доктор филологических наук, профессор

Матвеева И. И.

секретарь

кандидат филологических наук, доцент

Поршнева Е. Р.

доктор филологических наук, профессор (Нижегородский лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

Прохоров Ю. Е.

доктор филологических наук, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

Радченко О. А.

доктор филологических наук, профессор (Московский государственный лингвистический университет)

Романова Г. И.

доктор филологических наук, доцент

Сагаз Мицунори

доктор филологии, доцент (Университет Сока, Токио, Япония)

Собянина В. А.

доктор филологических наук, профессор

Сулейманова О. А.

доктор филологических наук, профессор

Сурьянараян Нилакши

доктор филологии, профессор (Делийский университет, Индия)

Тышковска-Каспиак Эльжбета

доктор филологии, профессор (Вроцлавский университет, Польша)

Чернявская В. Е.

доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого)

Чупрына О. Г.

доктор филологических наук, профессор

Языкова Н. В.

доктор педагогических наук, профессор

Ярыгина Е. С.

доктор филологических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Калашников С. Б. Структура интертекстов в стихотворении
А. С. Пушкина «К ней» («В печальной праздности я лиру
забывал...») 7
- Кондратова Т. И., Салтанова Н. Ю. Функция ремарок
и вспомогательной авторской речи: на примере анализа
драмы Цао Юя «Гроза» 22
- Калашников С. Б., Громов А. В. Игровое начало водевилей
А. П. Чехова в контексте абсурдистской традиции 35

Русистика. Германистика. Романистика

- Ленец А. В., Овсиенко Т. В., Шипилова Д. С. Вербализация
лингвокультурных ценностей в немецкоязычной социальной
рекламе 47

Теория языка. Теория межкультурной коммуникации

- Борисова Е. Г. Язык поколений. Как говорят пожилые 63
- Фанян Н. Ю. Интегративное осмысление конфликта
в чатовой коммуникации 72
- Курдюмов В. А., Семенова Л. А. Общие концепции метафоры
и метафора в китайском языке 90
- Погодаева С. А. Как русскому понять француза и японца,
или Условия успешности межкультурного общения 99
- Павлина С. Ю. *Спутник* как слово года: семантические
и прагматические характеристики 109
- Алексеев А. Б. О функциях невежливости в политическом
дискурсе 118

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

- Абэ Хироси, Мисочко Г. О., Федянина В. А. Модель описания
уровней владения японским языком как иностранным,
разработанная Японским фондом..... 130

Слово молодым ученым

- Нуриджанян Р. Г. К вопросу о социолингвистическом статусе
языка гуарани в Парагвае 141
- Трибунская Н. А. Процесс взаимодействия дискурсов
в политической коммуникации 150

Критика. Рецензии. Библиография

- Матвеева И. И. Рецензия на: Карпачева Т. С. «Мой недопетый
гимн весне». Жизнь и творчество Надежды Львовой /
Львова Н. Г. Письма В. Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка:
Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с. 159
- Яковлев М. В. Рецензия на: Новинки русской литературы
XXI века. Материалы к лекциям: учебное пособие: в 3 ч. /
под общ. ред. С. В. Крыловой. М.: ИИУ МГОУ. Ч. 1 (2015).
Ч. 2 (2018). Ч. 3. (2022) 164

Научная жизнь

- Райкова И. Н. Межвузовская междисциплинарная научная
конференция с международным участием «Жизнь и нравы
животных в зеркале словесности, изобразительного
искусства и кино»..... 168
- Требования к оформлению статей.....175

CONTENTS

Literary Science

- Kalashnikov S. B. The Structure of Intertexts in A. Pushkin's Poem «To her» («In sad idleness i forgot the lyre...») 7
- Kondratova T. I., Saltanova N. Yu. The Function of Remarks and Auxiliary Speech: on the Example of Cao Yu's Drama «The Thunderstorm»22
- Kalashnikov S. B., Gromov A. V. Play Beginning of A. Chekhov's Vaudevilles Against the Absurdist Context 35

Russian Studies. Germanic Studies. Romance Studies

- Lenets A. V., Ovsienko T. V., Shipilova D. S. Verbalization of Linguistic and Cultural Values in German-language Social Advertising 47

Linguistic Theory. Cross-Cultural Communication Theory

- Borisova E. G. Language of Generations. The Way the Elderly Speak63
- Fanyan N. Yu. Integrative Understanding of Conflict in Chat Communication72
- Kurdyumov V. A., Semenova L. A. Basic Concepts of Metaphor and Metaphor in Chinese.....90
- Pogodaeva S. A. How Can a Russian Understand a Frenchman and a Japanese, or Conditions of Successful Intercultural Communication99
- Pavlina S. Yu. *Sputnik* as the Word of the Year: Semantic and Pragmatic Properties.....109
- Alexeyev A. B. On the Functions of Impoliteness in Political Discourse 118

Language Teaching. Methodology of Teaching Philological Disciplines

- Abe Hiroshi, Misochko G. O., Fedianina V. A. The Levels of Japanese Language Proficiency: a Description Model Designed by the Japan Foundation.....130

Young Scientists' Platform

- Nuridzhanyan R. G. On the Guarani Language in Paraguay Sociolinguistic Status141
- Tribunskaya N. A. The Process of Interaction of Discourses in Political Communication 150

Criticism. Reviews. Bibliography

- Matveeva I. I. Review of: Karpacheva T. S. «My unsung hymn to spring». Life and Creative Work of Nadezhda Lvova / N. Lvova. Letters to V. Y. Briusov (1911–1913). The old tale: Poems. M.: Vodoley, 2021. 508 s.159
- Yakovlev M. V. Review of: Novels of Russian Literature of the XXI Century. Lecture materials: textbook: in 3 parts / Ed. by S. V. Krylova. M.: Moscow State Regional University. Part 1 (2015). Part 2 (2018). Part 3. (2022)..... 164

Scholarly Events

- Raikova I. N. Interuniversity Interdisciplinary Scientific Conference with International Participation «Animal Life and Mores Mirrored in Literature, Fine Arts and Cinema».....168
- Requirements for the Style of Articles..... 175

Научная статья

УДК 82–14

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.01

СТРУКТУРА ИНТЕРТЕКСТОВ В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «К НЕЙ» («В ПЕЧАЛЬНОЙ ПРАЗДНОСТИ Я ЛИРУ ЗАБЫВАЛ...»)

Калашников Сергей Борисович

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

sergeyk34@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

Аннотация. Семантическая структура пушкинского стихотворения «К ней» (1817) выстраивается на сознательном использовании автором различных видов интертекстуального взаимодействия с текстами поэтов-современников — К. Н. Батюшкова и В. А. Жуковского: переключек, реминисценций, аллюзий, цитат и других видов смысловых корреспонденций. От начала к концу произведения концентрация подтекстовых смыслов многократно возрастает, интегрируя стихотворение в широкий поэтический контекст русской элегической школы. Двойная направленность лирического диалога с Батюшковым и Жуковским становится для Пушкина в 1817 г. сознательной поэтической стратегией и приводит к возникновению в его лирике жанра новой элегии, содержание которой раскрывает тему предназначения поэта и его отношения к собственному поэтическому дару.

Ключевые слова: элегия, элегическая школа, интертекст, структура, семантика.

Для цитирования: Калашников, С. Б. (2022). Структура интертекстов в стихотворении А. С. Пушкина «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...»). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 7–21. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.01

Original article

UDC 82–14

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.01

THE STRUCTURE OF INTERTEXTS IN A. PUSHKIN'S POEM «TO HER» («IN SAD IDLENESS I FORGOT THE LYRE...»)

Sergej B. KalashnikovMoscow City University,
Moscow, Russiasergeyk34@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

Abstract. The semantic structure of the poem «To Her» (1817) by Alexandre Pushkin relies on the conscious use of various types of intertext in interaction with the poetic texts of his contemporaries — Konstantin Batyushkov and Vasilij Zhukovsky: roll calls, reminiscences, allusions, quotes and other forms of semantic correspondence. The poem sees the concentration of subtext meanings growing dramatically throughout the poem, integrating it into the wide poetic context of the Russian elegiac school. The double focus of the lyrical dialogue with Batyushkov and Zhukovsky becomes a conscious poetic strategy for Pushkin in 1817 and results in the genre of new elegy emerging in his lyrics to focus on poet's mission and the attitude to his own poetic gift.

Keywords: elegy, elegiac school, intertext, structure, semantics.

For citation: Kalashnikov, S. B. (2022). The structure of intertexts in A. Pushkin's poem «To her» («In sad idleness i forgot the lyre...»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 7–21. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.01

О общеизвестным тезисом пушкиноведения является утверждение о том, что формирование художественной системы автора в 1817–1820 гг. проходит под знаком главного поэтического жанра конца 1810-х гг. — элегии — и связано с интенсивным поиском образа нового лирического героя. Сразу следует оговориться, что процесс этот не был линейно-эволюционным и характеризовался скорее многовекторной, а зачастую даже реверсивной направленностью, сопровождавшейся, однако, неизменной и в высшей степени осознанной установкой поэта на экспериментальное конструирование текстов с учетом самых разнообразных смысловых и стилистических альтернатив. Разумеется, такой художественный метод предполагал ведение постоянного диалога с русской поэтической традицией и современностью. Это качество художественного мышления автора становится едва ли не главным структурным признаком пушкинского творчества в целом и послелицейской лирики в частности. Поэтому выявление многочисленных механизмов интертекстуальности¹ — переключек, реминисценций,

¹ Интертекстуальность мы вслед за А. И. Смирновой предлагаем понимать не в парадигме постмодернистской методологии как «фактор своеобразного коллективного бессознательно-го», но в качестве «литературного приема, сознательно используемого писателем» [3, с. 9].

аллюзий, цитат и других видов смысловых корреспонденций — становится при изучении текстов А. С. Пушкина первостепенной задачей, совершенно аутентичной сложности самого изучаемого объекта. Поэтому данная статья продолжает цикл наших публикаций, связанных с реконструкцией глубинных содержательных структур отдельных пушкинских произведений [1, с. 23–30; 2, с. 24–32].

Стихотворение «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал...») написано Пушкиным после выхода из Лицея, не ранее 11 июня 1817 г. При жизни автора напечатано не было: поэт, включивший его в марте – апреле 1825 г. в раздел элегий на основании правки «Тетради Всеволожского», осенью того же года вычеркнул его из цензурной рукописи готовившихся к изданию «Стихотворений А. Пушкина». Автограф текста до сих пор неизвестен. Первая публикация была осуществлена П. В. Анненковым в 1855 г. по копии цензурной рукописи. В 1933 г. Б. В. Томашевский опубликовал текст стихотворения по копии «Тетради Всеволожского». Большинство комментаторов и исследователей стихотворения рассматривают его преимущественно как переходное от лицейской «унылой элегии» к поэзии раннего петербургского периода, соглашаясь вслед за П. В. Анненковым и Б. В. Томашевским в том, что оно содержит сюжетный параллелизм к стихотворению «К***» («Я помню чудное мгновенье...»).

Собственноручное внесение автором текста в отдел «Элегии» оправданно не вызывает у исследователей сомнений в жанровой квалификации стихотворения «К ней», тем не менее немногочисленные интерпретации его содержания часто опираются не на имманентные свойства элегического жанра, а на линейную логику буквального биографизма [4, с. 3–10], что вступает в категорическое противоречие с герменевтическими валентностями самого текста. Для эпох с высокой семиотической плотностью и повышенной культурной рефлексией — а первые два десятилетия XIX столетия в России являются именно таковыми — характерно стремительное нарастание культурно-интеграционных процессов в художественном дискурсе. В этом смысле элегия может рассматриваться как квинтэссенция сложности культурного кода 1810-х гг. и самый нетривиальный с точки зрения организации художественных смыслов жанр. Элегическое произведение изначально рассчитано не на прямое понимание, но на культурно-историческое и ассоциативное восприятие, вследствие чего подтекст в нем оказывается значительно важнее и богаче самого текста. Поэтому свою задачу мы видим в выявлении и комментировании имплицитных смыслов этого стихотворения и реконструкции их структурных связей и взаимных семантических соотношенностей.

Первая же строка пушкинского стихотворения — «В печальной *праздности* я лиру забывал» (здесь и далее курсив наш. — С. К.) — содержит несомненную мотивную переключку с элегией Батюшкова 1814 г. «Пленный», которая была хорошо знакома юному поэту²:

² В заметках на полях «Опытов в стихах и прозе» под текстом этого стихотворения К. Батюшкова Пушкиным сделана приписка: «Лев Васильевич Давыдов в плену у французов»

Я в *праздности* теряю время,
 Душою в людстве сир;
 Мне жизнь — не жизнь *без славы*, бремя,
 И пуст прекрасный мир! [5, с. 242]

Появление этого прецедентного текста в стихотворении восемнадцатилетнего автора далеко не случайно: сожаления об утрате молодости, пламенных восторгов любви и беспредельных желаний юного сердца приходят в русскую элегию через переложения Тибулла и Горация именно в исполнении раннего К. Батюшкова — сторонника муравьевской концепции легкой поэзии, где поэт считается эталоном чувствительного человека, склонного к утонченным переживаниям и изящному словоупотреблению, а стихотворство мыслится досуговым занятием, не обязывающим к самодисциплине.

Данная реминисценция становится не только интонационным и эмоционально-оценочным камертоном, но и композиционным обрамлением всей первой части стихотворения³: номенклатура деприваций разворачивается в этих 16 строках в контурах, очерченных, с одной стороны, праздностью батюшковского пленника, а с другой — грозящим ему бесславию. Причем герой Пушкина крайне болезненно воспринимает не столько утрату возможности предаваться былым наслаждениям (об этом он как раз ничуть не сожалеет), сколько потерю чувствительности души, творческого дара и могущей не состояться славы:

Напрасно! Я влачил постыдной лени груз,
 В дремоту хладную невольно погрузался,
 Бежал от радостей, бежал от милых муз
 И — слезы на глазах — *со славою прощался!* [7, с. 11],

что в целом согласуется с жанровым амплуа элегического персонажа — это «герой несбывшихся надежд, не реализовавший себя» [8, с. 76].

Однако содержание этого фрагмента не столь традиционно, а его воплощение не так стилистически однородно, как это может показаться на первый взгляд: количество аллюзий и полуреминисценций, по мере развертывания лирического сюжета, начинает возрастать. Так, в 5-м стихе Пушкин почти буквально воспроизводит поэтическую формулу Жуковского «о *дней моих весна*», осуществляя в ней грамматическое переподчинение притяжательного местоимения «мой»: «о дни *моей весны*». Словосочетание было употреблено

говорил одной женщине: *rendez-m oi mes frim as*. Батюшкову это подало мысль написать своего Пленного» [6, с. 581].

³ Такое деление условно, но правомочно, так как подтверждается копиями текста и композицией самого произведения. Первоначально, до правки рукописи в «Тетради Всевожского» весной 1825 г., стихотворение включало 32 строки и, несмотря на отсутствие строфического деления, отчетливо делилось на две симметричные части, сюжетно-композиционным центром которых мыслился стык 16-го («И — слезы на глазах — со славою прощался») и 17-го («Но вдруг, как молнии стрела...») стихов: именно на него приходится излюбленный Пушкиным прием антитезы, вводимый конструкцией с противительным союзом «но».

Жуковским дважды — в элегии «Вечер» (1806): «*О дней моих весна*, как быстро скрылась ты / С твоим блаженством и страданьем!» [9, с. 76], и вольном переложении шиллеровских «Идеалов» (*Die Ideale*, 1795) с заглавием «Мечты» (1812): «*О дней моих весна* златая, / Пстой... тебе возврата нет...» [9, с. 212]. Генезис его восходит не столько к переводным источникам, сколько к поэтической формуле, выведенной еще Н. М. Карамзиным в «Послании к женщинам» (1796):

Исчезли для меня прелестные мечты —
Уже я не могу пленять вас красотой,
Ни юностью своей: *весна моя* прошла... [10, с. 178]

Иначе говоря, пушкинский интертекст содержит в себе двойную аллюзию, сперва адресуя осведомленного читателя к прецедентной формуле Жуковского, а затем, через его голову, и к инвертированной цитате из Карамзина, по лирическому ведомству которого числят себя оба стихотворца. В пределах элегического канона таким способом одновременно достигаются и его соблюдение (обращение к топосу весны как метафоры молодости), и отклонение от него по индивидуальной траектории (выработка оригинальной словесной формулы для передачи нужного семантического нюанса).

Смысл этого двойного пушкинского подтекста становится более внятн на общем фоне избираемых русскими элегиками начала XIX столетия стилистических стратегий. Например, Батюшков, как поэт муравьевской генерации, тоже обращался к образу весны, однако те смысловые соответствия, в которые он включен у каждого из основоположников «школы гармонической точности», оказываются принципиально различными: если у автора «*Моих Пенатов*» и «*Беседки муз*» в подавляющем большинстве контекстуальных значений весна понимается буквально — как время года⁴, то у создателя «*Сельского кладбища*» и «*Вечера*», наоборот, чаще приобретает аллегорико-символическое наполнение. Именно в таком семантическом регистре Пушкин и предлагает понимать словосочетание «дни моей весны», снабжая его дополнительным смысловым оттенком, отсутствующим у Карамзина и Жуковского, — это не просто элегический эвфемизм утраченной юности, но именно метафора *прошедшей юности стихотворца*.

Ту же функцию, основанную на интерполяции наиболее важного претекста в собственное произведение, выполняют и последующие строки: «И гул дубрав горам передавал / Мои задумчивые звуки...» — в них опознается двойная реминисценция из «*Песни барда над гробом славян-победителей*» (1806) Жуковского:

Гремит... раздался гул в дубраве пробужденной! [9, с. 79] — и особенно:

⁴ Из 11 словоупотреблений «весна» в стихотворной части «*Опытов*» можно зафиксировать, пожалуй, только один случай использования Батюшковым этого образа как аллегории собственной молодости: «*Заря весны моей!* тебя как не бывало!» («*Послание г<рафу> В<елеурско>му*» (1809)) [5, с. 270].

Певец ударил по струнам —
 Одушевленны забряцали!
 Воспел — дубравы застенали,
 И гул помчался по горам [9, с. 80].

Как отмечает Т. Фрайман, «в “Песни барда...” для Жуковского были важны <...> не чистота исторического колорита, а возможности лирического повествования о предметах, традиционно бывших объектом воспевания оды. Новизна “Песни...” состояла именно в смешении разных жанровых тенденций и синтезе стилевых регистров» [11].

У Пушкина эта реминисценция тоже становится сигналом внутренней трансформации жанра: высокая эпико-одическая риторика Жуковского, принципиально чуждая элегическому мышлению, демонстративно помещена в несвойственный ей контекст «унылой элегии». На локальном участке текста протяженностью в 8 строк Пушкиным осуществляется парадоксальное смешение разностилевых элементов поэтики самого Жуковского: «Вечер» и «Мечты» принадлежат традиции медитативной элегии, в то время как «Песнь барда...» — элегии военно-патриотической и кладбищенской, а «весна дней», характеризующая преждевременно гибнущего юношу-стихотворца, категорически не согласуется с гулом дубрав и горных вершин, эхом вторящих голосу вещего барда.

К середине стихотворения, т. е. к наступлению его сюжетной кульминации, структура отсылок к претекстам меняется: вместо последовательного расположения Пушкин теперь осуществляет их взаимное наложение и достигает эффекта удвоения смысла, соответствующего максимально напряженному внутреннему состоянию лирического персонажа. Исследователи справедливо отмечают, что лексема «груз» в рифменной позиции 13-й строки в сочетании с глаголом «влачить» адресует нас к фрагменту уже упомянутой элегии Жуковского «Вечер»:

Лишенный спутников, влача сомнений груз,
 Разочарованный душою [9, с. 77]⁵.

Однако думается, что, помещая слово «груз» в концевое созвучие, Пушкин, скорее сознательно, чем безотчетно⁶, следовал также и строке из «Беседки муз» (1817) Батюшкова: «Пускай забот свинцовый груз / В реке забвения потонет» [5, с. 334]. Появление этой лексемы в окончании стихового ряда должно было восприниматься современниками скорее в качестве эксцесса, не соответствующего параметрам элегического стиля, нежели нормы: достаточно отметить, что такая рифма к 1817 г. встречается в стихах только

⁵ Л. Н. Майков считал это заимствование вполне сознательным и основанным на «верной аналогии представлений»: «У Жуковского груз сомнений вызван был воспоминаниями о друзьях, с которыми поэт расстался; у Пушкина груз лени также является плодом воспоминаний о любви, в которой он обманулся» [7, с. 475].

⁶ В. П. Гаевский отмечал, что в употреблении слова «груз» Пушкин, по-видимому, «бессознательно следовал выражению из элегии В. А. Жуковского “Вечер”» [7, с. 475].

у двух современников Пушкина — собственно Жуковского (кроме упомянутого случая, дважды в ироничном послании «П. А. Вяземскому» (1811)) и — однократно — у Батюшкова, в то время как в лирике их младшего товарища и вовсе является беспрецедентной.

Думается, семантика этого концевое созвучия у адептов «школы гармонической точности» связана не с ситуативными разочарованиями (разлука с друзьями или воспоминание о любви, в которой герой обманулся), а с куда более серьезными экзистенциальными мотивировками (разумеется, в пределах элегического модуса): предсмертной душевной «усталостью от сует» и утратой любви к искусствам — у Батюшкова, и тотальным одиночеством и сомнением перед лицом «бездны гробовой» — у Жуковского. Связь с «Беседкой муз» подкрепляется также точным воспроизведением в пушкинском стихотворении батюшковских концевых созвучий «груз – муз» и строгим соблюдением их очередности. Интертекстуальность рифмы становится здесь знаком вовлечения пушкинского текста в особую элегическую модальность предшественников и придает тематике стихотворения такое же глубокое онтологическое обоснование, как «гроб безвременный» у Жуковского и медленная энтропия чувствительности у Батюшкова.

Таким образом, к исходу условной первой части стихотворения, на его кульминационном рубеже, драматическая коллизия пушкинского героя предельно заостряется: если отдаленное прошлое («дни весны») характеризуется максимальной полнотой жизненных ощущений и «противочувствований» (диапазон их колеблется от «волнения любви» до «уныния разлуки») ⁷, то нынешнее состояние являет полную ему противоположность — бескачественную дисперсность, исключаящую какие-либо эмоциональные модуляции. Перед элегическим субъектом стихотворения с неотвратимой очевидностью встает серьезная нравственная дилемма: в чем причины медленного охлаждения сердца и какую этическую квалификацию им дать? Увядает ли оно в соответствии с какими-то всеобщими, не зависящими от воли отдельного человека законами или же печальная праздность и невольная дремота инициированы изнутри? Но способов самостоятельного преодоления этой критической ситуации элегический герой Пушкина не видит, поскольку главный полемический аргумент содержит два взаимоисключающих положения: постыдную лень и бегство от муз невозможно совместить с жаждой поэтической славы — наличие одного подразумевает непременно отсутствие другого.

На сюжетно-композиционном уровне организации стихотворения это неразрешимое противоречие находит соответствие в еще одном, по своей семантической структуре амбивалентном интертексте. Начало второй, антитетической,

⁷ В такой установке реализуется «общее представление сентиментальной этики и моральной философии о психической жизни человека как о сочетании противоположных эмоций» [8, с. 45], а согласно представлениям Аббта и его комментатора Гердера, элегия как раз и должна демонстрировать смешанные чувства печали и радости, «смешанные ощущения», смягчающие и умеряющие страдание [8, с. 17].

части стихотворения — «Но вдруг, как молнии стрела» — апеллирует, по всей вероятности, к строкам эпитафии из вольного переложения «Умирающего Тасса» Батюшкова (1817):

... E come alpestre e rapido torrente,
Come *acceso baleno*
In notturno sereno,
Come aura o fumo, o come *stral repente*,
Volan le nostre fame...⁸ [5, с. 325]

Безусловно, обращает на себя внимание сопряженность темы творческого вдохновения и земной славы в обоих контекстах — и батюшковском, и пушкинском. В последнем она раскрывается в переобращенном относительно текста-оригинала виде: герой Пушкина бежит от милых муз, малодушно уклоняясь от исполнения своего поэтического предназначения, и со *слезами* на глазах осознает иллюзорность надежд на столь желанную славу, в то время как персонаж Батюшкова являет полную ему противоположность: «Муз сладостный восторг не гас в душе моей, / И гений мой в страданиях укрепился» [5, с. 328]⁹, но тоже лишается славы, хотя и заслуженной, расточая по этому поводу *слезные* пени (*lagrimosi lai*). Однако семантическая инверсия в этой интертекстуальной корреспонденции неожиданно получает двунаправленный характер: на стилистическом уровне соотнесенность образов молнии и стрелы с объектами компарирования — славы и вдохновением — оказывается обратно пропорциональна. У Батюшкова она означает скоротечность славы, в то время как у Пушкина, думается, не без влияния батюшковских же «Моих Пенатов» (1814)¹⁰, — внезапное и без преувеличения душеспасительное воздействие «небесного вдохновения» на погруженного в состояние праздности и лени пушкинского поэта. Разрешение апоритического парадокса для него случается чудесным образом (вдруг!), без приложения собственных волевых усилий.

Возвращение к «первоначальным чистым дням» — и здесь выстраивается по-пушкински точная и выверенная очередность состояний — происходит

⁸ ... И как горный и быстрый поток,
¶Как яркая вспышка молнии
¶В ясной ночи,
Как дуновение ветра или дым, или как внезапная стрела,
Проносится наша слава [5, с. 325].

⁹ Сам Батюшков, «обязанный “Иерусалиму” лучшими, сладостными минутами в жизни», одновременно опасаясь судьбы одного из любимейших своих поэтов и явно предчувствуя схожесть с ней своей участи, в примечаниях к элегии откомментирует эту преданность поэтическому дару так: «Воображение, главная пружина его таланта и злополучий, нигде ему не изменило» [5, с. 331].

¹⁰ Если семантика огнеприродности небесного вдохновения встречалась у русских поэтов и до Батюшкова, то его стремительная молниеносность, пожалуй, впервые актуализирована именно им: «Небесно вдохновенье, / Зачем *летишь стрелой*, / И сердца упоенье / Уносишь за собой?» [5, с. 265].

благодаря сначала неожиданному воспламенению «в увядшем сердце младости», которое влечет за собой оживление души, и только после ее пробуждения возвращается возможность восприятия «любви надежды, скорби и радости».

Отдельного внимания заслуживает финальная кода пушкинского стихотворения, его развернутая на 4 стиха каденция с переходом из унылой элегической тональности в торжественное гимническое звучание:

Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!.. [7, с. 11]

25-я строка стихотворения «К ней» представляет собой контаминацию полустихий из стихотворений Жуковского — «Пиршество Александра, или Сила Гармонии» (1812):

Хвала и честь любви! певцу хвала и честь!
И полон сладостной печали,
Очей не может царь задумчивых отвести
От девы, страстью распаленной [9, с. 208]

и «Эпимесид» (1813):

Хвала вам, *боги*; вашей властью
Узнал в любви и в дружбе я
Все наслажденья бытия [9, с. 287], —

которые в прецедентных текстах устанавливают диапазон варьирования психологических состояний персонажа элегий — от «сладостной печали» до «всех наслаждений бытия». Кроме того, эта пушкинская строка являет собой анафорическую аллюзию к одному из самых эмоционально напряженных моментов «Песни барда...»:

Хвала на жертву принесенным
За родших, братий и супруг;
Хвала отечества хранителям священным!
*Хвала, хвала*¹¹ тебе, о падший славы друг! [9, с. 81],

когда «таинственным видением во мгле / Певец воспрянул пораженный» и «обвораживает бряцаньем тихострунным» «бранные тени» погибших воинов¹². Иными словами, лексическая реминисценция к претекстам Жуковского

¹¹ Примечательно, что существительное «хвала» — одно из наиболее частотных в лирике Жуковского, без преувеличения — его лексический автограф: с 1797 по 1817 г. оно встречается в текстах поэта несопоставимо чаще, чем у современников — 49 раз, что может служить дополнительным аргументом, подтверждающим преднамеренность и вполне осознанный характер этой пушкинской аллюзии.

¹² В черновом варианте стихотворения «К ней» между 24-й и 25-й строками первоначально значилось четверостишие, в котором можно усмотреть созвучную с «Песню барда...» семантику видения и выхода лирического героя в трансцендентное

опосредованно вбирает в текст Пушкина, во-первых, семантику окончательно возвращения к герою способности к «противочувствованию» (включающему в себя, по сути, весь спектр элегических, а в представлениях 1810-х гг. и в целом поэтических эмоциональных поводов) и, во-вторых, закрепляет мотив таинственного видения и трансцендентной природы преобразования элегического персонажа.

Для удвоения эффекта, вызванного мгновенной внутренней метаморфозой своего лирического героя, Пушкин в конечной строфе, т. е. наиболее сильной позиции текста, проводит параллель к строкам еще одного особенно значимого для русской элегической традиции прецедентного текста — стихотворения Батюшкова «Мечта» (1817):

Явись, богиня, мне, и с трепетом священным
Коснуся я струнам,
Тобой одушевленным! [5, с. 253]

Ср. у Пушкина:

Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!.. [7, с. 11]

Финальные строки пушкинского произведения демонстрируют наивысшую, по сравнению с предыдущими участками стихотворения, семантическую плотность. Корреспонденции с прецедентным текстом осуществляются здесь одновременно в четырех стилевых регистрах: на уровне лексических совпадений (*богиня – богам, трепетом священным – звонким трепетом, струнам – струны*); параллелизма относящихся к одному и тому же денотату эпитетов с семантикой возвращения к жизни (*струнам одушевленным – воскреснувшие струны*); метрико-интонационных аллюзий — за счет резкого перехода от шестистопного к трехстопному ямбу; наконец, взаимно рифмующихся стиховых окончаний (*струнам – богам – ногам*).

Смысл обращения Пушкина к «Мечте» Батюшкова как главному претексту собственного стихотворения состоит, пожалуй, в следующем. Если до Батюшкова тема поэтических мечтаний, встречаясь у многих поэтов того времени, находится на периферии поэтического сознания, то именно в его стихах она попадает в лирический фокус, становясь эпицентральной для тех же «Опытов». Вообще тема поэтических мечтаний вырастает у поэтов карамзинской генерации — Батюшкова и Жуковского — до масштабов целой художественной концепции, через призму которой осуществляется переосмысление всех остальных элегических топосов. Прежде всего, «мечта есть в сущности

измерение:

Тебя увидел я... нет! в сердце не потух
Святой поэзии восторг неизъяснимый;
Нет! он еще горит, поэта прежний дух,
Сей пламень, музами хранимый! [7, с. 132]

творческое воображение» [8, с. 82–83], которому «отводятся, по существу, три сферы: юность, любовь и поэзия; в этих сферах оно получает оправдание и позитивную ценностную характеристику [8, с. 80].

Способность к мечтательности становится главным условием человеческой и поэтической состоятельности — в буквальном соответствии с лирической максимой Батюшкова: «Мечтание — душа поэтов и стихов» [5, с. 257]. Соответственно, потеря этого качества «есть нравственная деградация, и первый шаг к ней — утрата юности, уносящей с собой любовь и способность жить в мире воображения» [8, с. 83]. Именно поэтому утрата поэтического воображения и, как следствие, потеря творческого дара становятся у самых значительных лириков первых двух десятилетий XIX столетия предметом интенсивных эгических рефлексий. У каждого из них этот вопрос решается по-разному.

Если в ранний творческий период на лирический подиум у Батюшкова выдвигается тема счастливой бедности и непринужденной мечтательности под кровом уединенной хижины, то после душевных потрясений 1815 г. собственному лирическому гедонизму автор «Опытов» уже противопоставляет «пиитическую диэтику» — строгое и вдумчивое отношение к творческому дару в сочетании с высокой требовательностью к себе.

В этот период обращает на себя внимание особенно настойчивая повторяемость мотива утраты «дара песнопений», когда лирический субъект Батюшкова сокрушается по этому поводу уже не столько от имени эмблематического эгического героя (черты которого еще опознаются, например, в «Беседке муз» и потому передаются через форму местоимения 3-го лица: «*Он* молит муз» [5, с. 333]), — сколько от своего имени и персонального душевного опыта:

Так ум *мой* посреди сомнений погибал.
Все жизни прелести затмились;
Мой Гений в горести светильник погасал
И Музы светлые сокрылись.
Я с страхом спросил глас совести *моей*... [5, с. 250]

Батюшков, пожалуй, первым из поэтов карамзинского направления связал мотив утраты творческого дара с нравственным достоинством его обладателя, с состоянием его «пиитической совести» [5, с. 22] и добродетельностью природы. Подвергая смысловой инверсии этот сюжет, он перенаправляет вектор рефлексий своего героя извне вовнутрь. Особенно отчетливо эта трансформация лирического сюжета заметна на фоне образцовой эгической интенциональности Жуковского:

Мое младенчество сокрылось;
Уж вянет юности цветок;
Без горя сердце истощилось,
Вперед присудит что-то рок!
Но я пред ним не побледнею:
Пусть будет то, что должно быть!
Судьба ужасна лишь злодею,
Судьба меня не утрашит [9, с. 58].

«Стихи, сочиненные в день моего рождения» (1803) — один из ранних опытов совмещения идиоматики «романтического увядания» (автономность этой темы заявлена А. Ф. Мерзляковым относительно недавно — в январе 1801 г.) с темой творческого пути: лирический субъект Жуковского сокрушается по поводу «сокрывшегося младенчества» и предполагает — вполне в духе этического кодекса элегии — тягостные испытания роком, готовясь самоотверженно им противостоять.

Действительно, традиционный элегический герой является постоянным объектом воздействия непреодолимых внешних обстоятельств: вероломства возлюбленной, неизбежной старости, тяготения над собой зловещего рока или ранней смерти. Подобный статус — статус жертвы — обеспечивает ему некую презумпцию невиновности, внушая попутно чувство морального превосходства и собственной исключительности. Жуковский, например, связывает ее с правом на безусловное, раз и навсегда данное обладание «священным даром Феба»:

Таков поэт, друзья; презренье
В пыли таящимся душам! [9, с. 347]

Его лирический субъект готов противопоставить всем вызовам, исходящим извне: клевете, зависти и даже похвале заведомо недостойных людей, — благотворный, сладкий и славный уединенный труд («Собою счастливый поэт, / Твори, будь тверд» [9, с. 349]) и предоставляет право вынесения окончательного приговора «необольстительным потомкам». При этом герой Жуковского даже не предполагает наличие внутреннего врага — собственной праздности, малодушия, тщеславия, сомнений в поэтическом предназначении или хотя бы кратковременного отречения от «музы вдохновенной».

Батюшков в решении подобного вопроса менее категоричен. Конвенциональная фразеология и стилистические решения предшествующей традиции подвергаются у него глубинной эмансипации от «школьного догматизма»: теперь не занятия поэзией являются безусловной гарантией добродетели, но ровно наоборот — только добродетельная, не отягченная «ничтожными выгодами жизни и самолюбия» [5, с. 23] совесть поэта является залогом его лирической состоятельности.

Именно с такой проблемой этического порядка сталкивается и пушкинский герой в стихотворении «К ней»: «сладкая задумчивость» карамзинской элегии трансформируется здесь в «печальную праздность», которая к середине текста, вопреки канону, неожиданно получает моральную квалификацию именно в духе Батюшкова: «поэзии поклонник безмятежный» *сетует на себя самого*, праздно забывшего лиру и влачащего «постыдной лени груз»¹³. Этот этический изъян и становится причиной того, что «воображение в мечтах не разгоралось» и герой элегии «забывал лиру» и «бежал от муз».

¹³ В этой строке можно усмотреть интертекстуальную антитезу декларации Жуковского «Страшися, мой певец, не смелости, но лени!» из стихотворения 1814 г. «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» [9, с. 359].

Примечательно, что за верность поэтическому призванию в пору «дней весны» в стихотворении отвечают аллюзии к текстам Жуковского, а за уклонение от него — цитаты и реминисценции из стихотворения Батюшкова. Отталкиваясь «не только от расхожей темы безмятежной юности, но и от столь же расхожей темы чужой вины» [12, с. 211], Пушкин не просто создает прецедент новой элегии, но и предопределяет морально-психологическое истолкование сюжета о поэте и поэзии в своем дальнейшем творчестве.

Наметившееся нравственное измерение традиционной элегической проблематики на фоне обширного батюшково-жуковского интертекста стихотворения «К ней» делает не столь уж неожиданным — возразим здесь И. С. Чистовой — появление в стихотворении и слова «добродетель». Его контекстуальная семантика, на наш взгляд, должна объясняться не столько через связь юного поэта с кружком Е. И. Голицыной [4, с. 6–9], сколько через глубинные смысловые корреспонденции с текстами уже упомянутых старших карамзинистов. В частности, в одном из фрагментов «Опытов в прозе» К. Батюшков, рассуждая о поэте и поэзии, ссылается на Ж. де Сталь: «Хотите ли быть красноречивыми писателями? — говорит красноречивая женщина нашего времени: будьте добродетельны и свободны, почитайте предмет любви вашей, ищите бессмертия в любви, божества в природе; освятите душу, как освещают храм, и ангел возвышенных мыслей предстанет вам во всем велелепии!» [5, с. 23–24]. Связаны поэзия и добродетель оказываются и с именем М. Н. Муравьева — писателя, по мнению автора «Опытов», «которого имя равно любезно музам и добродетели» [5, с. 29].

Причем фразеология элегической школы связывает это понятие не столько с положительными нравственными свойствами характера человека (в противоположность безоговорочно отрицательным страстям и порокам), сколько с утонченной чувствительностью, мечтательностью и способностью воспринимать прекрасное. Эта мысль становится своеобразной поэтической декларацией в стихотворении М. Н. Муравьева «Сила гения» еще в 1797 г., где поэт именуется «питомцем грации моральной», а «душевно здравие владеет дарованьем»:

Ах! если дух тесним страстей обуреваньем
И свет покрыт густою тьмой,
Тогда и гений сам светильник гасит свой.
Воспитанник его, оставленный и сирий,
С расстроеною лирой,
Заросшей странствует тропой [13, с. 226–227].

Потеря поэтического воображения в этой системе координат приравнивается к нравственному падению и предательству собственного Гения, в то время как способность сохранять вопреки всему: утрате юности, угасанию желаний и способности любить — непосредственную восприимчивость души, не замутненной страстями, вменяется ему в заслугу и становится единственным подтверждением подлинности дарования:

Счастливым юноша! прекрасной музы друг!
Питомец грации моральной!
Будь доле в обществе небесных сих подруг;
Довольно времени для истины печальной [13, с. 228].

Именно в этом контексте следует понимать и формулу Жуковского из цикла «Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (еще один хорошо усвоенный молодым Пушкиным претекст стихотворения «К ней») — «Поэзия есть добродетель» [9, с. 347], на фоне которой появление слова «добродетель» в пушкинском стихотворении отнюдь не выглядит стилиевой разноголосицей, а, напротив, приобретает подчеркнуто декларативный характер и демонстрирует последовательную приверженность морально-эстетическому кодексу «школы гармонической точности».

Подобную сюжетную инверсию, перенаправившую элегическую интенцию лирического субъекта с внешнего мира внутрь самого себя, еще нельзя назвать в полной мере регулярным для поэтики Пушкина явлением, но прецедент психологической интроспекции оказывается уже создан — причем в результате пристального чтения и глубокого понимания обширного корпуса элегических произведений К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского и их предшественников.

Список источников

1. Калашников, С. Б. (2007). Ода А. С. Пушкина «Вольность»: эволюция интертекстов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика*, 6, 23–30.
2. Калашников, С. Б. (2019). «Воображаемый разговор с Александром I» и формирование метасюжета «Поэт vs Царь» в творчестве А. С. Пушкина 1824–1826 гг. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (35), 24–32.
3. Смирнова, А. И. (2018). Интертекстуальность художественного дискурса как реализация культурно-интеграционных процессов. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4 (32), 8–15.
4. Чистова, И. С. (1996). К кому обращено стихотворение А. С. Пушкина «К ней»? *Русская речь*, 5, 3–10.
5. Батюшков, К. Н. (1977). *Опыты в стихах и прозе*. М.: Наука.
6. Пушкин, А. С. (1951). *Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7*. М.-Л.: Наука.
7. Пушкин, А. С. (2004). *Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 2. Кн. первая*. (Петербург. 1817–1820). СПб.: Наука.
8. Вацуро, В. Э. (1994). *Лирика пушкинской поры. Элегическая школа*. СПб.: Наука.
9. Жуковский, В. А. (1999). *Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. Стихотворения 1797–1814 гг.* М.: Языки русской культуры.
10. Карамзин, Н. М. (1966). *Полн. собр. стихотворений*. М.-Л.: Советский писатель.
11. Фрайман, Т. (2002). *Творческая стратегия и поэтика В. А. Жуковского (1800-е – начало 1820-х годов)*. Тарту. <https://ruthenia.ru/document/532435.html>

12. Проскурин, О. А. (1999). *Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест*. М.: Новое литературное обозрение.
13. Муравьев, М. Н. (1967). *Стихотворения*. Л.: Советский писатель.

References

1. Kalashnikov, S. B. (2007). Oda A. S. Pushkina «Vol`nost»: e`volyuciya intertekstov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 6, 23–30. (In Russ.).
2. Kalashnikov, S. B. (2019). «Voobrazhaemy`j razgovor s Aleksandrom I» i formirovanie metasyuzheta «Poe`t vs Car`» v tvorchestve A. S. Pushkina 1824–1826 gg. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (35), 24–32. (In Russ.).
3. Smirnova, A. I. (2018). Intertekstual`nost` xudozhestvennogo diskursa kak realizaciya kul`turno-integracionny`x processov. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(32), 8–15. (In Russ.).
4. Chistova, I. S. (1996). K komu obrashheno stixotvorenie A. S. Pushkina «K nej»? *Russkaya rech`*, 5, 3–10. (In Russ.).
5. Batyushkov, K. N. (1977). *Opyty` v stihax i proze*. М.: Nauka. (In Russ.).
6. Pushkin, A. S. (1951). *Poln. sobr. soch.: v 10 t. T. 7*. М.-Л.: Nauka. (In Russ.).
7. Pushkin, A. S. (2004). *Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 2. Kn. pervaya. (Peterburg. 1817–1820)*. SPb.: Nauka. (In Russ.).
8. Vacuro, V. E. (1994). *Lirika pushkinskoj pory`. E`legicheskaya shkola*. SPb.: Nauka. (In Russ.).
9. Zhukovskij, V. A. (1999). *Poln. sobr. soch. i pisem: v 20 t. T. 1. Stixotvoreniya 1797–1814 gg*. М.: Yazy`ki russkoj kul`tury`. (In Russ.).
10. Karamzin, N. M. (1966). *Poln. sobr. stixotvorenij*. М.-Л.: Sovetskij pisatel`. (In Russ.).
11. Frajman, T. (2002). *Tvorcheskaya strategiya i poe`tika V. A. Zhukovskogo (1800-e – nachalo 1820-x godov)*. Tartu. <https://ruthenia.ru/document/532435.html> (In Russ.).
12. Proskurin, O. A. (1999). *Poe`ziya Pushkina, ili Podvizhny`j palimpsest*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.).
13. Murav`ev, M. N. (1967). *Stixotvoreniya*. Л.: Sovetskij pisatel`. (In Russ.).

Информация об авторе

Сергей Борисович Калашников — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПИУ.

Information about the author

Sergej B. Kalashnikov — PhD (Philology), associate professor of the Russian literature Department, Institute of Humanities MCU.

Научная статья

УДК 821.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.02

ФУНКЦИЯ РЕМАРОК И ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ АВТОРСКОЙ РЕЧИ: НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ДРАМЫ ЦАО ЮЯ «ГРОЗА»

Кондратова Татьяна Ивановна¹

Салтанова Надежда Юрьевна²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ kondratovatat@rambler.ru,

² saltanovanu@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема трансформации жанров китайской драматургии в первой половине XX в., определены особенности ремарок и вспомогательной авторской речи в создании новой разговорной драмы Китая. На примере анализа пьесы Цао Юя «Гроза» доказаны особые функции побочного текста драматического произведения: расширенные авторские характеристики, предваряющие появление героев, призваны создать глубокие психологические портреты действующих лиц.

Ключевые слова: китайская драма XX в., разговорная драма, Цао Юй, пьеса «Гроза», функция ремарок, вспомогательная авторская речь.

Для цитирования: Кондратова, Т. И., Салтанова, Н. Ю. (2022). Функция ремарок и вспомогательной авторской речи: на примере анализа драмы Цао Юя «Гроза». Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3 (47), 22–34. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.02

Original article

UDC 821.581

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.02

**THE FUNCTION OF REMARKS
AND AUXILIARY SPEECH:
ON THE EXAMPLE OF CAO YU'S DRAMA
«THE THUNDERSTORM»**

Tatiana I. Kondratova¹Nadezhda Yu. Saltanova²

^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia

¹ kondratovatat@rambler.ru,

² saltanovanu@mgpu.ru

Abstract. The article examines the problem of genre transformation in Chinese drama of the first half of the XX century, identifies the features of the remarks and auxiliary author's speech in creating a new conversational drama in China. On the example of the analysis of Cao Yu's play «The Thunderstorm», the special functions of the dramatic work side text are proved: the expanded author's descriptions, preceding the appearance of the heroes, are designed to create deeper psychological portraits of the characters.

Keywords: Chinese drama of the XX century, conversational drama, Cao Yu, play «The Thunderstorm», function of remarks, auxiliary author's speech.

For citation: Kondratova, T. I., Saltanova, N. Yu. (2022). The function of remarks and auxiliary speech: on the example of Cao Yu's drama «The Thunderstorm». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 22–34. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.02

Путь китайской драматургии — уникальное явление в мировом процессе трансформации жанров, композиционных форм одного из трех родов словесного искусства. Сам процесс появления и функционирования драмы в Китае необычен: он значительно опаздывает по сравнению с лирикой и эпосом, ведь лишь с воцарением на троне Поднебесной инородной династии Юань (XIII в.), по сути, в период монгольского завоевания, драма становится полноправным литературным родом. Причины во многом связаны с ослаблением позиций конфуцианства и, напротив, усилением буддизма.

Китайская традиционная драма и ее основные жанры (цзяцзюй, наньси, куньцюй) имели существенные формальные отличия от европейской драматургии того же периода, в основе которой лежали принципы античного искусства. И хотя китайская драма также соединяла в себе эпическое и лирическое начала, их синтез осуществлялся несколько по-иному. В европейской традиции диалоги героев, как правило, движут действие, что «создает

иллюзию настоящего времени» [1, с. 304]. Чувства героев, их мысли, переживания — все это в европейской драматургии включено в монологи или диалоги действующих лиц. В традиционной китайской драматургии сферы изображения действий и чувств героев были четко разграничены: диалоги, включающие в себя пласты живой разговорной речи, создавали представление о событийном ряде, а значит, обеспечивали движение сюжета, тогда как арии и речитативы (стихотворные вставки, декларируемые актерами), очень объемные, занимающие значительное место в тексте, отражали духовный мир персонажей произведения.

Китайская национальная драматургия, появившаяся в XIII в., вплоть до XX столетия сохраняя традиционную форму, поднимала важнейшие нравственные, социальные, политические проблемы, доносила их до зрителей разных сословий, поскольку благодаря театральным формам воплощения была самой демократичной формой словесного искусства. Однако естественным условием существования любого явления служит его изменение. Настоящей революцией в китайском театре стало появление в первой половине XX в. нового жанра — хуацзюй (разговорной драмы), возникшего, безусловно, под влиянием европейского искусства. «Китайские пьесы 1920-х – 1930-х годов создавались под очевидным влиянием европейской драматургии — Ибсена, О’Нила, Чехова, Горького» [2, с. 6].

Факт появления новой формы отражения жизни в искусстве связан и с переменами в самой жизни. После победы Синхайской революции, уничтожения манчжурского господства, установления республики обновления пришли в разные сферы жизни китайского общества: и в экономику, и в частную жизнь граждан, и в искусство. Особо значимым для обновления жизни общества стал отказ от древнего китайского языка, вэньяня, в сфере нового искусства. Это тоже, несомненно, стало важной основой для развития новой разговорной драмы Китая в первой половине XX в.

Проблемам анализа содержания и формы драматургии Китая XX столетия посвящены многочисленные исследования. Они касаются как творчества отдельных авторов в целом, осмысления художественного мира конкретных произведений [3; 2; 4; 5], так и вопросов компаративного характера: выявления типологических или генетических связей между произведениями китайской и европейской, в частности русской литературы [6; 7]. Наблюдение над спецификой произведений современного европейского театра также важны для нашего исследования [8; 9], поскольку позволяют увидеть общие тенденции процесса развития мировой драматургии, на фоне которого резче проявляется индивидуальность каждого национального театра.

Однако многие моменты трансформации жанров китайской драматургии остаются недостаточно исследованными, требуют детального изучения. К ним можно отнести функцию ремарок в новой китайской драматургии. Исследование одного из элементов поэтики автора «в значительной мере

позволяет проследить специфику развития искомой художественной категории на всех уровнях драмы» [10, с. 8].

Ремарка — авторское замечание, пояснение — важный элемент драматического произведения, поскольку «развернутое повествовательно-описательное изображение в драме отсутствует» [1, с. 303]. В. Е. Хализев относит ремарки к элементам побочного текста, выражающим вспомогательную авторскую речь, к которой принадлежат также списки действующих лиц, иногда сопровождаемые краткими характеристиками, обозначение времени и места действия, описание сценической обстановки [1, с. 303]. Собственно ремарки указывают на жесты и движения, особенности мимики и интонации. Это отнюдь не означает, что все эти приемы вспомогательной авторской речи имеют чисто прикладной характер и их функции в раскрытии характеров героев и идеи произведения в целом незначительны. В ремарках психологической драматургии попутные замечания автора могут неожиданно обнажить смысл ситуации, выявить в ней совершенно иное содержание. Так, в пьесах А. П. Чехова одна меткая ремарка может создать эффект приема остранения. Например, в «Вишневом саде» Шарлотта Ивановна произносит монолог о своей несчастной судьбе, об умерших родителях и при этом, по замечанию автора, «достаёт из кармана огурец и ест» [11, с. 518]. Мы видим, как одна короткая ремарка способна превратить трагедию в фарс.

Ремарки и вспомогательная авторская речь присутствовали и в традиционных жанрах китайской драмы: цзяцзюй и куньцзюй. Их можно в целом классифицировать следующим образом: они, как правило, сводились к указанию на передвижение персонажей и способ произнесения текста героями («входит и говорит», «входит и поет» «уходит»), а также на название мелодии, положенной в основу арии. Иногда это была фиксация направления взглядов героев: кто на кого смотрит, кто кого видит или не видит. Таким образом, в традиционном театре Китая функция ремарок и вспомогательной авторской речи весьма скромна. Список действующих лиц как композиционный элемент в этих жанрах тоже отсутствовал, поскольку появляющиеся в ходе развития сюжета персонажи сами представляли себя.

Существенные трансформации жанров новой китайской драмы повлекли за собой изменение функций отдельных ее композиционных элементов. Прежде всего, жанр хуацзюй (разговорная драма) освободился от музыкальных арий, которые на протяжении всего повествования глубоко и всесторонне раскрывали духовный мир главных героев. В новой драматургии духовные переживания стали звучать в диалогах героев. Китайские авторы, стремясь к жизнеподобию, в противовес традиционной музыкальной драме, не производили развернутых монологов, не имели по воле автора внутренних монологов. Такие формы весьма условны, поскольку в естественной жизни люди крайне редко произносят длинные монологи сами себе. Но в европейской и, в частности, в русской драматургии это обычное явление.

Китайские же драматурги первой половины века, напротив, пытались уйти от эстетических условностей, которыми изобиловала традиционная китайская драма. Например, в драме Цао Юя «Гроза», которая была создана в 1934 г. и считается первым произведением новой китайской драматургии, мы не нашли ни одного развернутого монолога, тем более внутреннего: весь текст пьесы — это непрерывная диалогическая цепочка, где каждая реплика отчасти мотивирована предыдущей и так же мотивирует последующую. Отказывается автор и от типичного для жанра цзяцзюй манеры самопредставления героев, когда на протяжении всего произведения главные персонажи несколько раз называют себя по имени и рассказывают свои истории. В новой китайской драме, как и в европейской, эту функцию выполняет список действующих лиц. Он в драме Цао Юя «Гроза» лаконичен: названы герои, указаны возраст и социальное положение каждого. Отдельно вынесено указание времени и места действия всех четырех актов. Время действия, как в произведениях европейского классицизма, укладывается в сутки. Место действия меняется: богатый особняк — комната бедняков — богатый особняк. Уже здесь будет обозначен один из главных конфликтов произведения: социальные и нравственные противоречия между героями, принадлежащими к одной семье, кровными родственниками, которые в силу случайных, но исключительных обстоятельств оказались на разных социальных полюсах. Причем, в традиции понимания сути европейской трагедии, автор китайской драмы делает разрешение этого конфликта невозможным. В итоге гибнут самые чистые и невинные — новое поколение двух семей: Чжоу Чун и Сыфэн.

Каждое действие пьесы открывается развернутой авторской характеристикой. Прежде всего, она воспроизводит интерьер: в начале первого действия подробно описывается гостиная в доме Чжоу. Убранство комнаты говорит об образе жизни ее хозяев: это богатая семья, о чем свидетельствует обилие изящных вещиц, различных безделушек. Одна деталь выделяется среди современного комфортного убранства — это старая фотография. Значимая подробность будет несколько раз становиться объектом притяжения героев произведения. С описанием уютного, красивого мира контрастирует авторская характеристика атмосферы в комнате: «Гнетущая жара. В комнате спертый воздух. Небо пасмурное, чувствуется, что пойдет сильный дождь» [12, с. 18]. Ее символический смысл будет раскрываться перед читателями по мере развития сюжета: в особняке Чжоу Пуюаня, председателя правления акционеров угольной компании, за внешним благополучием таятся страшные проявления звериной сущности людей, ставящих превыше всего деньги.

Вслед за интерьером автор дает читателям описание мизансцены, не только представляя ее участников, но и давая им избыточную характеристику. Так, описывая Сыфэн, служанку в доме Чжоу, автор не только создает ее подробный визуальный портрет, что не было типичным для европейской драматургии, но и предлагает детальную психологическую характеристику образа.

Если сравнить этот прием со способами раскрытия характеров в европейском классицизме, то подобная функция была свойственна так называемым говорящим фамилиям, значимым именам героев. Читатели могли понять, к положительным или отрицательным героям принадлежит тот или иной персонаж еще до его появления в произведении. Приведем важнейшие детали образа Сыфэн: «здоровая, хорошо развитая физически девушка семнадцати лет», «одета чисто и аккуратно», «живая и подвижная девушка», «в доме Чжоу она научилась непринужденно говорить, однако взвешивая каждое слово», «у нее крупный рот, полные ярко-красные губы», «ровные зубы», «когда она смеется, появляются ямочки» [12, с. 18]. Итог этой подробной авторской характеристики: «Весь облик Сыфэн говорит об ее искренности» [12, с. 18]. Присутствующий в этой же мизансцене отец девушки, Лу Гуй, будет полностью разоблачен авторской характеристикой: «выражение лица говорит о вялости характера», «ввалившиеся глаза и синяки под ними свидетельствуют о крайней порочности», «пошлая, льстивая улыбка», «застыл в угодливой позе», «в глазах часто вспыхивает волчья жадность», «одет неряшливо». Таким образом, еще до начала диалога между отцом и дочерью характеры их предельно ясны читателям. Последующие ремарки еще более подчеркнут разность жизненных ориентиров отца и дочери. Приведем примеры ремарок, сопутствующих речи Лу Гуя: «возмущенно», «алчно улыбаясь», «самодовольно», «повышая голос», «презрительно улыбаясь», «неожиданно, с алчным смехом», «рассерженно», «угрожающе». Автор в ремарках этой мизансцены фиксирует весь спектр проявления отвратительных черт человеческой природы. Лу Гуй в драме являет тип китайского маленького человека, «сяожэнь», лицемерного и бездушного, ненавидящего всех, ценящего только деньги, которые не задерживаются в его руках. Характер дочери, уже обозначенный в авторской характеристике, будет дополнительно объяснен ремарками: «пренебрежительно», «не слушая его», «удивленно», «покраснев», «с отвращением», «сдерживая гнев», «с пренебрежением глядя на отца», «не сдержавшись», «с отвращением», «подавляя гнев», «презрительно». Образ жизни отца, его доморожденная философия, в основе которой презрение к гордости нищих, вызывают у юной, честной и трудолюбивой девушки отвращение. Таким образом, обилие ремарок, фиксирующих, прежде всего, душевные движения героев, призвано выразить авторское отношение к ним — отношение явное, весьма очевидное.

Автор новой китайской драмы в большинстве случаев не скрывает своей позиции по отношению к созданным им героям: авторские характеристики в начале действий и мизансцен, подкрепленные ремарками, транслируют читателям авторскую позицию. Это касается в первую очередь героев, характеры которых можно назвать однобокими: Лу Гуя, Сыфэн, Чжоу Чуна, Лу Дахая, Лу Шипин. Так, младший сын богача Чжоу Пу, Чун, согласно авторской характеристике, «по-детски наивен, любит фантазировать» [12, с. 28]. Его реплики в начале драмы неизменно сопровождаются ремарками, свидетельствующими

об искренности, открытости миру, любви к людям. Этот юный и самый нравственно чистый герой драмы влюблен, счастлив своей любовью, поэтому говорит «восторженно», «взволнованно», «радостно», «доверительно», «смущенно», позже «неуверенно», «обиженно», «разочарованно» и т. д. Старший брат Сыфэн, Лу Дахай, представляет класс пролетариев, чье сознание пробудили перемены в стране. Появлению этого героя предшествует авторская характеристика, самое важное в которой — указание на его внешнюю несхожесть с сестрой, на политические убеждения (Лу Дахай — инициатор и руководитель забастовки шахтеров), а также на основные черты его характера: «настойчивый и упрямый», «глаза полны силы и огня», «говорит отрывисто, коротко и внешне холодно» [12, с. 25]. Не зная тайны своего рождения, он, сын богача Чжоу, выросший в бедности и презрении общества, питает нескрываемую злобу к тем, кто живет за счет рабочих, безжалостно эксплуатируя их. И если в разговоре с сестрой, которую он любит, его репликам сопутствуют ремарки «говорит просто», «уверенный в своем праве», то в общении со старшим сыном Чжоу, Пинем, являющимся родным братом героя, его речь окрашена другими эмоциями: «мрачно», «сурово», «с ненавистью», «с отвращением», «гневно». Все это служит созданию образа нового социального типа, умного и решительного, который, по мнению автора, борется за справедливую жизнь.

Характер Лу Шипин, матери Сыфэн, в авторской характеристике лишь очерчен, поскольку героиня, о которой неоднократно вспоминают разные персонажи на протяжении первого действия, появляется лишь в конце второго. Читателю уже известно, что это сильная женщина, поскольку смогла пережить страшную несправедливость со стороны Чжоу Пу в молодости, когда тот, чтобы жениться на богатой женщине, выгнал Лу Шипин из дома с новорожденным ребенком, оставив у себя их первого сына. Пройдя через многочисленные испытания, она сохранила и былую красоту, и чувство достоинства. В лаконичной характеристике героини автор отмечает это: былые страдания отражаются в «застывшем ее взгляде», нынешнее положение — в одежде «скромной и опрятной, как у женщины из разорившейся семьи». Автор особо отмечает ее «тихий и спокойный голос», через который проявляется такой же сдержанный характер. Шипин умна: попав в семью Чжоу, которая разрушила ее жизнь и с которой теперь связаны судьбы ее детей Сыфэн и Пина, она старается говорить «приветливо улыбаясь», «уклончиво». Ремарки показывают, как умеет эта героиня сдерживать свои эмоции. Однако встреча с Чжоу Пу, виновником трагедии ее жизни, заставляет героиню дать волю эмоциям. Ее гневные реплики, разоблачающие ханжество человека, который живет, считая себя приличным семьянином, свою семью — образцовой, сопровождаются ремарками: «скорбно», «гневно», «горько смеясь», «с глазами, полными слез».

Таким образом, при раскрытии образов вышеназванных героев ремарки служат дополнением к авторским характеристикам, усиливая проявление той или иной черты характера, доминирующей в персонаже.

К сложным, неоднозначным в действиях, в проявлении чувств можно отнести, с нашей точки зрения, трех героев драмы Цао Юя «Гроза»: это Чжоу Пу — отец семейства, его старший сын от Лу Шитин — Чжоу Пин, а также Чжоу Фаньи — вторая жена Чжоу Пу, мачеха Чжоу Пина, состоящая в любовной связи со своим пасынком.

Чжоу Фаньи в драме является и жертвой, и преступницей одновременно. Она чахнет в семье Чжоу, не чувствуя любви мужа — человека делового, властного. Авторская характеристика перед появлением в пьесе героини объемна. В этой «старомодной китаянке» подчеркивается изящная, но пугающая красота, в глазах «светится глубокая печаль». Автор сразу указывает на противоречивость ее образа: «изящная и слабая, любящая поэзию, сдержанная и умная, но в глубине души ее таится какой-то протест, который проявляется в ее чувствах, в смелости, необузданной фантазии, в ее неожиданно проявляющейся непонятной силе» [12, с. 34]. Как в сказовой манере, ориентированной на воспроизведение устной речи рассказчика, свойственной классическим китайским романам, автор драмы напрямую обращается к читателям: «Если она полюбит вас, то любовь охватывает ее как пламя; если возненавидит, то ненависть запылает у нее в сердце огнем, и в обоих случаях этот огонь сожжет вас» [12, с. 34]. Драматург в своей характеристике, предваряющей слова и поступки героини, стремится передать неоднозначность ее образа, раскрывая его черты через яркие метафоры и сравнения, также обращенные к читателю: Фаньи «похожа на осенний лист, что тихо падает у ваших ног осенним вечером» [12, с. 34]. Поэтика умирания чувствуется во всех элементах вспомогательной авторской речи: Фаньи одета «во все черное», она все время, согласно ремаркам, «кашляет».

Образ этой героини в начале драмы вызывает противоречивые чувства, что говорит о его глубине. В присутствии нелюбимого мужа, который запрещает ей покидать комнату, силой принуждает употреблять лекарства, Фаньи выглядит несчастной: говорит «испуганно», «умоляюще», «дрожащим голосом». Эти ремарки создают на время образ хрупкой, слабой и незащищенной женщины, вызывая к ней сострадание. Однако сжигающая любовь к бросившему ее пасынку, ненависть к служанке Сыфэн, в которой она чувствует соперницу, открывает образ Фаньи с совершенно иной стороны: она говорит со служанкой, которая заботится о ней, «неожиданно с ненавистью». В ее разговоре с Чжоу Пинем, который пытается освободиться от позорной для него страсти, которой он поддался в юности, ремарки демонстрируют всю амплитуду постоянно меняющихся чувств героини — от грусти до ярости. Она упрекает Пина в соблазнении и тут же признается, что эта связь лишила ее всех других женских чувств: она уже не считает себя ни матерью, ни женой. Трагедия брошенной женщины звучит и в словах героини: это мольбы, упреки, угрозы любимому человеку. Ремарки подчеркивают накал страстей в данной ситуации: «По лицу ее бегут слезы. Не сдержавшись, она с рыданием падает

на диван» [12, с. 61]. Желая удалить соперницу из дома, Фаньши беседует с матерью Сыфэн «вкрадчиво», боясь потерять лицо перед посторонним человеком. А вот Пину о любви к девушке низкого сословия говорит «угрожающе», «холодно улыбаясь».

Образ этой героини лишен статичности, по мере развития сюжета в Фаньши прогрессирует злоба, которая выливается в бунт, имеющий разрушительную силу. Даже с мужем в финале драмы она говорит уже не испуганно, а, согласно ремаркам, «равнодушно», «мстительно», «с отвращением», «упрямо», «с пренебрежением», «с неприязнью». В драме «Гроза» изображен процесс потери рассудка, и это горе от любви. Фаньши одновременно вызывает и жалость, как больной, теряющий рассудок человек, и осуждение, ведь в своей слепой запретной любви к пасынку она не щадит даже своего младшего сына Чуна: желая препятствовать отъезду Пина, она раскрывает болезненную для юноши тайну — связь Пина и Сыфэн. Ремарки отмечают «странное выражение» ее лица, манеру говорить «холодно», «угрожающе», «горестно», «с бешенством», «умоляюще». В порыве этих безумных чувств она открывает в присутствии родного сына тайну ее связи с его сводным братом. Именно она препятствует отъезду Пина и Сыфэн, запирая двери. Узнав о смерти Чуна, Фаньши только «безумно смеется», что свидетельствует о помутнении ее рассудка. Таким образом, ремарки, характеризующие речевую манеру этой героини, раскрывают процесс трансформации женского самосознания, вызванного роковой запретной страстью. В целом все три главных женских образа драмы по-своему «реализуют идеи эмансипации» [13, с. 19].

Несмотря на то что в общем потоке диалогов реплики Чжоу Пуюаня — хозяина дома, отца семейства — значительно уступают в объеме другим персонажам, они тоже создают далеко не однозначный образ дельца, хозяина жизни, представителя нового социального класса начала XX в. — китайской буржуазии. В авторской характеристике, предшествующей появлению героя, драматург сообщает его возраст, потом следует портрет, с вкраплением психологических комментариев, однако их немного, по сравнению с характеристиками других героев. Указано лишь, что Чжоу Пуюань, «подобно многим разбогатевшим людям, особенно строг со своими детьми» [12, с. 45], что «на лице его лежит печать усталости и многолетних переживаний», «колючий взгляд и неожиданно возникающая на губах холодная улыбка говорят о свойственных ему строптивости, самоуверенности и упрямстве» [12, с. 46]. Все остальные сведения авторской характеристики касаются лишь внешнего вида героя: «полноват», «щеки обвисают», «чистая аккуратная одежда», «наполовину седые волосы» и т. п.

До появления героя на сцене представление о нем уже сложилось из слов других персонажей: его боится и ненавидит жена, которую он насильно заставляет лечиться. Представитель рабочих, Лу Дахай, тоже заявляет о своей ненависти к хозяину шахты, который, пользуясь рабским трудом рабочих,

наживает свои капиталы. Таким образом, из реплик этих персонажей возникает негативное отношение к еще не появившемуся в действии герою, и авторская характеристика открывает другой взгляд на возможную трактовку его образа.

Ремарки, сопутствующие образу Чжоу Пуюаня, раскрывают его неоднозначное отношение к членам семьи. С младшим сыном и его матерью, Фаньи, он говорит «строго», «недовольно», «рассерженно», «холодно», «кричит», что показывает отсутствие добрых чувств героя по отношению к этим, казалось бы, самым близким людям. А вот к старшему сыну, Пину, даже зная о его недостойном поведении: пьянстве, разгулах, — он обращается «ласково». Это свидетельствует не только об особом отношении к Пину, но и о его былых чувствах к его матери. Несколько раз в тексте повторяется попутное авторское замечание — «смотрит на часы», что свидетельствует о постоянном желании Пуюаня прекратить общение с домочадцами, его занятости служебными делами. Этот герой не хочет помнить свое прошлое, его утешает придуманная легенда о смерти первой жены, которая позволяет ему считаться в обществе приличным человеком. Встретив спустя тридцать лет мать своего старшего сына, Лу Шипин, он думает, прежде всего, о том, какой суммой денег заставить ее не поднимать шума, не выдать присутствующим тайну его прошлого. Узнав о том, что его родной сын — Лу Дахай, который возглавляет забастовку на шахте, Пуаньши «холодно смеется». Ремарка «неожиданно» указывает на внезапно пришедшую в голову героя мысль: и она тоже связана с деньгами, ведь в системе ценностей этого человека все покупается и все продается. И все же в финале автор хотел показать некоторое душевное движение героя: хоть он снова говорит о деньгах, однако «гневно» требует от старшего сына признать Лу Шипин своей матерью. Герой не может понять, что ошибки, точнее преступления, совершенные им в молодости, привели к трагедии его любимого старшего сына: кровосмесительной связи со своей сестрой. И, как в античной трагедии, Чжоу Пуюаня в финале ждет возмездие. Известно, что Цао Юй читал в английском переводе Еврипида и Эсхила и «их творчество самым непосредственным образом повлияло на драматурга» [14, с. 289]. Поняв, что его старший сын покончил с собой, герой, прежде спокойный, холодный, всегда управляющий своими чувствами, «с безумным криком выбегает из комнаты» [12, с. 142]. Ремарки, сопровождающие движение этого образа, помогли увидеть не только суть характера героя, но и авторское отношение к нему самому и совершенному им в прошлом преступлению.

Один из самых сложных образов драмы — старший сын Чжоу, Пин. История его жизни, проступающая из реплик персонажей, свидетельствует о наличии в его жизни тайных страстей, которых он теперь стыдится и от которых хочет избавиться. Авторская характеристика перед появлением героя на сцене намекает на тайну его рождения, ведь его мать — простолюдинка. У Пина «большие грубые руки». Портрет отмечает склонность героя к «необузданному пьянству

и диким загулам»: «Он небрит, неопрятен, зевает» [12, с. 44]. Помимо внешних деталей, авторская характеристика содержит глубокий психологический портрет героя. Здесь мы снова видим непосредственное обращение к читателю: «Однако если вы побудете с ним, то почувствуете, что он отнюдь не такой обаятельный и чистый, как вам показалось» [12, с. 43]. Отмечает драматург и глубокие противоречия в характере героя: «непосредственность, сомнение, робость», герой «вечно раскаивается в совершенных им поступках», «часто ненавидит себя и завидует всем решительным людям». Вспомогательная авторская речь содержит и намек на эгоистичность героя: «Он стремится спасти себя, ему нужны новые силы, безразлично какие, лишь бы они могли помочь ему избавиться от противоречий» [12, с. 43].

Пытаясь забыть свое прошлое, которое теперь кажется ему постыдным, Чжоу Пин постоянно находится в страхе, что будет раскрыта тайна его связи с мачехой. Он боится и отца (с ним он говорит «испуганно», «еще более испуганно», «растерянно», «бледнея», он «краснеет», «натянута улыбається»). Ремарки обнажают постоянный душевный надрыв, в котором находится герой. С Фаньи в начале драмы он ведет себя тоже робко и испуганно, боясь ее гнева, разоблачений, говорит «смущенно», «грустно». Пин «боится оставаться с мачехой наедине» [12, с. 58], он не может вести себя естественно, поэтому «деланно смеется». Однако нежелание Фаньи смириться с тем, что его чувства угасли, ее упреки и угрозы пробуждают в герое иные чувства: он говорит «с горечью», «холодно», в последней же сцене обращается к мачехе «враждебно», «с ненавистью», даже «подавляя отвращение». Его потрясает чудовищная сила ревности этой женщины, которая в своих чувствах не щадит никого. Совсем другие эмоции героя отмечают ремарки к репликам Пина, обращенным к Сыфэн. Именно с ней он связывает надежду на возрождение своей души, на перемену в жизни. Он говорит «горячо», «смеясь», «удивленно», «взволнованно». Ремарки дают представление о способности героя изменить свою жизнь: он все же принимает решение немедленно покинуть дом отца и забрать с собой любимую девушку. Однако противостоять роковой неизбежности он не может. Узнав о том, что Сыфэн его сводная сестра, он испытывает потрясение. Смерть любимой толкает его на самоубийство — в данной ситуации это выглядит как поступок сильного человека, что противоречит авторской характеристике в начале драмы, где герой в целом предстает слабым, бессильным.

Таким образом, ремарки и вспомогательная авторская речь в драме Цао Юя «Гроза», представляющей новый тип китайской драматургии, свидетельствуют о полном разрыве с формальной традицией прежнего драматического искусства Китая. Детальные авторские описания места действия, подробные авторские характеристики персонажей, включающие в себя психологические трактовки поступков героев, обилие ремарок, фиксирующих мельчайшие перемены душевного состояния героя, при отсутствии развернутых монологов, а также монологов внутренних — все это призвано заменить

повествовательно-описательное изображение, которое было присуще эпической форме воспроизведения жизни, а также обеспечить глубокое проникновение в душевный мир персонажей, в традиционной китайской драматургии явленный через лирические фрагменты — арии героев.

Список источников

1. Хализев, В. Е. (1999). *Теория литературы*. Высшая школа.
2. Мыльникова, Ю. С. (2018). Предисловие. *Китайская драма XX–XXI вв.* Гиперион.
3. Кондратова, Т. И. (2022). Китайская драматургия: проблемы традиций и новаторства. *Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее и будущее*: сб. науч. ст. Институт иностранных языков ГАОУ ВО г. Москвы «Московский городской педагогический университет», 59–64.
4. Никольская, Л. А. (1984). *Цао Юй. Очерк творчества*. МГУ.
5. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. Вопросы когнитивной лингвистики, 3 (56), 120–125.
6. Сунь Дамань, Фань Сяо Сяо. (2020). Пересмотр трагедии Катерины и Фаньи в контексте китайской и русской культур. Мир науки, культуры, образования, 3 (82), 441–443.
7. Чжан Исянь. (2019). Пьеса «Гроза»: поэтика русской и китайской драмы. *Новости науки 2019: сборник материалов VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции*. Империя, 16–21.
8. Борботько, Л. А. (2015). Типографические особенности авторского метатекста в печатном театральном тексте. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 4 (28), 73–81.
9. Викулова, Л. Г., Борботько, Л. А. (2017). Коммуникативное пространство театра в лингвопрагматической парадигме. *Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Тверь, 07–08 апреля 2017 года*. Тверь: Тверской государственный университет, 49–52.
10. Баранова, К. М., Федоренко, О. Я. (2020). Трансформация мотива «невинность» в американской драме XX века (на примере пьесы Т. Уильямса «Предназначение на слом»). Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3 (39), 8–17.
11. Чехов, А. П. (1984). *Вишневый сад*. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Правда.
12. Цао Юй. (2018). Гроза. *Китайская драма XX–XXI вв.* Гиперион, 17–143.
13. Меркулова, М. Г., Григорьева, М. А. (2019). Положение женщины в обществе: основные этапы эволюции темы в драматургии Г. А. Джонса. Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2 (34), 19–29.
14. Попов, О. П. (2012). *Китайская литература*. Арткрас.

References

1. Xalizev, V. E. (1999). *Teoriya literatury*. Vy'sshaya shkola. (In Russ.).
2. Myl'nikova, Yu. S. (2018). Predislovie. *Kitajskaya drama XX–XXI vv.* Giperion. (In Russ.).

3. Kondratova, T. I. (2022). Kitajskaya dramaturgiya: problemy` tradicii i novatorstva. *Obuchenie kitajskomu yazy`ku i kul`ture: proshloe, nastoyashhee i budushhee*: sb. Nauch. st. Institut inostranny`x yazy`kov GAOU VO g. Moskvyy` «Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet», 59–64. (In Russ.).
4. Nikol`skaya, L. A. (1984). Cao Yu. *Ocherk tvorchestva*. MGU. (In Russ.).
5. Chupry`na, O. G., Baranova, K. M., Merkulova, M. G. (2018). Sud`ba kak koncept v yazy`ke i kul`ture. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki*, 3 (56), 120–125. (In Russ.).
6. Sun` Daman`, Fan` Syao Syao. (2020). Peresmotr tragedii Kateriny` i Fan`i v kontekste kitajskoj i russoj kul`tur. *Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya*, 3 (82), 441–443. (In Russ.).
7. Chzhan Isyan`. (2019). P`esa «Groza»: poe`tika russoj i kitajskoj dramy`. *Novosti nauki 2019: sbornik materialov VIII Mezhdunarodnoj ochno-zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Imperiya, 16–21. (In Russ.).
8. Borbot`ko, L. A. (2015). Tipograficheskie osobennosti avtorskogo metateks-ta v pechatnom teatral`nom tekste. *Nauchny`j vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arxitekturno-stroitel`nogo universiteta. Seriya: Sovremennyye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya*, 4 (28), 73–81. (In Russ.).
9. Vikulova, L. G., Borbot`ko, L. A. (2017). Kommunikativnoe prostranstvo teatra v lingvopragmaticheskoy paradigme. *Yazy`kovej diskurs v social`noj praktike: sbornik nauchny`x trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tver`, 07–08 Aprelya 2017 goda*. Tverskoj gosudarstvenny`j universitet, 49–52. (In Russ.).
10. Baranova, K. M., Fedorenko, O. Ya. (2020). Transformaciya motiva «nevin-nost`» v amerikanskoj drame XX veka (na primere p`esy` T. Uil`yamsa «Prednaznache-no na slo»»). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3(39), 8–17. (In Russ.).
11. Chexov, A. P. (1984). *Vishnevyy`j sad*. Soch.: v 4 t. T. 4. M.: Pravda. (In Russ.).
12. Cao Yu. (2018). Groza. *Kitajskaya drama XX–XXI vv*. Giperion. (In Russ.).
13. Merkulova, M. G., Grigor`eva, M. A. (2019). Polozhenie zhenshhiny` v obshhestve: osnovny`e e`tapy` e`voljucii temy` v dramaturgii G. A. Dzhonsa. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2 (34), 19–29. (In Russ.).
14. Popov, O. P. (2012). *Kitajskaya literatura*. Artkras. (In Russ.).

Сведения об авторах

Татьяна Ивановна Кондратова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Надежда Юрьевна Салтанова — кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Tatiana Ivanovna Kondratova — PhD (Philology), docent, associate professor of Chinese language Department, Institute of Foreign Languages MCU.

Nadezhda Yurievna Saltanova — PhD (Philology), associate professor of Chinese language Department, Institute of Foreign Languages MCU.

Научная статья

УДК 82–222

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.03

ИГРОВОЕ НАЧАЛО ВОДЕВИЛЕЙ А. П. ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ АБСУРДИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ

Калашников Сергей Борисович¹

Громов Алексей Владимирович²

^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

¹ sergeyk34@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>

² grymep4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

Аннотация. На основе принципов интертекстуальной деконструкции в статье рассматривается феномен литературной игры в одноактной драматургии А. П. Чехова и его значение для абсурдистской традиции. Чеховский интертекст охватывает обилие элементов отечественной и мировой культуры, обуславливая явление культурно-семантической полифонии, отвечающей за культурный диалог (в том числе за литературный). Излюбленной формой литературного диалога для русского писателя стала пародия, разновидностью которой является сюжетная инверсия (переворачивание смыслов), что генетически роднит одноактную драматургию А. П. Чехова с абсурдистской драмой XX в. Диалог строится как с объектами культурной среды (например, с другими авторами), так и с реципиентом. Если диалог с авторами определяется контртекстом, то с читателем/зрителем — смысловой игрой, являющейся ключевым средством абсурдизации текста на интертекстуальном уровне. Игра включает реципиента в текст на творческом уровне, тем самым косвенно ломая четвертую стену посредством категории интерактивности. А. П. Чехов, заигрывая с читателем, втягивает в заколдованный круг Хаоса повседневной жизни и своих героев, где с ними происходит сплошная путаница и неразбериха.

Ключевые слова: абсурд, игра, пародия, контртекст, интерактивность, сюжетная инверсия, минус-прием.

Для цитирования: Калашников, С. Б., Громов, А. В. (2022). Игровое начало водевилей А. П. Чехова в контексте абсурдистской традиции. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 35–46. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.03

Original article

UDC 82–222

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.03

PLAY BEGINNING OF A. CHEKHOV'S VAUDEVILLES AGAINST THE ABSURDIST CONTEXT

Sergej B. Kalashnikov¹Alexey V. Gromov²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia¹ sergeyk34@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9521-476X>² grymep4orina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3279-5376>

Abstract. Intertextual deconstruction empowers the author of the article to examine the phenomenon of literary play in A. P. Chekhov's one-act dramatic pieces and its significance for the absurdist tradition. Chekhov's intertext covers an abundance of national and world culture constituents, leaving the phenomenon of cultural and semantic polyphony responsible for cultural dialogue (including literary). It is parody that has become the writer's favorite form of literary dialogue with plot inversion (inversion of meanings) being a type of it. The latter genetically relates A. Chekhov's one-act plays to the absurdist drama of the XX century. The dialogue is built both with the cultural environment elements (for example, with other authors) and with the recipient. If the dialogue with the authors is determined by the countertext, then the one with the reader/viewer represents a semantic game, which is the key means of text absurdization at the intertextual level. The game engages the recipient into the text at the creative level, thereby indirectly breaking the fourth wall through the category of interactivity. A. Chekhov, flirting with the reader, draws the characters into the enchanted circle of the everyday life Chaos, where they experience total confusion and turmoil.

Keyword: absurd, game, parody, countertext, interactivity, plot inversion, minus-reception.

For citation: Kalashnikov, S. B., Gromov, A. V. (2022). Play beginning of A. Chekhov's vaudevilles against the absurdist context. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 35–46. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.03

Используя средства изображения, принадлежащие абсурдистской традиции, А. П. Чехов выступает отчасти как новатор в русской литературе. Мы говорим «отчасти», поскольку в ходе изучения данного вопроса пришли к заключению, что поэтика абсурда одноактной драматургии А. П. Чехова формировалась под влиянием ряда произведений Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Например, в чеховских водевилях органично смешивается трагическое и комическое, что обусловлено, во-первых, соответствующей тенденцией в развитии жанра, тяготением к неклассическим формам сатиры с «особыми формами типизации», «подчеркнутой условностью, художественной деформацией, игрой смыслами, художественным синтезом» [1, с. 36–37], во-вторых, художественным талантом великих

предшественников, показавших Чехову средства и способы соединения столь противоречивых элементов. Данные авторы, соответственно, также внесли немалый вклад в развитие абсурдистской традиции.

Е. Г. Логинова в статье «Векторы упорядочивающего уподобления в драматургии А. П. Чехова как предтечи драмы абсурда» справедливо отмечает, в чем именно заключается новаторство русского писателя: «Парадоксальность и бессмысленность бытия необъяснимы привычными, имеющимися в распоряжении человека способами. И новаторство А. П. Чехова в том, что он сумел уловить эту необъясненность» [2, с. 107]. То есть А. П. Чехов видел трагикомичную фантазмагорию обыденной жизни, замечал ее алогичность, фиксировал парадоксальные вещи, чуждые для нормативной логики, а главное, сумел, сохраняя правдоподобность (реалистичность) действия, изобразить это на страницах водевилей, тем самым внося значительный вклад в развитие приемов абсурдизации текста, которые спустя четверть века были актуализированы в произведениях Г. Пинтера, С. Беккета, Э. Ионеско и др. Мы имеем в виду такие приемы, как замена действия диалогом, статичный хронотоп, чуждые привычной логике реплики, парадоксальные поступки героев, отсутствие взаимопонимания между персонажами, когда кажется, что никто никого не слышит, и, конечно, пародийность, что в рамках данной статьи актуально в первую очередь.

Произведения, написанные в русле абсурдистской традиции, всегда были склонны к пародированию: переворачиванию смыслов, редуцированию формы, игре с читателем, интенциям на насмешку, широкому интертекстуальному плану, в том числе контртекстуальному. Контртекст — это литературный диалог между авторами, что является характерной чертой творчества А. П. Чехова. Об этом, например, пишут Л. С. Шаталова и Н. С. Шаталова. Исследователи рассмотрели литературный диалог между рядом чеховских произведений и толстовской повестью «Крейцера соната», заключающийся в противоположном решении общей идеи: «Толстовский текст определяет динамику и тональность чеховского текста. Однако постановка проблемы семьи, брака, любви как проблемы социальной, выражение гражданского и нравственного идеала, поиска духовного начала при общей идее художественно различны. Интертекст фактически превращается в контртекст» [3, с. 281]. Заметим, что обращение к какому-либо культурному явлению не обязано определяться генетической связью. Например, в пьесе «Предложение», используя сюжетную модель *матримониальных отношений*, Чехов устанавливает не генетическую, а *методическую связь* с пьесой А. С. Грибоедова «Горе от ума». Писатели схожим образом отгалкиваются от светского сюжета о влюбленных, по-разному трансформируя его содержание: «Грибоедов полемизирует с классическим “инвариантом” светской комедии, чтобы придать ему дополнительную семантическую нагрузку, через пластическую картину передать обобщающий смысл, показать принцип светских отношений. Чехов, в свою очередь пародируя традиционный поворот событий в подобном сюжете и имея в виду

его трансформацию в бессмертной комедии Грибоедова, устраивает суд не столько над людьми, сколько над их уродливым общественным амплуа» [4, с. 88]. Как мы видим, возможности пародии А. П. Чехов использует в качестве эффективного средства по углублению идейно-художественного плана.

Пародия — это не только неиссякаемый источник для обогащения художественного текста элементами культурного фонда, но и способ наладить диалог с читателем: происходит обращение к культурному опыту читателя/зрителя, у которого, в свою очередь, возникают индивидуальные ассоциации, чувства и ожидания. Согласно основному положению герменевтики, текст существует только тогда, когда воспроизводится реципиентом (посредством интерпретации). Так, возникает диалог между автором и читателем (или между двумя текстами).

Интересно то, что в одноактной драматургии А. П. Чехов строит литературный диалог с читателем именно на игровой основе. Обратим внимание на такое свойство чеховской пародии, как *переворачивание смыслов*, которое не только роднит одноактную драматургию русского писателя с абсурдистской драмой XX в., но и показывает разность между двумя этими подходами к пародированию. Например, исследователь В. В. Шервашидзе пишет о том, что «поэтика театра абсурда построена на принципе демонстративного парадоксального выворачивания структур реального мира» [5, с. 5]. Это значит, что реципиент драмы абсурда сталкивается с художественной инверсией реальности, абсурдистской пародией на реальный мир, что при рецепции зачастую сопровождается экзистенциальной тревожностью или страхом. Пародия А. П. Чехова отличается тем, что она обладает в большей степени литературно-игровым характером, чем философско-экзистенциальным. Писатель не ставил перед собой задачу вывернуть реальность, но он никогда не отказывался от того, чтобы остроумно переиграть, переосмыслить чужой текст, равно как и собственный. Как верно отмечал В. Я. Пропп, Чехов — это великий мастер пародии: «Непревзойденным мастером пародии был Чехов. Чехов пародирует романтически взвинченный стиль Виктора Гюго, фантастику Жюль Верна, пародирует детективные романы и т. д. Высмеиваются также недостатки и текущей литературы» [6, с. 79].

Чеховские пьесы «Предложение» и «Медведь» пародийны по отношению друг к другу, но при этом пародичны по отношению к произведениям предшествующей литературы, так как используют популярный *сюжет матримонимальных отношений*. Так, в завязке пьесы «Медведь» изображается дама «печального образа», у которой год назад умер муж. Отрекшись от какой-либо светской жизни, на протяжении года она не выходит из дома: «Я паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы» [7, с. 293–311]. Вдруг к ней является кредитор покойного мужа, но в ходе конфликта сюжет о взыскании денежных средств превращается в анекдотическую историю

сватовства. В пьесе «Предложение» разворачивается уже привычная модель «жених – невеста», но только жених приходит не за деньгами, как это было в «Медведе», а сразу за невестой, отец которой «в сторону» высказывает опасение о том, что тот пришел за деньгами: «Чубуков (в сторону). Денег приехал просить! Не дам!» [8, с. 313–330]. Сюжетные модели данных произведений пародийно отражают друг друга. Такое отражение походит на эффект кривого зеркала, что провоцирует читательский смех.

Данный тип пародии можно определить как *сюжетную инверсию*. При такой пародии фабульные параллели высвечивают изнутри сюжет другого текста, но только лишь высвечивают: читатель не обнаруживает по мере развития действия привычных деталей, сюжетных ходов. В водевилях «Предложение» и «Медведь» сюжетная инверсия функционирует как минус-прием. Абсурдизации подчинены интенции Чехова опознать высокие мотивы и обманывать читательские ожидания: ждали предложение — получите Воловьи лужки. Уже ждете разрыв отношений? Получите предложение. В этой связи интересно то, что в подтексте водевиля «Медведь» иронически заложено выражение «никогда не говори никогда». Оба героя уверены в том, что в их жизни больше нет места для любви, но в финальной сцене сходятся в «продолжительном поцелуе». Сюжет представляет собой один развернутый парадокс. Абсурдный план зиждется на контрастных убеждениях героев, а также на том, как быстро и с какой легкостью эти убеждения теряют свою силу. Чеховед А. П. Чудаков в своей монографии делает точное замечание о том, что в ранних произведениях писателя, тяготеющих к юмористической традиции, нередко используется минус-прием в качестве средства для создания пародии или пародийных частей текста: «И с первых же лет Чехов очень охотно пародировал весь поэтический предметный набор массово-литературного пейзажа <...> Однако, если бы Чехов ограничился только отталкиванием и пародированием, его пейзаж так бы и остался в рамках юмористической традиции. Для создания нового литературного качества одного минус-приема недостаточно» [9, с. 133].

Таким образом, ключевое свойство пародии, актуализирующее абсурдный план в чеховских водевилях, — это *смысловая игра с читателем*. Отметим, что вне научного дискурса абсурд традиционно преподносится с негативной коннотацией: «Обыденное понимание абсурда как явления отрицательного, несамостоятельного и ущербного задается уже этимологией: слово напрямую происходит от прилагательного *surdus*, которое означает “глухой”. Любой человек, не знакомый даже с историей философии, но знающий обычное значение слова “абсурд”, способен воспроизвести данную парадигму» [10, с. 12]. Подобное понимание данного феномена хоть и не отвечает современной научной парадигме, но не чуждо по отношению к художественному миру водевилей Чехова. Уже сама латинская лексема *surdus* транслирует концепт разобщенности и отсылает к мотиву глухоты в творчестве русского писателя, которому посвящен не один десяток исследовательских работ. Однако чеховский абсурд

способен раскрываться и в положительном ключе. Так, в подтексте возникает значение расширения и дополнения нормативной логики, посредством чего происходит актуализация более глубинного смыслового уровня — нивелирование «автоматизма жизни». Проводником данной концепции является игра.

За дефиницией этого понятия обратимся к фундаментальному труду Ю. М. Лотмана: «Игра — особое воспроизведение соединения закономерных и случайных процессов. Благодаря подчеркнутой повторяемости (закономерности) ситуаций (правил игры) отклонение делается особо значимым. Одновременно исходные правила не дают возможности предсказать все “ходы”, которые предстают как случайные по отношению к исходным повторяемостям. Таким образом, каждый элемент (ход) получает двойное значение, являясь на одном уровне утверждением правила, а на другом — отклонением от него» [11, с. 85]. В этом определении фигурирует ключевое свойство абсурда, заключающееся в непредсказуемости траекторий («случайные процессы»), а также упомянута возможность ухода от «автоматизма жизни» («отклонение делается особо значимым»). Парадоксально, но правила игры не просто нацелены на нивелирование предсказуемости процесса, они видят в этом главную ценность. Процесс игры оказывается органичным опытом выхода за рамки определенных правил, что согласуется с функционалом абсурдного. Абсурд, нарушая стандартную логику, не отрицает ее, а выходит за ее пределы, в связи с чем напрашивается вывод: абсурд — это не отсутствие смысла, а мир другого порядка.

Благодаря игровому началу диалог между текстом и реципиентом перерастает в косвенное взаимодействие автора и читателя. Как известно, взаимодействие со зрителем/читателем в рамках пьесы — это каноническое свойство драмы абсурда (разрушение четвертой стены). Посредством игры читатель буквально включается в текст. Возможность игрового взаимодействия между писателем и читателем обусловлена детской стратегией восприятия текста. Мы опираемся на точку зрения Ю. М. Лотмана, отмечавшего, что восприятие художественного произведения делится на два типа: взрослое и детское. Второе носит архаичный, фольклорный характер. Если посредством взрослого восприятия текст познается через разум и чувства, то при детском — через игру (вовлеченно): «Игровые тексты — не “произведения”, полностью противопоставленные пассивно поглощающей их аудитории. Они лишь некоторые исходные толчки, которые призваны переключить потребителя из обычного в состояние игровой активности. Аудитория находится при этом не вне “произведения”, а в нем» [12, с. 338]. Также современный литературовед и культуролог Е. В. Душечкина в своей научной статье справедливо дополнила положение М. Ю. Лотмана: «Особенностью детского восприятия является способность детей жить в тексте и с текстом, в отличие от взрослых, которые преимущественно сопереживают текст» [13, с. 159]. Следовательно, чеховская пародия оказывается эффективным средством для пробуждения в читателе именно творческого (детского) восприятия художественного

произведения, что является ключевым условием для функционирования игрового начала в тексте.

Таким образом, водевили А. П. Чехова наделяются элементом *интерактивности*, что предоставляет возможность для вовлечения в текст на уровне, соизмеримом с авторским. Зритель/читатель — это неотъемлемая часть чеховской пьесы, часть происходящего на сцене абсурда. М. Скавска в своей работе «Поэтика абсурда в драматургии А. П. Чехова» пишет о том, что автор хочет возбудить эмоции в читателях, «спровоцировать их на реакцию» и ответить им посредством литературной игры: «Чехов своей иронией играет со зрителем. Автор, прячась за театральной сценой, за своим сценарием, ждет, чтобы зритель почувствовал абсурд жизни. Русский драматург, как и другие представители поэтики абсурда, думает, что театр — это игра между автором и зрителем. Что театр — это большая сценическая шутка» [14, с. 62]. Так, А. П. Чехов устанавливает диалогическую форму драматического текста, заменяющую стандартный авторский монолог, благодаря чему реципиент проникается происходящим на сцене абсурдом на более глубоком уровне.

Заметим, что литературная игра гораздо шире, чем возможности пародии, так как на игровом начале может быть построен сюжет и без пародийной подоплеки. К. Д. Гордович, исследуя особенности игрового начала в художественном мире Н. В. Гоголя и А. П. Чехова, пишет: «В мире Гоголя и Чехова все напоминает не столько реальность, сколько театральное действие, построенное на преувеличении, условности, игре. Все отношения между персонажами — игровые, а не подлинные. Все чувства, хотя и напоминают человеческие эмоции, но они тоже театральны, они скорее играют, чем переживаются» [15].

Ролевая игра — это ключевая позиция поэтики сюжета в водевилях А. П. Чехова. Основа любой ролевой игры — это симуляция жизни, где герой-зачинщик (организатор) либо просто притворяется, скрывая свою истинную сущность, либо разыгрывает других персонажей, стараясь одурачить своих жертв. Надевая маску, он достигает эффекта несоответствия формы содержанию (т. е. внешнего облика внутренней сути). Модель поведения такого героя дифференцируется в зависимости от выбранной маски. Например, это может быть маска бесчувственного или, наоборот, поэтично-сентиментального образа, что представлено в пьесе «Медведь». Контраст между ролями героев определяет почву для введения абсурдного, хаотического в текст. Грубое и нахальное поведение Смирнова есть маска, о чем свидетельствует, например, его последующее признание в любви, но перед тем — обращение к поэзии А. А. Фета. Ссылка на поэта внесла лирическую интонацию в действие, благодаря чему герой-медведь произвольно приоткрыл читателю свою способность к возвышенным чувствам, что старался скрыть за прагматичным и циничным поведением. Также постепенно свою маску «поэтического создания» снимает и вдова Попова. Такое перевоплощение персонажей явилось для Чехова предметом для сатиры. Заметим, что в целом ролевая игра в рамках драматического произведения — парадоксальное

явление, поскольку представляет собой спектакль в спектакле. Здесь А. П. Чехов снова выступает преемником Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Во-первых, сразу вспоминается концепция героев-марионеток, широко представленная на материале романа «Господа Головлевы»; во-вторых, данная преемственность прослеживается на материале комедии Н. В. Гоголя «Женитьба».

К. Д. Гордович описала *сюжетную модель сватовства* как удобный материал для введения игры в текст. Вопреки ожиданиям романтической истории, читатель получает картину интеллектуальной несостоятельности и духовного уродства (минус-прием): «Эпизоды сватовства, предложения руки и сердца не предполагают раскрытия тайников душевной жизни персонажей. Их смысл — в обнаружении несостоятельности, пустоты, ничемности обоих участников при видимой заинтересованности и озвучивании пылких страстей и желаний» [15]. В «Женитьбе» главный герой Подколесин на протяжении половины действия «ломается» от предложения Кочкарева, пожалевшего найти своему другу невесту. Гоголь строит игру с читателем именно на основе образа Подколесина, на комичности его характера. После всех терзаний и сомнений главный герой все же воодушевляется вступлением в «совершенно новый мир» брака. Воодушевление быстро перерастает в бескомпромиссное желание. Кажется, что с таким настроением женитьба необратима. Но страх перед переменной жизни обрубаёт все порывы на корню. В самый ответственный момент, находясь в доме Агафьи Тихоновны, Подколесин сбегает через окно.

А. П. Чехов в «Предложении» обыгрывает аналогичную ситуацию. По уровню духовного развития герои ничем не отличаются от гоголевских. Здесь тоже не приходится говорить о подлинных человеческих чувствах. В начале действия робкий Ломов все никак не может заговорить о своих чувствах по отношению к Наталье Степановне, но, когда его речь коснулась бытовых вопросов, герои включились в диалог с полной отдачей. Они горячо спорят о том, чья собака лучше, кому и почему принадлежат Воловьи лужки. К финалу карикатурность усугубляется, абсурд происходящего становится заметен невооруженным глазом: крики, стоны, обмороки. Наконец, отец потенциальной невесты заключает: «Женитесь вы поскорей и — ну вас к лешему! Она согласна! Она согласна и тому подобное. Благословляю вас и прочее. Только оставьте вы меня в покое!» [8, с. 313–330]. Вроде бы счастливый финал, но на этом текст не заканчивается. Наталья Степановна не удерживается под гнетом чувства справедливости, по причине чего обращается к чуть живому Ломову: «Но... все-таки, согласитесь хоть теперь: Угадай хуже Откатая» [8, с. 313–330].

Как мы видим, еще одной эффективной игровой ситуацией является *воспроизведение ссоры персонажей*: «Чаще всего повод для ее возникновения — случайный, незначительный, пустяковый. Однако герои настолько распаляют себя, что пустяк может перерасти в разрыв многолетних приятельских отношений, а то и в бесконечные судебные тяжбы» [15]. Именно ситуация ссоры

из-за пустяка сбрасывает с героев маски приличия (и не только приличия), заставляя их показывать свои истинные лица и погружаться в стихию абсурда. Пример подобной ссоры нетрудно обнаружить в произведении Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Ссора между Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем начинается с нечаянно брошенного слова «гусак», которое по неизвестной причине воспринимается Иваном Ивановичем как страшное оскорбление. Но Гоголь на этом не останавливается. Он по-новому обыгрывает данную лексику посредством включения ее в текст бюрократического стиля — в судебное заявление, в котором Иван Иванович приводит аргументы неправомочности подобного наименования своей личности. Далее игровое начало актуализируется развитием мотива оскорбления, базирующегося на едкой иронии автора. В ходе ссоры герои с личностей переходят на оскорбление родственников, что представляется по-комически абсурдным.

Подобным образом игровое начало построено и в «Предложении» А. П. Чехова, где любовное объяснение уходит на второй план, когда на сцене появляются «Воловьы лужки». Писатель вслед за Гоголем не скупился на яркие краски в изображении карикатурной картины с припадками ярости, сердечными приступами и обмороками. А. П. Чехов, играя со зрителем, так же заставляет своих героев совершить переход от личных оскорблений к оскорблению всего рода: «Я вас знаю, вы только, вот именно, и ждете случая, чтобы судиться и прочее... Кляузная натура! Весь ваш род был сутяжный! Весь!» [8, с. 313–330].

Также в качестве средства для введения игры в текст могут быть использованы *образы-символы*. В одноактной драматургии А. П. Чехова в рамках игрового начала образы-символы дифференцируются на пассивные и активные. К пассивным (или статичным) следует отнести, например, «Воловьы лужки». Они возникают в тексте лишь однажды, поворачивая сюжет в противоположную сторону (вместо сватовства герои начинают ссориться), а затем их место занимают Угадай с Откатаем. Заметим, что уже сами клички собак настроены на игру с читателем, поскольку образованы от омонимичных глаголов в повелительной форме (угадай, откатай). Активные (или динамичные) образы возникают в тексте с некоторой регулярностью. С каждым новым появлением они обновляют абсурдный план посредством новых игровых ситуаций. Например, к таким образам-символам можно отнести свинью из «Повести о том, как поссорился...». Сначала она возникает в речевом плане персонажей, а затем переходит в материальный план. Читатель, как и чиновники Миргорода, наблюдает за тем, как свинья Ивана Ивановича бегаёт по городу, стаскивает «из-под носа» чиновников судебное заявление Ивана Никифоровича. В одноактной драматургии Чехова подобной динамикой обладают «ямочки вдовы» и конь Тоби из пьесы «Медведь». Несмотря на статику в материальном плане («ямочки» и Тоби не совершают никаких действий),

они изменяют тональность сюжета и формируют композицию на протяжении всей пьесы за счет того, что к ним меняется отношение самих героев: от ненависти к любви, от нежности к презрению. Например, если в завязке действия Попова просит своего лакея дать любимому коню покойного мужа «лишнюю осьмушку овса», то последней репликой в данной пьесе становится ее следующая просьба: «Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса» [7, с. 293–311].

Таким образом, в рассмотренных произведениях игровые ситуации служат в том числе сатирическим целям, поскольку способствуют выявлению в персонажах духовной пустоты, нравственных изъянов, нелепости и глупости. Но игровое начало, равно как и интертекст водевилей Чехова в целом, сатирой не ограничивается. Чеховский интертекст охватывает обилие элементов отечественной и мировой культуры, обуславливая явление *культурно-семантической полифонии*, отвечающей за культурный диалог. Излюбленной формой литературного диалога для русского писателя стала пародия, разновидностью которой является сюжетная инверсия (переворачивание смыслов), что генетически роднит одноактную драматургию А. П. Чехова с абсурдистской драмой XX в. Ключевое свойство пародии, актуализирующее абсурдный план в чеховских водевилях, — это *смысловая игра с читателем*. Она включает реципиента в текст на творческом уровне, тем самым косвенно ломая четвертую стену посредством категории *интерактивности*. Помимо читателя, А. П. Чехов посредством литературной игры втягивает в заколдованный круг *Хаоса повседневности* своих героев, где с ними происходит сплошная путаница и неразбериха. Большинство персонажей это осознают и желают из него выбраться, но путь к гармонии оказывается заблокированным их характерами, в которых тоже превалируют спонтанность и неопределенность.

Список источников

1. Матвеева, И. И. (2020). Неклассическая сатира А. П. Платонова: эстетические принципы, новые смыслы. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (39), 35–44.
2. Логинова, Е. Г. (2016). Векторы упорядочивающего уподобления в драматургии А. П. Чехова как предтечи драмы абсурда. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, 4, 106–115.
3. Шаталова, Л. С., Шаталова, Н. С. (2017). Интертекст и его функции в поэтике Чехова-новеллиста. *Мир науки, культуры, образования*, 4, 278–282.
4. Калинина, Ю. В. (1999). *Русский водевиль XIX века и одноактная драматургия А. П. Чехова* [Дис. канд. филол. наук. Ульяновск].
5. Шервашидзе, В. В. (2013). Эстетика парадокса в театре абсурда. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика*, 3, 5–8.
6. Пропп, В. Я. (1999). *Проблемы комизма и смеха*. М.: Лабиринт, 1999.

7. Чехов, А. П. (1976). Медведь: Шутка в одном действии. *Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. II. Пьесы, 1878–1888.* М.: Наука, 293–311. <http://chegov-lit.ru/chegov/text/medved.htm>
8. Чехов, А. П. (1976). Предложение: Шутка в одном действии. *Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. II. Пьесы, 1878–1888.* М.: Наука, 313–330. http://chegov-lit.ru/chegov/text/predlozhenie_1.htm
9. Чудаков, А. П. (2013). *Антон Павлович Чехов.* М.: Время.
10. Лапатын, В. А. (2014). Абсурд как феномен в Европейском социокультурном пространстве XX века [Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург].
11. Лотман, Ю. М. (1970). *Структура художественного текста.* М.: Искусство.
12. Лотман, Ю. М. (2002). Художественная природа русских картинок. *Статьи по семиотике культуры и искусства.* СПб.: Академический Проект, 322–339.
13. Душечкина, Е. В. (2018). Детское творчество как результат восприятия художественного текста. *Детские чтения*, 1. Т. 13, 153–163.
14. Скавска, М. (2014). Поэтика абсурда в драматургии А. П. Чехова. *Acta Eruditorum*, 14, 58–62.
15. Гордович, К. Д. (2009). Чехов и Гоголь. Особенности игрового начала. *Портал «Дом Гоголя».* СПб.: Сев.-западный институт печати СПбГУТД. <https://www.domgogolya.ru/science/researches/709/>

References

1. Matveeva, I. I. (2020). Neklassicheskaya satira A. P. Platonova: esteticheskie principy, novy'e smy'sly. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (39), 35–44. (In Russ.).
2. Loginova, E. G. (2016). Vektory uporyadochivayushchego upodobleniya v dramaturgii A. P. Chexova kak predtechki dramy absurda. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki*, 4, 106–115. (In Russ.).
3. Shatalova L. S., Shatalova N. S. (2017). Intertekst i ego funkcii v poe'tike Chexova-novellista. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 4, 278–282. (In Russ.).
4. Kalinina, Yu. V. (1999). *Russkij vodevil' XIX veka i odnoaktnaya dramaturgiya A. P. Chexova* [Dis. ... kand. filol. nauk. Ul'yanovsk]. (In Russ.).
5. Shervashidze, V. V. (2013). E'stetika paradoksa v teatre absurda. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*, 3, 5–8. (In Russ.).
6. Propp, V. Ya. (1999). *Problemy komizma i smexa.* М.: Labirint, 1999. (In Russ.).
7. Chexov, A. P. (1976). Medved': Shutka v odnom dejstvii. *Chexov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. II. P'esy, 1878–1888.* М.: Nauka, 293–311. <http://chegov-lit.ru/chegov/text/medved.htm> (In Russ.).
8. Chexov, A. P. (1976). Predlozhenie: Shutka v odnom dejstvii. *Chexov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 18 t. T. II. P'esy, 1878–1888.* М.: Nauka, 313–330. http://chegov-lit.ru/chegov/text/predlozhenie_1.htm (In Russ.).
9. Chudakov, A. P. (2013). *Anton Pavlovich Chexov.* М.: Vremya. (In Russ.).
10. Lapatin, V. A. (2014). *Absurd kak fenomen v Evropejskom sociokul'turnom prostranstve XX veka* [Dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg]. (In Russ.).
11. Lotman, Yu. M. (1970). *Struktura xudozhestvennogo teksta.* М.: Iskusstvo. (In Russ.).

12. Lotman, Yu. M. (2002). *Xudozhestvennaya priroda russkix kartinok. Stat`i po semiotike kul`tury` i iskusstva*. SPb.: Akademicheskij Proekt, 322–339. (In Russ.).
13. Dushechkina, E. V. (2018). Detskoe tvorchestvo kak rezul'tat vospriyatiya xudozhestvennogo teksta. *Detskie chteniya*, 1. T. 13, 153–163. (In Russ.).
14. Skavska, M. (2014). Poe`tika absurda v dramaturgii A. P. Chexova. *Acta Eruditorum*, 14, 58–62. (In Russ.).
15. Gordovich, K. D. (2009). Chexov i Gogol'. Osobennosti igrovogo nachala. *Portal «Dom Gogolya»*. SPb.: Sev.-zapadny`j institut pečati SPbGUTD. <https://www.domgogolya.ru/science/researches/709/> (In Russ.).

Информация об авторах

Сергей Борисович Калашников — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Алексей Владимирович Громов — магистр филологических наук, МГПУ.

Information About the Author

Sergej B. Kalashnikov — PhD (Philology), associate professor of the Russian literature Department, Institute of humanities MCU.

Alexey V. Gromov — Master of Sciences (Philology), MCU.

Научная статья

УДК 811.112.2'27:659.181

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.04

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Ленец Анна Викторовна¹

Овсиенко Татьяна Владимировна²

Шипилова Диана Сергеевна³

^{1,2,3} Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

¹ annalenets@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

² tvovsienko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2793-2353>

³ dssergeeva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1842-0524>

Аннотация. Статья посвящена исследованию репрезентации лингвокультурных доминант в немецкоязычной социальной рекламе. Актуальность анализа лингвистического конструирования желаемых паттернов поведения коммуникантов в обществе определяется тем, что социальные явления оказывают значительное влияние на поведение коммуникантов. Установлено, что основными современными ценностными доминантами в немецкой лингвокультуре в социальной рекламе выступают толерантность, защищенность/уверенность, защита окружающей среды.

Ключевые слова: немецкая лингвокультура, ценности, социальная реклама, доминанта.

Для цитирования: Ленец, А. В., Овсиенко, Т. В., Шипилова, Д. С. (2022). Вербализация лингвокультурных ценностей в немецкоязычной социальной рекламе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 47–62. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.04

Original article

UDC 811.112.2'27:659.181

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.04

VERBALIZATION OF LINGUISTIC AND CULTURAL VALUES IN GERMAN-LANGUAGE SOCIAL ADVERTISING

Anna V. Lenets¹Tatiana V. Ovsienko²Diana S. Shipilova³

^{1,2,3} Southern Federal University,
Rostov on Don, Russian Federation

¹ annalenets@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7394-3259>

² tvovsienko@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2793-2353>

³ dssergeeva@sfnu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1842-0524>

Abstract. The article studies the way linguistic and cultural dominants are represented in German-language social advertising. The relevance of the analysis of the linguistic construction of the desired patterns of behavior of communicants in society is determined by the fact that social phenomena have a significant impact on communicants' behavior. It is established that the main modern value dominants in the German linguoculture in social advertising are tolerance, security/confidence, environmental protection.

Keywords: German linguoculture, values, social advertising, dominant.

For citation: Lenets, A. V., Ovsienko, T. V., Shipilova, D. S. (2022). Verbalization of linguistic and cultural values in German-language social advertising. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 47–62. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.04

Введение

Современное Европейское сообщество переживает небывалый по своей силе рост межкультурных взаимодействий и взаимовлияний. Миграционные процессы, культурные обмены, межкультурное взаимодействие, социально-политические кризисы являются характерными признаками действительности Европейского пространства во втором десятилетии XXI в., которые в значительной мере меняют и лингвистические механизмы развития языка и культуры. Рассматривая культуру как хранилище информации о связи человека с культурными паттернами, ценностями и нормами общества, система смысловоразличительных маркеров предстает в качестве неповторимого кода культуры. В связи с происходящими изменениями в Европе (и особенно в странах немецкоязычного ареала: наплывом мигрантов) следует заключить о своеобразном перекодировании культуры или увеличении информационной насыщенности ее структуры. Под культурным перекодированием

понимается увеличение объема смысловоразличительных маркеров культурной памяти и вместе с этим самой лингвокультуры и ее ценностного содержания.

Лингвокультура представляет собой «синергетически возникшую амальгаму (слияние, сплав, совокупность) взаимосвязанных явлений языка культуры» [1, с. 66]. Страны немецкоязычного ареала (Австрия, Германия, Швейцария) создают особое лингвокультурное пространство, которое является притягательным для представителей других культур. Иммиграция, в свою очередь, оказывает значительное влияние на немецкоязычное гражданское общество не только в политическом, экономическом, но и в культурном контексте. Отсюда назревшие для данного ареала проблемы: иммиграция, религиозные конфликты, толерантность к инвалидам и иностранцам, гендерная проблематика и др. — становятся темой для общественного обсуждения.

Вышеобозначенные проблемы эффективно транспонируются в современной немецкой социальной рекламе, которая является одним из инструментов коммуникации, используемых для укрепления доверия и взаимопонимания, преодоления предрассудков и воспитания социальной сознательности, где в интересах общей выгоды необходимо следовать правилам, которые являются противоположными личной выгоде. С помощью социальной рекламы все индивидуумы социума информируются о важности определенной социальной проблемы и, таким образом, мотивируются к необходимому действию или поведению. Внимание к социальным проблемам, заметное влияние социальной рекламы на общественное мнение способствует количественному и качественному увеличению исследований различных аспектов социальной рекламы и с позиции различных гуманитарных наук [2–7 и др.]. Исследователями отмечается влияние социальной рекламы на культурное пространство [8, с. 22], коммуникативное взаимодействие культур в социальной рекламе [9], национально-культурная специфика социальной рекламы [10, с. 108], особенности лингвистического наполнения социальной рекламы [11; 12].

Цель настоящей статьи — проанализировать особенности социальной рекламы как лингвокультурного феномена в Германии. В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: 1) определить характерные аксиологические доминанты социальной рекламы немецкого пространства; 2) установить лингвистические характеристики исследуемых доминант в текстах немецкоязычной социальной рекламы; 3) проанализировать актуализацию ценностных доминант в современной немецкоязычной социальной рекламе.

Обзор литературы

Изначально любая реклама была преимущественно ориентирована на продажу и продвижение товаров. Начиная с второй половины XX в. рассмотрение рекламы как социокультурного феномена было нацелено на установление отражения привычки, нормы и ценности народа. Такое воссоздание культурных

традиций непосредственно связано с представлением лингвокультурного (или этнокультурного) образа в рекламе. Образ, создаваемый в рекламе, представляет собой художественный образ, основанный на знании менталитета, особенностей современных тенденций и предпочтений, моральных и ценностных норм в социуме. Данный образ близок к представлениям социума об истории, культуре, морали и соответствует ожиданиям, нормам и представлениям данного общества [9].

Являясь социокультурным феноменом, реклама позволяет наблюдать развитие многообразной культуры, расширяя при этом систему ценностей и создавая аксиологическую картину мира, что и привлекает внимание исследователей [8, с. 28]. Эффективность рекламы обуславливается наличием принятых в обществе и представляемых рекламой ценностей, поэтому реклама является объектом рассмотрения социальной реальности в рамках любой цивилизации. Выступая в форме целостного текста, включающего в себя различные жанры, формы и сюжеты, реклама является отражением всей культуры [13, с. 19; 14, с. 35]. В теоретической литературе пока не существует единого подхода в трактовке социальной рекламы, что объясняется существованием различных подходов и терминологий [13; 15 и др.]. Кратко остановимся на существующих.

В отечественных исследованиях под социальной рекламой понимается преимущественно осознание человеком своего гражданского долга, отражение степени его нравственности, мужества и честности, что проявляется в способности осознавать и способствовать решению социальных проблем, которые есть в обществе [15, с. 19]. В других изысканиях отечественных исследователей социальная реклама трактуется как некое выражение человеческого добра, особой принципиальной позиции в отношении различного рода ценностей, имеющих для общества важное социальное значение. В данном случае акцент делается не на цели, которую преследует реклама, а на ее объекте, т. е. на тех или иных ценностях [16, с. 37]. Одним из важных признаков О. В. Аронсон определяет динамичность, связанную, прежде всего, с высокими темпами развития общества, что значительно увеличивает роль социальной рекламы и ее масштаб как вида коммуникации.

В трудах зарубежных ученых термин «социальная реклама» соотносится с таким понятием, как «некоммерческая, неприбыльная реклама» (*ideelle Werbung, die non-profit- und social-Werbung*), «кампания, которая не преследует коммерческие цели, а обращает внимание граждан на определенные социальные или культурные проблемы» (*Sozialkampagne*) [17; 18]. Само понятие социальной рекламы берет свое начало в XX в., которое датируется 1906 г., что связано с запуском Американской гражданской ассоциацией первой социальной рекламы. С помощью своей рекламной кампании ассоциация стремилась привлечь внимание к проблеме вреда, наносимого различными электрическими компаниями Ниагарскому водопаду. Основными характеристиками таких кампаний являлась интерактивность процессов и наличие определенной интенсивности, систематичности и целенаправленности.

В дальнейшем социальная реклама не только способствовала тому, чтобы привлечь внимание к определенной проблеме или, например, к провозглашаемым ценностям, но и побуждала к необходимости их дальнейшего повсеместного решения и поддержания в обществе. Следование предлагаемым правилам поведения, поддержка прокламируемых ценностей требовали от каждого индивидуума — получателя социальной рекламы — изменения личного отношения к ним и, как результат, гарантии личного обязательства индивидуума перед всем социумом [19, S. 74]. Отсюда основная *цель социальной рекламы* заключается в устойчивом изменении отношения каждого индивида к какому-либо явлению и, как результат, корректировке поведения всех участников социума.

Как самостоятельный жанр, социальная реклама (отдельно от коммерческой рекламы) подвергается активному изучению лишь во второй половине XX в. [20, S. 49–50; 21, S. 176]. В качестве основного признака социальной рекламы исследователями отмечается отсутствие у ее получателя признания или вознаграждения за необходимое поведение. Другим значимым отличием социальной рекламы от коммерческой является визуально-тематическое представление рекламируемого ряда: коммерческая реклама демонстрирует красивые, визуально привлекательные изображения, тогда как социальная реклама имеет дело с непростыми, порой неприятными темами, такими как бедность, старость, болезнь или беспомощность. Например, во второй половине XX в. такими темами, к которым необходимо было привлечь внимание широкой аудитории, явились алкоголизм, наркотическая зависимость, СПИД, загрязнение окружающей среды и др.

90-е гг. XX в. были отмечены политическими и социальными изменениями в Европейском пространстве. Объединение Германии повлияло и на экологическую осведомленность, которая стала актуальной задачей для широкой публики. Это также отразилось и на коммерческой рекламе, создатели которой впервые сконцентрировались не только на продукте и его непосредственных преимуществах, но и на том, чтобы включить его в реальную жизнь потенциальных клиентов. Например, маркетинговая деятельность авиакомпании *Lufthansa* внезапно стала сосредоточенной не только на комфортабельном путешествии, но и на том, чтобы взять на себя ответственность за охрану окружающей среды, которую необходимо беречь: «*Die Erde — unsere Heimat. Von oben betrachtet sieht man noch besser, wie schön sie ist und wie schützenswert. Als Fluggesellschaft tragen wir über Grenzen und Länder hinweg eine besondere Verantwortung für die Umwelt. Das wissen wir und danach handeln wir*» [см., например: <https://www.youtube.com/watch?v=5xAP58LAavc>]. Эта немного менее ориентированная на продукт реклама была реакцией на растущее неприятие к рекламе. И в это же время (конец XX в.) в маркетинговых коммуникациях находят все больше отражение социально значимые темы. Рекламные средства массовой информации, которые традиционно не были ориентированы на конкретный продукт, должны скорее

служить ориентиром и средством идентификации в широком спектре социально значимых областей: осведомленность об экологических проблемах, образование в области ядерной энергии, а также советы и рекомендации по питанию. Миссия таких рекламных роликов заключалась в изменении поведения и ценностей членов социума в отношении социальных и политических значимых вопросов и призыве к переменам внутри общества.

Глобальные изменения, которые происходили в Европе с начала XXI в., потребовали изменений в наборе ценностных составляющих Европейского общества (толерантность, мультикультурализм и др.), отношения к ним, а также новой социальной рекламы. В этой связи понятны основные задачи, которые появились перед социальной рекламой, — воздействие на поведение получателя и регулирование отношений между участниками социума, где особый вес приобретает формирование новых социально ценностных доминант. Дискуссии о том, какие ценности формируют то или иное общество, какие должны формироваться, передаваться и т. д., определяют действия и поведение всех участников в социуме и формы презентации их в рекламе.

Ценности представляют собой сознательные или бессознательные, культурно и социально обусловленные стандарты ориентации или руководящие принципы мышления, чувства и действия. Стандарты ценностей подразделяются на группы, где у каждого устанавливаются индивидуальные приоритеты. Ценности выражают идею желаемого состояния или цели и поэтому эксплицитно и имплицитно руководят действиями всех участников социума [22, S. 468]. При создании социальной рекламы необходимо учитывать ценности культуры. Здесь нельзя не согласиться с мнением А. Г. Жуковой о том, что ценностная природа социальной рекламы заключается в ее тесной взаимосвязи с культурой и идеологией [2, с. 22]. В то же время на ценности внутри каждой культуры влияют исторические, социальные, политические события, что объясняет их изменение или, по крайней мере, некоторую корректировку внутри отдельного социума. На такую корректировку ценностных ориентиров внутри немецкой лингвокультуры указывает, например, Т. С. Медведева, определяя ее как «симбиоз традиционных и новых ценностей» [23, с. 133]. Так, исследователем отмечается девальвация устоявшихся ценностей в немецком обществе в XX в. (*Ordnung, Disziplin, Pflicht* и др.), а также учет индивидуалистских ценностей (*Gesundheit, Familie, Beruf, Freizeit* и др.). Все это естественным образом находит свое отражение в современной рекламе, в том числе социальной.

При этом социальная реклама выполняет ряд важных функций: информирование населения о социальных услугах (*информационная функция*); консолидация совместных усилий социальных институтов и спонсоров, направленных на решение разного рода общественных проблем (*объединяющая функция*); создание положительного имиджа различного рода государственных служб (*имиджевая функция*); влияние на общественное сознание, формирование новых поведенческих моделей людей (*регулирующая функция*).

Регулирующая функция способствует также повышению уровня жизни, распространению и популяризации материальных, культурных, социальных ценностей. Во многом социальная реклама влияет на формирование культурного менталитета представителей современного общества, указывая при этом на паттерны в той или иной ситуации и определяя в существенной степени его нравственные параметры. Так, социальная реклама в Германии позволяет осознать важность бережного отношения к природным ресурсам, мотивирует людей стремиться к жизни в безопасном мире, учит их толерантности и уважительному отношению к другим людям и иным культурам. Очевидно, что социальная реклама играет немаловажную общественную роль, которая заключается во влиянии рекламы на социум в целом.

Образы, которые использует реклама, их понимание и восприятие полностью зависят от культурных и национально-этнических ценностей и стереотипов общества. Гуманитарные науки, объектом изучения которых являются ценности и культурные константы, рассматривают совокупность культурных ценностей, норм, ориентиров и доминант в целом. Так, основными культурными доминантами в немецкоязычном пространстве являются мультикультурализм, толерантность, порядок, безопасность, закон, основательность, пунктуальность, бережливость и др. [24, с. 7–11; 25, с. 91].

Создавая социальную рекламу, рекламисты руководствуются различного рода инструментариями. Так, существует достаточно большое количество информационных, культурных, исторических поводов, на которые опираются рекламисты. Здесь следует отметить огромную роль государственных праздников, каждому из которых отдельно разрабатывается рекламная кампания, приуроченная к конкретному событию.

Государственный праздник позволяет обратить внимание общественности на ту или иную социальную проблему, мотивировать людей на выполнение действий, ведущих к поискам путей ее решения [26, с. 10]. В качестве примера можно привести рекламу к Всемирному женскому дню — 8 Марта. Сам праздник возник как инициатива социалистических организаций, прежде всего немецкой социалистической партии Клары Цеткин, в борьбе за равенство в правах мужчин и женщин. Например, право голосовать для женщин и освобождение трудящихся женщин. В результате 8 марта стал Международным женским днем, который олицетворяет долгий путь к гендерному равенству. В четырехминутном ролике *Die Reise, die alles verändert hat* представлено важное влияние жены К. Бенца на развитие автомобилестроения. Сегодня мало кому известно, что жена Берта Бенц не только внесла значительный капитал в брак благодаря своему приданому, но и стала первым испытателем в автомобильной истории. Она впервые испытала запатентованный автомобиль Benz на маршруте в Германии между Штутгартом и Пфорцхаймом в 1888 г. Короткометражный ролик автоконцерта из Штутгарта, посвященный великой женской личности, был хорошо принят социальными медиа и обществом.

Восприятие символов, используемых в рекламе, а также понимание и восприятие окружающей действительности во многом зависят от национальной и этнокультурной идентификации члена социума. В связи с этим другим примером инструментария является *этнокультурный контекст*, который позволяет выявить этнокультурную специфику социальной рекламы в конкретном социуме. Так, различия в социальной системе влияют в значительной мере и на социальную рекламу. Известно, что в скандинавских странах преобладает ориентация на концепцию социального равенства, поэтому предметы роскоши не представлены в рекламе вообще. А точность как основная ценностная доминанта представлена во многих образцах немецкой и зарубежной рекламы немецких авиакомпаний, автомобилей и бытовой техники.

Конечно, рекламистам далеко не всегда удастся добиться создания такой социальной рекламы, которая существенно повлияла бы на мировоззрение и поведение людей, изменила бы их в необходимом формате. Степень вовлеченности целевого человека как участника той или иной социальной акции зависит от таких факторов, как целевая личность, социальная среда, визуальные изображения, коммуникативное послание и ожидание обратной связи в виде корректировки поведения. Необходимо также учитывать, что мысленная обработка изображений происходит в тесном взаимодействии с языковой обработкой. Языковое оформление оказывает значительное влияние на обработку визуального изображения. Лингвистический контекст изображения может изменить вовлеченность и отношение получателя, привлечь внимание к определенным деталям и повлиять на мысленное хранение изображения. Например, если текст появляется до просмотра изображения, мысли получателя направляются в определенном направлении, благодаря чему запись и обработка изображения упрощаются (эффект прайминга). И наоборот, языковое сопровождение, которое происходит непосредственно с изображением, меняет вовлеченность и отношение получателя. Выбор лингвистических средств направляет внимание получателя к важным элементам изображения и влияет на эффективность самой рекламы.

Для установления эффективности социальной рекламы существуют различные показатели [27, с. 142–143; 28, с. 139; 6, с. 165]. Несомненно, основным критерием в данном случае выступают изменения в поведенческой и эмоционально-когнитивной сферах личности; так, благодаря рекламе человек делает определенные выводы и, как следствие, ведет себя по-другому, существенно меняя свое отношение к тому или иному явлению.

Материал и методы исследования

В качестве текстового материала, подвергнутого анализу, были взяты немецкоязычные рекламные тексты. В процессе исследования применялся метод культурологического анализа, позволяющий выделить темы и образы,

актуализируемые в социальной рекламе. Метод лингвокультурологического анализа использовался для обнаружения характерных признаков целостности и прочной связи между языком и национальной культурой. Для выявления частоты появления в тексте определенных лингвокультурных характеристик использовался метод контент-анализа, позволяющий сделать некоторые выводы о намерениях авторов социальной рекламы.

Для анализа лингвокультурных особенностей текстов немецкоязычной социальной рекламы было отобрано 65 видеороликов, содержащих этнокультурный контекст. В результате проведенного многоаспектного анализа, который включал количество ключевых слов, номинирующих немецкие ценности; частотность употребления рекламных видеороликов, содержащих ключевые слова, были установлены аксиологические доминанты, характерные для немецкоязычного пространства. В качестве других методов исследования социальной рекламы использовались: метод дискурсивного анализа, метод семантического и концептуального анализа.

Результаты и дискуссия

В результате данного исследования были рассмотрены 65 рекламных видеороликов, размещенных в открытом пространстве Интернет на сайтах различных организаций, проводящих рекламные кампании социального характера. Тексты социальной рекламы были посвящены различным общественно значимым темам.

В ходе анализа были выявлены восемь основных аксиологических доминант, а именно: надежность/защищенность проживания в стране, толерантность, мультикультурализм, защита животных и проблемы окружающей среды, здоровый образ жизни, борьба против наркотиков и курения. В рамках настоящей статьи мы остановимся только на трех позициях, значимых в социальном и лингвокультурном планах.

Проведенное исследование показало, что в большинстве проанализированных текстов (31 % от общего числа) доминирует тема **надежности/защищенности**. Независимо от того, что рекламируется — цифровые технологии (*DB Sicherheit: Seien Sie sicher — wir machen das!; Mobile Banking für alle, denen Sicherheit wichtig ist. Sicher ist sicher; Im wirklichen Leben würden Sie ihre Kinder schützen. Dann machen Sie es doch auch im Internet*), комфорт (*Somfy. Mit Sicherheit mehr Komfort; ABUS. Das gute Gefühl der Sicherheit;*) материальные ценности (*Mit Sicherheit weitergedacht;*), спокойная беззаботная жизнь (*Ablenkung am Steuer ist Ursache für jeden dritten tödlichen Unfall. Fahren Sie konzentriert, kommen Sie sicher an;*) или уверенность в качестве товаров (*BIC. Unsere Qualität, Ihre Sicherheit; Lupos® — Arbeitsschuhe — Sicherheit, Leichtigkeit und Komfort für ihre Füße!*), — безопасность — это норма, формирующая национальное сознание надежного общества в Германии.

В качестве примера формирования в обществе такой ценности, как надежность и защищенность, можно привести рекламу, которая возникла в результате глобального кризиса, обусловленного коронавирусом. Коронный кризис поразил многие страны с невероятной скоростью и практически мгновенно повлиял на маркетинговую деятельность рекламодателей [29, с. 62]. Реакция на такую значимую для любого общества проблему, как пандемия, стала активно использоваться во многих рекламах, направленных на предотвращение распространения *COVID-19*. При этом, например, в немецкоязычной рекламе магазина *REWE* (также и многих других) особый акцент делается на соблюдении в кризисной ситуации чувства солидарности: «*Wir wissen, es ist eine schwierige Zeit. Und es ist stark, wie ihr füreinander da seid.*», с использованием таких мотивирующих слоганов для немецкого общества, как «*Lasst uns die gemeinsamen Stunden nutzen! Machen wir zu etwas Besonderem!*», риторических вопросов «*Wie oft haben wir gewünscht, mehr Zeit zuhause zu haben?*». Слоганы, риторические вопросы или призывы выступают в качестве сопровождения реалистичных изображений ситуаций домашнего пребывания немцев. А формируемые новые ценности (соблюдение режима изоляции), которые базируются на чувстве ответственного отношения к себе и близким, являются, в свою очередь, гарантией защищенности для всего общества.

Второе место по распространенности занимает ценностная доминанта **толерантность** (24 % проанализированных рекламных текстов). Данная ценность в настоящий момент является очень актуальной во многих странах мира, в том числе и в немецкоязычных. При этом наблюдается стремление прививать каждому члену социума толерантное отношение к людям иной культуры, веры. В текстах немецкоязычной рекламы делается акцент на вкладе каждого участника социума в воспитание толерантности (*Toleranz muss gelebt werden, und jeder muss seinen Teil dazu beitragen*), а также подчеркивается важность толерантности для комфортного проживания в обществе (*Mehr Toleranz Zeit; Für eine menschenfreundliche und tolerante Gesellschaft, in der Du und ich friedlich leben können*).

Здесь следует отметить, что социальная реклама является важной частью брендинга любой современной компании. Крупные компании уделяют большое внимание своему имиджу, участвуя в социальных мероприятиях, где необходима социальная реклама. Примером такой рекламы комфортного проживания в Германии является рекламный ролик немецкой железной дороги *Diese Zeit gehört Dir*, где популяризируется толерантность. В скором поезде *ICE* изображается встреча между молодой женщиной в хиджабе и немецким студентом. При виде женщины в платке у мужчины проявляются предрассудки, которые исчезают сразу же, как только он вступает в диалог с ней на немецком языке. В другом ролике немецкой железной дороги внимание уделяется вопросу о том, что никто не должен быть дискриминирован. Свидетельствующий об этом слоган «*GEMEINSAM für Toleranz*» подчеркивает тот факт,

что железная дорога выступает против ненависти и насилия по отношению к людям других национальностей.

К не менее актуальным, часто встречающимся ценностным аспектам относится ценность *мультикультурализма* (14 % проанализированных текстов). Мультикультурализм и толерантность позволяют проследить тенденции, происходящие в обществе, понять причины изменений и принципы взаимодействия в обществе. Необходимость заботиться и о тех, кто нуждается в помощи, является залогом комфортного существования всего общества (*Lass dich nicht täuschen, Reich anderen die Hand*). А многообразие и взаимодействие культур не только позволяет лучше понимать друг друга, но и предоставляет возможность выбора в экономике. Так, в рекламе супермаркета *EDEKA* на почти пустых полках стоят товары, произведенные в Германии, что приводит покупателей в недоумение из-за отсутствия разнообразных продуктов (*Stellen Sie sich einen Supermarkt vor ... in dem es nur deutsche Produkte gibt. ... Wir lieben Vielfalt*). Таким образом, данный видеоролик позволяет убедиться, что разнообразие должно быть во всем, как в товарах, так и в обществе.

Следующая реклама магазина *EDEKA* под названием «*Die besondere Weihnachtsgeschichte des Herrn Schmidt*» моделирует общественное мнение по отношению к мигрантам. Внимательное отношение мигрантов к одинокому пожилому немцу во время пандемии демонстрирует полную адаптацию иммигрантов к новым условиям, приобщение к принятым нормам, культуре и ценностям. Использование языковой игры в слогане рождественской рекламы «*Lasst uns froh und bunter sein!*» (замена слова *munter* в известной немецкой рождественской песне на *bunter*) только усиливает эффект новой ценности немецкого общества — разнообразие.

В 13 % проанализированных текстов рекламы отмечается константная тема для немецкой лингвокультуры *заботы и защиты окружающей среды*. Активная демонстрация экологической культуры в немецкой рекламе объясняется глубоким проникновением в сознание немцев уже сформированной поведенческой модели в отношении окружающей среды, а также включением данной ценности в парадигму немецкой культуры. Внимание граждан страны в рекламе обращается и на повседневную уборку мусора (*Natur kommt unverpackt; Kündige dein Abo! Sag NEIN zur Plastikpost; Mit über 150 Maßnahmen schützen wir Umwelt und*), и на аккуратное использование необходимых товаров (*Großer Leistung — Kleiner Verbrauch. DB ECO Hybrid; Kaffee to gö. Sei ein Held, schütz' die Welt*), и на последствия, которые происходят в результате (не)правильного использования природных ресурсов и технических возможностей XXI в. (*Mehr Bienen. Mehr Blumen. Artenschutz bei DB; Autowaschen kann tödlich sein*).

Забота об окружающей среде включает в себя и заботу о животных, которые должны найти свое место на планете (*Zum Aussterben geboren? Wildtiere gehören in Freiheit! Pelz tötet*) и в социальной среде как общем доме для всех (*Über 300 000 Tiere suchen jedes Jahr ein neues Zuhause! Finde jetzt deinen*

Seelenverwandten!). Подтверждением тому, что защита животных и охрана окружающей среды имеют большую ценность для немецкой лингвокультуры, является наличие большого количества организаций в Германии, которые занимаются вопросами экологии. Особую актуальность эти темы приобрели со времени популярности движения веганства. Социальные видеоролики демонстрируют любовь к животным, отношение к ним как к равным членам общества и выступают против эксплуатации и уничтожения животных.

Поскольку все проанализированные тексты затрагивают актуальные проблемы, то они ориентированы на широкую аудиторию. Возраст и гендерная принадлежность при этом не играют существенной роли, тексты не изобилуют сложными предложениями и терминами, в силу своей краткости и лаконичности они доступны и понятны для большинства людей, вне зависимости от уровня их образованности. Рекламный текст лаконичен и экспрессивен, что позволяет достичь желаемого эффекта воздействия на читателя, что и является его основной целью.

Заключение

Полученные результаты проанализированного материала по актуализации языковых средств в рекламе позволяют сделать выводы об отражении лингвокультурных ценностных доминант в немецкой социальной рекламе. Определено, что социальная реклама — социокультурный феномен, в задачи которого входит воздействие на поведение получателя и регулирование отношений между участниками социума. Выбор языковых средств в социальной рекламе во многом определяется теми лингвокультурными ценностями, которые являются для большинства представителей социума доминантными.

Установлено, что исторические, социально-политические и экономические события не только влияют на ценности внутри каждой культуры, но и объясняют некоторую корректировку последних внутри отдельного социума. Социальная реклама подвержена динамическому изменению, что объясняется ценностными доминантами, сложившимися в результате социокультурного опыта на определенном уровне развития общества. На поворотных моментах истории проявляются значимые для общества ценности, а их представление в социальной рекламе коррелируется с учетом своеобразия той или иной культуры. В связи с этим становится очевидной превалярующая задача современной социальной рекламы — формирование или корректировка необходимых социально значимых ценностей.

Продемонстрировано, что в современной немецкой социальной рекламе активно популяризируются такие ценностные доминанты, как надежность, защищенность, толерантность, мультикультурализм и забота об окружающей среде. Выявленные культурные ценности актуализируются в социальной рекламе с помощью таких языковых средств, как слоганы, игра слов, риторические вопросы и местоимение *wir*.

Список источников

1. Алефиренко, Н. Ф. (2016). *Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка*. Флинта.
2. Жукова, А. Г. (2019). Образ героя в западной и российской социальной рекламе. *Научный диалог*, 12, 21–42.
3. Любке, В. Е. (2016). Реализация персуазивной стратегии аргументирования в социальной рекламе Германии. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 180, 46–51.
4. Мартынов, Е. В. (2017). Генезис теории социальной рекламы: анализ зарубежных исследований. *Вестник Московского государственного областного университета*, 4, 1–9.
5. Мартынов, Е. В. (2018). Социальная реклама как индикатор внутренней политики: современный опыт Германии и Австрии. *Вестник МГЛУ. Общественные науки*, 2 (800), 80–91.
6. Терских, М. В. (2020). Типология стратегий коммуникативного воздействия в дискурсе социальной рекламы. *Научный диалог*, 4, 164–175.
7. Чубай, С. А. (2017). Современная социальная реклама в России и США: тематика и особенности функционирования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 4 (16), 201–206.
8. Агрба, А. А. (2019). *Социальная реклама в Испании и России как культурный феномен* [Дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Москва].
9. Ноздренко, Е. А., Ескина А. А. (2013). Использование этнокультурных образов в отечественной рекламе как отражение культурных традиций. *Современные проблемы науки и образования*, (6). <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11118>
10. Жердева, О. Н., Буряк, А. В., Романова, М. А., Жердев, А. Е. (2017). Социальная реклама: психолингвистический аспект (на примере социальной рекламы в Алтайском крае и Германии). *Современные научные исследования и разработки*, 3 (11), 108–112.
11. Кириллова, Ю. Н. (2017). Лингвостилистические особенности текста социальной рекламы (на материале немецкого языка). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 17 (3), 265–272.
12. Николаев, Ф. А. (2017). *Структурно-семантические и коммуникативно-прагматические характеристики англоязычных рекламных SEO-текстов* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург].
13. Данилевская, Н. В. (2017). Социальная реклама как регулятор духовно-нравственного состояния общества: культурологический аспект. *Коммуникативные исследования*, 3 (13), 18–29.
14. Елина, Е. А. (2008). *Семиотика рекламы*. ИТК «Дашков и К».
15. Пискунова, М. И. (2004). Социальная реклама как феномен общественной рефлексии. *Медиаскоп*, 1, 19–19.
16. Аронсон, О. (1998). О социальной рекламе. *Индекс. Досье на цензуру*, 6, 34–39.
17. Golonka, J. (2009). *Werbung und Werte. Mittel ihrer Versprachlichung im Deutschen und im Polnischen*. Verlag für Sozialwissenschaften. Springer Wiesbaden GmbH.
18. Goodrum, Ch., Dalrymple, H. (2010). *Advertising in America. The First 200 Years*. Harry N. Abrams.
19. Schmidt, S. J. (2005). *Medien und Emotionen*. LIT Verlag.

20. Altendorfer, O. (2004). *Das Mediensystem der Bundesrepublik Deutschland*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. GWV Fachverlage GmbH.
21. Moser, K., Eder, F., Keller, M. (2020). *Grenzenlose Werbung: Zwischen Konsum und Audiovision*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
22. Kanning, U. P. (2011). Diagnostik von Einstellungen, Interessen und Werthaltungen. In L. F. Hornke, M. Amelang & M. Kersting. *Persönlichkeitsdiagnostik*. Hogrefe, 467–512.
23. Медведева, Т. С. (2010). Ценности немецкого народа: история и современность. *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*, 3, 130–134.
24. Медведева, Т. С., Опарин, М. В., Медведева, Д. И. (2011). *Ключевые концепты немецкой лингвокультуры*: монография под ред. Т. И. Зелениной. Удмуртский университет.
25. Медведева, Т. С. (2015). Этноспецифический концепт *Gründlichkeit* в немецкой лингвокультуре. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 5, 90–99.
26. Степанов, Е. В. (2006). *Социальная реклама в России: генезис, жанры, эволюция*. Комментарии.
27. Дыкин, Р. В. (2009). Эффективность социальной рекламы: некоторые аспекты проблемы. *Вестник ВГУ. Серия: Филология, журналистика*, 1, 141–149.
28. Шовина, Е. Н. (2014). Эффективность социальной рекламы (на примере Мурманской области). *Проблемы развития территории*, 2(70), 137–148.
29. Елкина, М. В., Паутов, А. Д. (2020). Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 4 (14), 61–68.

References

1. Alefirenko, N. F. (2016). *Lingvokul'turologiya. Cennostno-smy'slovoe prostranstvo yazy'ka*. Flinta; (In Russ.).
2. Zhukova, A. G. (2019). *Obraz geroya v zapadnoj i rossijskoj social'noj reklame. Nauchny'j dialog*, 12, 21–42. (In Russ.).
3. Ljubke, V. E. (2016). *Realizaciya persuazivnoj strategii argumentirovaniya v social'noj reklame Germanii. Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*, 180, 46–51. (In Russ.).
4. Marty'nov, E. V. (2017). *Genezis teorii social'noj reklamy`: analiz zarubezhny'x issledovanij. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 4, 1–9. (In Russ.).
5. Marty'nov, E. V. (2018). *Social'naya reklama kak indikator vnutrennej politiki: sovremenny'j opy't Germanii i Avstrii. Vestnik MGLU. Obshhestvenny'e nauki*, 2 (800), 80–91. (In Russ.).
6. Terskix, M. V. (2020). *Tipologiya strategij kommunikativnogo vozdejstviya v diskurse social'noj reklamy`. Nauchny'j dialog*, 4, 164–175. (In Russ.).
7. Chubai, S. A. (2017). *Sovremennaya social'naya reklama v Rossii i SSHA: tematika i osobennosti funkcionirovaniya. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazy'koznanie*, 4 (16), 201–206. (In Russ.).
8. Agrba A. A. (2019). *Social'naya reklama v Ispanii i Rossii kak kul'turny'j fenomen [Dis. ... kand. kul'turologii: 24.00.01. Moskva]*. (In Russ.).
9. Nozdrenko, E. A., Eskina, A. A. (2013). *Ispol'zovanie e'tnokul'turny'x obrazov v otechestvennoj reklame kak otrazhenie kul'turny'x tradicij. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, (6). <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11118> (In Russ.).

10. Zherdeva, O. N., Burjak, A. V., Romanova, M. A., Zherdev, A. E. (2017). Social'naya reklama: psixolingvisticheskiy aspekt (na primere social'noj reklamy` v Altajskom krae i Germanii). *Sovremennyye nauchny'e issledovaniya i razrabotki*, 3 (11), 108–112. (In Russ.).
11. Kirillova, Ju. N. (2017). Lingvostilisticheskie osobennosti teksta social'noj reklamy` (na materiale nemeczkogo yazy`ka). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 3 (17), 265–272. (In Russ.).
12. Nikolaev, F. A. (2017). *Strukturno-semanticheskie i kommunikativno-pragmaticheskie xarakteristiki angloyazy`chny`x reklamny`x SEO-tekstov* [Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Sankt-Petrburg]. (In Russ.).
13. Danilevskaya, N. V. (2017). Social'naya reklama kak regulyator duxovno-nravstvennogo sostoyaniya obshhestva: kul'turologicheskij aspekt. *Kommunikativny'e issledovaniya*, 3 (13), 18–29. (In Russ.).
14. Elina, E. A. (2008). *Semiotika reklamy`*. ITK «Dashkov i K». (In Russ.).
15. Piskunova, M. I. (2004). Social'naya reklama kak fenomen obshhestvennoj refleksii. *Mediaskop*, 1, 19–19. (In Russ.).
16. Aronson, O. (1998). O social'noj reklame. Indeks. *Dos`e na cenzuru*, 6, 34–39. (In Russ.).
17. Golonka, J. (2009). *Werbung und Werte. Mittel ihrer Versprachlichung im Deutschen und im Polnischen*. Verlag für Sozialwissenschaften. Springer Wiesbaden GmbH.
18. Goodrum, Ch., Dalrymple, H. (2010). *Advertising in America. The First 200 Years*. Harry N. Abrams.
19. Schmidt, S. J. (2005). *Medien und Emotionen*. LIT Verlag.
20. Altendorfer, O. (2004). *Das Mediensystem der Bundesrepublik Deutschland*. VS Verlag für Sozialwissenschaften. GWV Fachverlage GmbH.
21. Moser, K., Eder, F., Keller, M. (2020). *Grenzenlose Werbung: Zwischen Konsum und Audiovision*. Walter de Gruyter GmbH & Co KG.
22. Kanning, U. P. (2011). Diagnostik von Einstellungen, Interessen und Werthaltungen. L. F. Hornke, M. Amelang & M. Kersting. *Persönlichkeitsdiagnostik*. Hogrefe, 467–512.
23. Medvedeva, T. S. (2010). Cennosti nemeczkogo naroda: istoriya i sovremennost`. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya*, 3, 130–134. (In Russ.).
24. Medvedeva, T. S., Oparin, M. V., Medvedeva, D. I. (2011). *Klyuchevy`e koncepty` nemeczkoy lingvokul'tury`*: monografiya pod red. T. I. Zeleninoy. Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
25. Medvedeva, T. S. (2015). E'tnospecificheskiy koncept Gründlichkeit v nemeczkoy lingvokul'ture. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazy`ka. Semiotika. Semantika*, 5, 90–99. (In Russ.).
26. Stepanov, E. V. (2006). *Social'naya reklama v Rossii: genesis, zhanry`, e`volyuciya*. Kommentarii. (In Russ.).
27. Dykin, R. V. (2009). E`ffektivnost` social'noj reklamy`: nekotory`e aspekty` problemy`. *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya, zhurnalistika*, 1, 141–149. (In Russ.).
28. Shovina, E. N. (2014). E`ffektivnost` social'noj reklamy` (na primere Murmanskoy oblasti). *Problemy` razvitiya territorii*, 2 (70), 137–148. (In Russ.).
29. Elkina, M. V., Pautov, A. D. (2020). Specifika social'noj reklamy` v usloviyax pandemii koronavirusa. *Nauka o cheloveke: gumanitarny`e issledovaniya*, 4 (14), 61–68. (In Russ.).

Сведения об авторах

Анна Викторовна Ленец — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкой филологии Южного федерального университета.

Татьяна Владимировна Овсиенко — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Южного федерального университета.

Диана Сергеевна Шипилова — кандидат филологических наук, ассистент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южного федерального университета.

Information about the authors

Anna V. Lenets — Doctor of Philology, docent, Head of the German philology Department, Southern Federal University.

Tatiana V. Ovsienko — PhD (Philology), associate professor at the German philology Department, Southern Federal University.

Diana S. Shipilova — PhD (Philology), lecturer at the Intercultural communication Department, Southern Federal University.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.05

ЯЗЫК ПОКОЛЕНИЙ. КАК ГОВОРЯТ ПОЖИЛЫЕ

Борисова Елена Георгиевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

borisovaeg@mgpu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются принципы изучения языка определенного поколения, в данном случае — старшего, и приводятся результаты пилотных исследований (на материале русского языка), на основании которых разрабатываются принципы изучения языка пожилых людей в сравнении с другими группами населения. Вводится измененное определение термина «социолект», исключающее понятия «жаргон», «диалект». Отмечается связь этого направления, названного поколенческой лингвистикой, с разделами социолингвистики (в частности, гендерной лингвистикой, изучением региолектов и др.), а также с другими направлениями языкознания, в частности с микродиахроническим подходом, теорией коммуникации и др.

Ключевые слова: социолингвистика, социолект, поколение, микродиахрония.

Для цитирования: Борисова, Е. Г. (2022). Язык поколений. Как говорят пожилые. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 63–71. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.05

Original article

UDC 81

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.05

**LANGUAGE OF GENERATIONS.
THE WAY THE ELDERLY SPEAK****Elena G. Borisova**Moscow City University,
Moscow, Russia

borisovaeg@mgpu.ru

Abstract. The article regards the principles of analyzing and describing the language of a certain generation. The focus is on the empirical materials in Russian concerning the elderly generation (about 60 years and older). To enable it the changings in employing the term “sociolect” are declared (slang and jargons are excluded as a specific means of communication that make it possible to switch codes while some linguistic features typical of social groups are unconscious, thus, no switching is possible). The investigations in the field of Linguistics of generations are similar to describing languages of other social groups as regarded within the framework of gender linguistics, regional linguistics, professional linguistics etc. The program of on-going studies in this sphere: questionnaires, content-analysis of texts etc — is declared.

Keywords: sociolinguistics, sociolect, generation, microdiachrony.

For citation: Borisova, E. G. (2022). Language of generations. The way the elderly speak. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 63–71. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.05

Введение

Языкознание последнего столетия уделяет внимание как выявлению и описанию структур языка, так и определению условий и форм, которые принимают эти структуры в ходе функционирования языка. Своеобразие языковых явлений, связанное с социальными условиями использования языковых единиц и структур, изучают в рамках направления, получившего название «социальная лингвистика». В отечественной традиции ее возникновение связывают с работами Е. Д. Поливанова, попытавшегося определить научные основы установления зависимости языка от общества. Однако исследования, в которых делались такие попытки, осуществлялись и раньше. Здесь можно вспомнить работу А. М. Селищева об изменениях в русском языке в послереволюционный период, довольно активные усилия лингвистов, в том числе И. А. Бодуэна де Куртене, по изучению криминального жаргона «Блатная музыка», усилия диалектологов и ряд других исследований.

Уже в послевоенное время произошел рост интереса к этой проблематике, причем в разных проблемных сферах: жаргонах [1], языке определенных социальных групп, в частности с учетом гендерных различий [2], описании

особых языковых ситуаций и др. Появились учебники по социолингвистике, созданные очень значимыми и известными не только в этой области учеными, которые показали готовность нашего языкознания обеспечить фундаментальный и аргументированный подход к этой сфере науки.

В настоящей работе мы намерены обратиться к одной из особенностей языка, обусловленных возрастом носителей. Предметом исследования является язык (в данном случае — русский), который используют пожилые люди.

Социолект: возрастной аспект

Мы описываем подходы к исследованию языка нынешней старшей возрастной группы русскоязычного населения России от 60 лет. Для его обозначения мы используем термин «социолект». В социолингвистике так принято называть язык социальной общности. Чаще всего под этим понимается жаргон, или сленг: он действительно характеризует язык социально объединенных носителей, например преступников, людей одной профессии (моряки, рекламисты, тележурналисты), одного возраста (молодежный сленг). Однако у жаргона есть целый ряд специфических функций: он используется для маркировки близости людей одной группы, иногда имеет криптохарактер (тайная передача содержания). Человек всегда сознает, когда он использует жаргон, а когда — нет, т. е. для него возможно переключение кодов.

В то же время есть общность языка у социальных групп, которая не всегда осознается. К примеру, использование специфических для данной территории слов может проходить незаметно и даже вызывать удивление, когда на это обращается внимание: а что, можно сказать как-то иначе? Так, жители Харькова и Донецка не всегда осознают, что обычное для них слово «тремпель» неизвестно большинству русскоязычного населения. То же можно сказать об использовании слова «вехотка» жителями Урала и других северных регионов России. Это уже явно другой случай, нежели жаргон, но тоже связанный с социальной группой.

Поскольку термин «жаргон» вполне обеспечивает связанные с ним научные задачи, имеет смысл отказаться от включения этого понятия в понятие «социолект». А термин «социолект» оставить за такими особенностями языка, которые обеспечивают естественную (не связанную с маркировкой принадлежности к группе) коммуникацию внутри определенной группы. В таком случае мы будем называть социолектом территориальный вариант языка, возможно, язык определенных групп по уровню образования («профессорская речь»), а также язык возрастных групп населения, не связанный с преднамеренным использованием какого-либо жаргона, или сленга.

При таком подходе молодежный сленг окажется в основном за пределами нашего понимания социолекта, однако в возрастной социолект будет входить

несколько вариантов какого-либо языка [3]. В поле нашего зрения — русский язык, но в принципе выработанные параметры описания приложимы и к другим языкам.

Возрастные факторы, определяющие разнообразие идиолектов

Обращение к возрастным особенностям языка в целом вписывается в параметры, заданные в учебнике [4]. Это, с одной стороны, физиологические факторы: неполнота возможностей у ребенка, овладевающего речью; деградация некоторых произносительных и мыслительных способностей у престарелых. С другой — социальные аспекты, обусловленные возрастом, задающим время формирования языка носителей.

Оставим физиологические проблемы — и раннего, и позднего возраста — физиологам и психолингвистам. Рассмотрим, какие возможны объединения социальных групп по возрастам в зависимости от языка.

Несомненно, можно говорить о детском языке, т. е. языке, которым пользуются дети и взрослые, общающиеся с ними. Здесь имеются в виду не психофизиологические искажения слов младенцев, вызванные недостаточной зрелостью мозговых и артикуляционных структур, а специальные слова, которые ребенок произносит даже тогда, когда может сказать более сложные вещи, например «хочу бай-бай». С такими словами к ним могут обратиться и взрослые: «А вот сейчас атата по попке!». Помимо языка ясельного возраста, есть определенная лексика, используемая дошкольниками и даже школьниками, овладевшими в основном родным языком, но использующими слова, воспринимаемые ими как детские: *понарошку, воображала, взаправду, чурики* (или *чур-чура*), *водит* (в игре), *выручать* (в игре) и некоторые другие. При чем слова передаются из поколения в поколение, не очень меняясь. Выросшие перестают их употреблять, оставляя младшим товарищам.

Иначе устроены особенности речи групп людей, объединенных временем, в котором они родились и жили. В результате получается объединение по поколениям и мы можем говорить о поколенческой лингвистике (Linguistics of Generations), которая выясняет особенности речи людей одного поколения.

Поколение в зеркале социологии

Поколение не вполне определенный в социологии термин. Чаще всего [5] его соотносят с какими-то событиями, сыгравшими особую роль в жизни людей сходного возраста, а также с общими ценностями. Например, говорят о детях войны, о первом послевоенном поколении, имея в виду тех, чье детство пришлось на первые послевоенные годы (в частности, в этом поколении очень велика доля людей, не получивших среднего образования). Говорят

о поколении начала космической эры — это те, кто помнит первые полеты в космос и ту, гордость, которая охватывала людей и передавалась детям. Конечно, выделяется поколение распада Союза — те, кто родились в конце 70-х – начале 80-х гг.

Помимо общественно-политических, важную роль играют события в технологической сфере, особенно в наши дни, когда эта сфера в основном касается условий коммуникации: поколение Интернет, соцсетей, айфонов. Социологи иногда говорят о смене поколений каждые десять лет, иногда — каждые 20–25 лет, т. е. отцов и детей. При характеристике людей новых поколений часто упоминаются физиологические факторы, например мозаичность мышления, быстрота переключения при решении задач у представителей новых поколений. Однако поскольку одни и те же характеристики выявляются у молодых людей на протяжении нескольких лет, видимо, это не столько отличительная черта поколения, сколько какие-то общие тенденции. Мы же обратимся к противоположному полюсу: речи людей старшего поколения — мужчин и женщин от 60 лет, которые по социологическим критериям относятся к детям гагаринского полета и имеют параллель в американском поколении бумеров.

Особенности речи представителей старшего поколения — как в русскоязычной среде, так и в других языковых сообществах — попадают в поле зрения исследователей очень редко и весьма выборочно [6–8]. Чаще всего одновременно с учетом других социальных факторов.

Речь пожилых и способы ее анализа

Некоторые характеристики речи пожилых более или менее заметны. В первую очередь это относится к используемой лексике, но имеются некоторые особенности в произношении, риторических традициях, а в редких случаях и в грамматике. Так, речь людей старшего поколения — причем, видимо, на разных языках — представляется более молодым несколько архаичной, содержит устаревшие слова. Существует мнение, что человек говорит так, как говорили во время становления его языка. Нетрудно убедиться, что это не так: пожилые активно употребляют и слова, в пору их молодости неизвестные: *Интернет, виртуальный, брокер, омоновец*, — а также устойчивые выражения: *мало не покажется, гарант конституции* и т. п. И это понятно: формирование языка продолжается в процессе коммуникации, хотя, возможно, с возрастом этот процесс замедляется.

Различия в языке двух соседних поколений наблюдать трудно, даже если брать поколения отцов и детей. Однако поколения дедов – бабушек и внуков демонстрируют более разительные отличия. Имеет смысл провести исследования, которые позволили бы описать различия, возникающие в языке поколений. Мы предлагаем программу исследований, базирующуюся на основе пилотного эксперимента, который опишем далее.

Наблюдения над языком лиц старшего поколения (в чем-то — самонаблюдения) при сравнении его с языком молодых позволили выявить несколько моментов, в которых имеются различия. В первую очередь это наличие в языке лексем, иногда фразем, которые характерны для пожилых, но не вполне понятны молодым. При составлении списка таких единиц мы обнаружили, что несовпадения могут принимать различный вид. Имеются слова, которые совсем непонятны большинству молодых: *подвода*, *для близиру*. В некоторых случаях слова знакомы, но они получают несколько иную интерпретацию, т. е. можно предположить какое-то изменение значения. Так, слово *румяный* иногда интерпретировалось молодыми как «здоровый» или «красивый». Иногда слова меняют свою ценностную окраску: слово *эгоист* перестало у молодых быть резко отрицательным, а *отечественный* — положительным. Наконец, меняется активный лексический запас людей. И хотя понимание при этом не нарушается (в пассивный запас эти слова входят), но для обозначения явления молодые и пожилые выберут разные слова, например человек с избыточным весом чаще будет назван пожилыми *толстяком* (и даже *жиртрестом*), а молодыми — *пухляком*, *пухляшом*.

Для определения различий в пассивном лексическом запасе (знакомство со словом и понимание его значения) использовался опрос: «Что значит это слово?». Для выявления различий в активном запасе предлагался эксперимент: «Как бы вы назвали...?», — с предложением привести все возможные варианты (например, «Как бы вы назвали человека с избыточным весом?», «Как бы вы назвали человека, который многого достиг?»).

Большие различия возникают в использовании прецедентных текстов. Пожилые легко находят цитаты из старых песен, классических произведений. Для молодых это сложно, даже если речь идет о современных фильмах и сериалах.

Таким образом, пилотные исследования, проведенные на двух малых (20 человек) выборках, показали, что есть возможность осуществить масштабные опросы, которые позволят составить более или менее полное представление о языке разных поколений. А на основании этого уже можно будет делать выводы о причинах выявленных различий.

Но важно не упускать из виду, что особенности идиолекта определяются не только возрастом, но и принадлежностью к иным социолектам. В частности, для молодежи различия в известности устаревшей лексики обусловлены начитанностью (образование практически у всех опрошенных формально одинаковое: 9–11-е классы или первые курсы колледжа, поскольку мы брали группу обучающихся в возрасте 15–18 лет). У пожилых известность слова сопряжена с жизненным профессиональным опытом; так, слово «фарватер» в точности знали только те, кто в молодости был связан с судоходством или водным туризмом.

Результаты исследований

Как показали пилотные исследования, имеются достаточно заметные, но не критические различия в лексике и особенно в фоновых знаниях в языке пожилых по сравнению с языком молодежи. Имеются различия и не только в лексических аспектах. Фонетические и орфоэпические исследования позволяют выявить сохранения старых произносительных норм у пожилых жителей некоторых регионов [9].

Что касается грамматики, то для русского языка нам неизвестны убедительные свидетельства различий грамматических систем у пожилых и молодых. Однако для некоторых других языков такие различия просматриваются. Так, в ряде работ по использованию Present Perfect, по формированию Future Simple можно найти утверждения о различиях в грамматических системах людей разных поколений, причем старшее поколение сохраняет некоторые уже устаревающие особенности, которые у молодых, даже образованных, уже отсутствуют [7].

Выводы

Различия в языке поколений могут быть замечены в ходе общения. Однако очевидно, что их выявление и описание требуют последовательных репрезентативных исследований.

Таким образом, поколенческая лингвистика, предметом которой являются такие описания, позволяет в какой-то степени заполнить лауну в изучении социолектов, а именно в том, что касается возрастных характеристик носителей языка. Практический смысл таких действий очевиден: он дает возможность продемонстрировать, какие языковые особенности могут вызвать непонимание адресата, например при обращении к пожилым. Но поколенческая лингвистика обладает преимуществами и в теоретическом плане.

Обращение к языку поколений, особенно старшего поколения, создает возможность для использования результатов наблюдений и экспериментов в исследованиях по микродиахронии, поскольку именно современное различие между языками двух поколений отражает самые мелкие сдвиги в изменении языка, которые рассматривает микродиахрония. Имеется пересечение с еще одним направлением гуманитарных знаний, а именно с теорией коммуникации. Известно [10], что распространение новых слов осуществляется в ходе общения, причем не только непосредственного, но и опосредованного, через массмедиа, литературу, сети. Изучение распространенности тех или иных лексем в разных поколениях помогает установить связь между распространением лексем и каналами коммуникации, характерными для определенных периодов.

В целом дальнейшее развитие изучения языка поколений — и не только самых старших — представляется перспективным для описания языков в ситуации реального общения.

Список источников

1. Борисова-Лукашанец, Е. Г. (1983). Лексика современного молодежного жаргона (англоязычные заимствования в студенческом сленге 60–70-х годов). *Литературная норма в лексике и фразеологии*. Наука, 104–120.
2. Кириллина, А. В. (1999). *Гендер. Лингвистические аспекты*. Институт социологии РАН.
3. Борисова, Е. Г. (2019). Трансформация ценностно-смыслового кода в языке молодежи. *Верхневолжский филологический вестник*, 2, 138–143.
4. Вахтин, Н. Б., Головкин, Е. В. (2004). *Социоллингвистика и социология языка: учебное пособие*. Гуманитарная академия.
5. Глотов, М. Б. (2004). Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, 10(246), 42–48.
6. Ягугаров, Р. А. (2012). Гендерно-возрастные особенности вербальных форм речевого этикета русского языка (на материале экспериментальных исследований). *Мир науки, культуры, образования*, 6 (37), 56–59.
7. Hundt, M., Smith, N. (2009). The present perfect in British and American English: Has there been any change, recently? *University of Zurich ICAME Journal*, 33, 45–63.
8. Schwartz, H. A., Eichstaedt, J. C., Kern, M. L., Dziurzynski, L., Ramones, S. M., Agrawal, M., et al. (2013). Personality, Gender, and Age in the Language of Social Media: The Open-Vocabulary Approach 2013. *PLoS ONE*, 8 (9), e73791. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0073791>
9. Науменко, О. В. (2016). Гендерные и возрастные особенности произношения. *Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: международный сборник научных статей*. Альба, 161–166. <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2016/naumenko.html>
10. Борисова, Е. Г. (2019). Русский язык сегодня: изменения в пространстве и времени. *Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития*. Ереван, 24–25 октября 2019 г. Изд-во Ереванского государственного ун-та, 166–170.

References

1. Borisova-Lukashanec, E. G. (1983). Leksika sovremennogo molodezhnogo zhargona (angloyazychny`e zaimstvovaniya v studencheskom slenge 60–70-x godov). *Literaturnaya norma v leksike i frazeologii*. Nauka, 104–120. (In Russ.).
2. Kirillina, A. V. (1999). *Gender. Lingvisticheskie aspekty`*. Institut sociologii RAN.
3. Borisova, E. G. (2019). Transformaciya cennostno-smy` slovogo koda v yazy`ke molodezhi. *Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik*, 2, 138–143. (In Russ.).
4. Vaxtin, N. B., Golovko, E. V. (2004). *Sociolingvistika i sociologiya yazy`ka: uchebnoe posobie*. Gumanitarnaya akademiya. (In Russ.).
5. Glotov, M. B. (2004). Pokolenie kak kategoriya sociologii. *Sociologicheskie issledovaniya*, 10 (246), 42–48. (In Russ.).
6. Yagufarov, R. A. (2012). Genderno-vozrastny`e osobennosti verbal`ny`x form rechevogo e`tiketa russkogo yazy`ka (na materiale e`ksperimental`ny`x issledovaniy). *Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya*, 6 (37), 56–59. (In Russ.).
7. Hundt, M., Smith, N. (2009). The present perfect in British and American English: Has there been any change, recently? *University of Zurich ICAME Journal*, 33, 45–63.

8. Schwartz, H. A., Eichstaedt, J. C., Kern, M. L., Dziurzynski, L., Ramones, S. M., Agrawal, M., et al. (2013). Personality, Gender, and Age in the Language of Social Media: The Open-Vocabulary Approach. 2013. *PLoS ONE*, 8 (9), e73791. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0073791>

9. Naumenko, O. V. (2016). Genderny`e i vozrastny`e osobennosti proiznosheniya. *Aktual`ny`e voprosy` perevodovedeniya i praktiki perevoda: mezhdunarodny`j sbornik nauchny`x statej*. Al`ba; 2016: 161–166. <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2016/naumenko.html> (In Russ.).

10. Borisova, E. G. (2019). Russkij yazy`k segodnya: izmeneniya v prostranstve i vremeni. *Rusistika v XXI veke: tendencii i napravleniya razvitiya*. Erevan, 24–25 oktyabrya 2019 g. Izd-vo Erevanskogo gosudarstvennogo un-ta, 166–170. (In Russ.).

Информация об авторе

Елена Георгиевна Борисова — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Elena G. Borisova — Doctor of Philology, Full Professor, Professor of German studies and linguodidactics Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Научная статья

УДК 81'42 : 82'085

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.05

**ИНТЕГРАТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНФЛИКТА
В ЧАТОВОЙ КОММУНИКАЦИИ****Фанян Нелли Юрьевна**

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия

nellyfanian@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу и эмпирической интерпретации проблемы конфликтной коммуникации. Актуальность исследования определяется интегративным характером теоретической разработанности проблемы, требующей систематизации, определения согласованности научных направлений гуманитарной области. Гипотеза работы — интегративный подход в исследовании конфликтной коммуникации способствует построению целостной модели, в которой виртуальный характер конфликтогенности, сопряженный с другими компонентами дискурсивной и аргументативной модели, может способствовать выполнению сдерживающей функции в ситуации конфликта в реальной коммуникации. Работа направлена на обоснование ингерентности положений теории и практики и моделирование системы параметров, представляющей собой релевантный инструментарий для анализа конфликтной ситуации. В целях определения согласованности различных параметров, наряду с другими методами исследования в качестве ведущего метода в работе выбран метод проекции. Выборка исследования включает в себя заверченный текст — это скрипт конфликтной ситуации в чате «Соседи», возникшей при обсуждении основной темы из повседневной сферы общения. В статье обоснована необходимость проективного метода, выявлены и описаны параметры интегративной модели неконфликтной коммуникации, включающей в себя компоненты дискурсивной модели — участники, их роли, цель, ценности, стратегии и тактики, речевые жанры (дискурсология), основные конфликтогены (конфликтология), общие требования к спору (аргументология). Представленные в статье материалы и результаты исследования способствуют развитию теории и практики коммуникации, а также межкультурной коммуникации при изучении специфического формата чатового общения. Они позволяют дополнить наше представление об эффективной коммуникации, исходя из анализа конфликтного взаимодействия в сфере повседневности.

Ключевые слова: конфликт, дискурс, интегративность, метод проекции, модель.

Для цитирования: Фанян, Н. Ю. (2022). Интегративное осмысление конфликта в чатовой коммуникации. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 72–89. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.06

Original article

UDC 81'42 : 82'085

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.05

**INTEGRATIVE UNDERSTANDING OF CONFLICT
IN CHAT COMMUNICATION****Nelly Yu. Fanyan**

Kuban State University,

Krasnodar, Russia

nellyfanian@mail.ru

Abstract. The article features the theoretical analysis and empirical interpretation of conflict communication being also of a fundamental scientific nature. The study proves relevant due to the integrative nature of the theoretical elaboration on the problem, which requires systematization, determination of scientific approaches consistency as of the humanitarian field. The hypothesis considers the integrative approach to the study of conflict communication which contributes to constructing an integral model demonstrating the virtual nature of conflictogenicity that is coupled with other components of the discursive and argumentative model to contribute to performing a deterrent function in a real communication conflict situation. The article aims at substantiating the coherence of theory and practice provisions and modeling a system of parameters, which is a relevant tool for analyzing a conflict situation. The empirical data include a completed text script of a conflict situation in the «Neighbors» chat that arose while discussing a routine issue. The paper reveals the relevance of the projective method, identifies and describes the parameters of an integrative model of non-conflict communication, which includes the components of the discursive model: participants, their roles, goals, values, strategies and tactics, speech genres (discursology), the main conflictogens (conflictology), general requirements for the dispute (argumentology). The findings contribute to the development of communication theory and practice as well as intercultural communication when studying a specific format of chat communication. They allow us to supplement our understanding of effective communication, relying on conflict interaction studies in the area of everyday life communication.

Keywords: conflict, discourse, integrativity, projection method, model.

For citation: Fanyan, N. Yu. (2022). Integrative understanding of conflict in chat communication. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 72–89. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.06

Введение

Объект исследования — спор в пространстве чатовой коммуникации. Предмет изучения — различные средства выражения спора как результата конфликтной ситуации. Цель статьи — интегративное осмысление конфликтной ситуации в чатовой коммуникации. Задачи: на основе интегративного инструментария выявить и описать дискурсивные характеристики конфликтной коммуникации; определить степень

коммуникативной компетенции участников взаимодействия в ситуации конфликта; оценить преимущества и недостатки чатового взаимодействия. Гипотеза работы: интегративный подход в исследовании конфликтной коммуникации позволяет сконструировать единую модель общения, в которой виртуальный параметр конфликтности, сопряженный с другими параметрами дискурсивной и аргументативной модели, может выполнять профилактическую функцию в актуальной конфликтной коммуникативной ситуации. Концепция исследования базируется на доказанных научных положениях, формирующих интегративное поле гуманитарных исследований.

Методология исследования

Обоснование выбора методологического подхода. Интегративный подход — неотъемлемое методологическое требование актуальных исследований, в том числе лингвистических. Осмысление конфликта как феномена базируется на принципе целостного восприятия и дескрипции всевозможных процессов, явлений, состояний, событий, дискурсивных практик. Данный принцип релевантен в области гуманитарного знания, в которую входят интегративные научные направления: лингвоконфликтология, коммуникативная лингвистика, теория диалога, дискурсология, эколингвистика, прагмалингвистика, психолингвистика, социоллингвистика, лингвокогнитология, лингвоаксиология, лингвокультурология, межкультурная коммуникация, лингвоаргументология. Все направления восходят к античной риторике (эристике). Интегративность требует согласованности областей и соответствующего инструментария: в качестве основного метода нами выдвигается проективный метод, на основе которого вычленяются базовые понятия научных направлений, в которых находят свое выражение как собственно понятие «конфликт», так и форма его актуализации.

Лингвоконфликтология базируется на принципах коммуникативистики, которая сформировалась на основе теории диалога в отечественной гуманитаристике [1] и конверсационной теории в зарубежной лингвистике. Оба направления способствовали формированию современной дискурсологии как интегративной области с учетом различных измерений — социо-, психо-, прагмалингвистического, лингво-, когнитивного, культурного, аксиологического [2–4]. Элементы, входящие в модель эффективной коммуникации, формируют актуальную область — эколингвистику, систематизирующую опыт исследования взаимодействия таких пространств, как Среда, Язык, Сознание, Человек, Коммуникация [5].

Целостное изучение данной проблемы базируется на философской методологии, акцентирующей значимость толерантного сознания для познания мира в целом [6–8]. Коммуникативные трудности трактуются через проблему смысла в виде смысловых пазлов коммуникантов в режиме их (не)совпадения, усугубленном негативным влиянием ускоренной коммуникации [9]. С учетом

новых вызовов актуальны исследования, посвященные полиаспектному изучению дискурса/текста и новых форматов коммуникации [10; 11]. Дискурс все чаще интерпретируется как дискурсивная практика [12] (ср. с французской традицией анализа дискурса).

Ингерентность научных направлений обуславливает ингерентность различных подходов. Разнообразие процедур анализа в некоторых случаях создает проблему в выборе подходов [13]. Иногда сложно выделить объект исследования — модели поведения / *стили мышления* в психолингвистике и *стили мышления* / когнитивные стили в когнитивной лингвистике. Оба аспекта могут рассматриваться как неотъемлемые части аргументативного анализа.

Пересечение феноменов формирует новые объекты изучения. В нашем исследовании таковым представляется конфликтный дискурс [14]. В основе конфликта — спор как объект (лингво)аргументологии, своими истоками уходящий в эристику. Движущая сила аргументации — динамическое соотношение конфликтности и согласия, которое понимается как слияние (*coalescence*) двух позиций путем экспликации связи между тезисом и убеждениями, чувствами, ценностями и потребностями человека. Отправные точки диалога — зоны согласия с акцентом на психологическом измерении в процессе аргументации [15]. Важный принцип в эристике — соблюдение правил в споре (современное осмысление правил коммуникации восходит к текстам Священных Книг; корректных и некорректных приемов — ср.: правила практической риторики и максимы коммуникации в прагмалингвистике).

В лингвоаргументологии особое место отводится типологии споров. В концепции А. Н. Баранова спор — видовое понятие. Категориальные способы реализации аргументативного дискурса (АД) — это дискуссия (рациональность) и спор (эмоциональность). Все другие формы — виды дискуссии различаются по степени эмоциональности (*беседа/обсуждение/дискуссия/диспут/дебаты/прения/пререкания*). Диалогичность — отличительная черта АД. Спор — частный случай АД, его наиболее острая и напряженная форма [16]. Согласно А. А. Ивину, спор — родовое понятие. Четыре вида спора дифференцируются по двум критериям: «цель» (*истина* — дискуссия, эклектика; *победа* — полемика, софистика) и «приемы ведения спора» (*корректные* — дискуссия, полемика; *некорректные* — эклектика, софистика). Важное значение для регулирования спора имеют требования к его ведению: не спорить без особой необходимости (*лингвоэкология*); спор должен иметь тему и предмет; постоянство темы (*коммуникативная лингвистика, теория диалога*); предмет спора должен быть ясным (*логический аспект аргументации*); общность исходных позиций; знание вещей (*лингвокогнитология*); выяснение истины и добра (*лингвооксиология*); гибкость (*психолингвистика, прагмалингвистика*); соблюдение связи стратегии и тактик (*прагмалингвистика, дискурсология*); признание ошибок (лингвоперсонология, психолингвистика) [17] (в скобках курсивом комментируем требования с указанием интегративности проблемы. — Н. Ф.).

Лингвистический анализ актуализирует инструментарий дискурсивного, коммуникативного, лингвоаргументативного анализа, ключевые понятия которых даны, к примеру, в определении конфликтного дискурса как частной формы аргументативного дискурса: это «*речевое взаимодействие* собеседников, *иллокутивная доминанта* которого характеризуется наличием столкновения коммуникативных целей, репрезентация которых содержит *имплицитные или эксплицитные инвективы*, <...> консеквент характеризуется тем, что участники дискурса испытывают *отрицательные эмоции* благодаря вербальному воздействию друг на друга» (курсив мой. — Н. Ф.) [14, с. 5–6]. Факторы, формирующие ситуацию конфликта, есть основные типы конфликтогенов, описанные в лингвоэкологии, повседневной межличностной коммуникации как феномены вербальной и невербальной коммуникации: стремление к превосходству; проявление агрессивности; проявление эгоизма; нарушение правил; неблагоприятное стечение обстоятельств. Конфликтоген — это любой предмет, вещь, идея или взгляд, выявляющие различия, отношения, слова, действия (или бездействие). Первый конфликтоген чаще всего результат стечения обстоятельств; но при его игнорировании может возникнуть конфликт. Конфликтогены становятся таковыми лишь в социально-ситуативном дискурсе и с определенной интерпретацией (смыслами, связанными с достижением цели; сформированными ценностями или их отсутствием) [18].

Конфликтогены охватывают различные уровни межкультурной коммуникации: малую группу (слова, жесты, взгляды, действия отдельных личностей) и общество в целом (действия отдельных слоев и групп населения, институтов, органов власти и др.) [19]. В ситуации конфликта различают два стиля поведения: *ассертивность* (направлена на удовлетворение собственных устремлений) и *кооперативность* (направлена на удовлетворение устремлений другого/других) [20].

В интегративном пространстве исследования конфликтогенности в чатовом сообществе [21] особое место занимает лингвистический аспект: *языковые факторы* (многозначные слова, ненормативная и негативная оценочная лексика, слова, имеющие неприятные, неэтичные ассоциации, отрицательные конструкции); *прагматические маркеры* (несоответствия, непонимание, нарушение каких-либо правил и закономерностей речевого общения); прагматические факторы (социальные характеристики участников; их цели/задачи и результат общения; параметры коммуникативной ситуации; позиции в общении [22, с. 4] (ср. с дискурсивной моделью: [2]). В нашем столетии конфликт — актуальный объект анализа в коммуникативном и лингвистическом аспектах, включая разные подходы исследования [23].

На основе описанных в научной литературе принципов и закономерностей коммуникации с применением проективного метода (интегративный инструментарий — модель дискурса; определение понятий «конфликтоген» и «спор», характеристика разновидностей спора, правила поведения при споре)

нами ставится цель — систематизировать дискурсивные характеристики неконфликтной коммуникации в чате.

Техническое описание материала исследования. В качестве исходной модели служит модель дискурса с компонентами: участники, статусные роли, тема, текст (тело дискурса), хронотоп, канал общения, цель, основной концепт (понятие), стратегии, тактики, ценности, речевые жанры, речевые формулы [2]; основные требования к спору; параметры, описанные при характеристике спора (инициатива (начало обсуждения темы) и неправильный выход из спора, когда спорщик в безвыходной ситуации старается всячески «улизнуть из спора», «прикончить спор») [17]; а также типология вербальных и невербальных конфликтогенов.

Эмпирическим материалом послужил завершённый фрагмент из чата «Соседи». Цель общения формулируется вокруг основного понятия (темы) — обустройство детской площадки, обсуждение которого вызывает конфликт, переходящий в спор. Он разворачивается вокруг ценностей — материальных и духовных, — которые поддерживаются соответствующими стратегиями, тактиками, речевыми жанрами и формулами.

Тема обустройства обсуждалась 15 коммуникантами. Они участвовали в споре с разной степенью активности. Выборка исследования — 8 страниц текста (скрипт процесса развития и затухания конфликта). Основные участники — энергичные спорщики — обозначены нами никами: kris gr («Пропонент» — П*) и «А» («Главный оппонент» — ГО*); Модератор («М*») в чате — «Председатель» (по статусу выполняет организующую функцию); Участник 8 («Положительный герой»); остальные жильцы дома представлены под номерами (1, 2, 3...15) по мере их включения в решение поставленного вопроса. Участников в споре объединяет хронотоп (физическое пространство — дом, в котором они живут; коммуникативное пространство — чат «Соседи» как опосредованный канал общения, сочетающий устную и письменную формы общения; время обсуждения — с 11 августа по 16 августа 2021 года, с продолжительными паузами). Вербальное выражение реплик сопровождается невербальной и паравербальной — смайлами и пиктограммами как неотъемлемыми маркерами опосредованной коммуникации.

Процедура исследования. Скрипт текста последовательно анализируется в виде диалогических секвенций, сопровождаемых комментарием-интерпретацией (весь текст сохранен в оригинальном виде без корректуры).

Инициатива представлена П* в виде предложения в вопросительной форме и соответствующих аргументов:

kris gr: *Соседи, а ни у кого нет желания скинуться и сделать нормальную детскую площадку? Не возникала мысль? Думаю, дети у многих есть. А детская площадка ущербная и жуткая.*

На инициативную реплику немедленно реагирует Участник 1:

1: *Для соседских детей? Наши то уже выросли 🤔 (смайл смеющийся).*

Ответная реакция П* расширяет тему благоустройства детской площадки (происходит нарушение правила ведения спора — постоянство темы). Она вызывает разные реакции у Участников:

kris gr: *А у Ваших тоже дети пойдут. Можно сделать беседку, благоустроить территорию, это не только детская тема.*

1: *Вот это поддерживаю, благоустроить и закрыть на замок (пиктограмма — замок).*

2: *Мангал поставить) чтоб кому надо могли пожарить шашлык.*

kris gr: *Можно стационарный мангал и освещение обязательно*

3: *Только замыкать.*

Основным символом становится замок как угроза для коммуникации в целом.

В обсуждение вступают Председатель и ГО* (А):

М*: *Я хотела через депутата поставить тренажеры, но он сказал, если земля не ваша, то нельзя.*

А: *А можно еще глухие ворота, чтоб никто не видел. И вход по QR коду только шприцанутым. Еще много идей для улучшителей.*

Ответная реплика П* состоит из двух частей — направлена на двух собеседников — (а) и (б). Ирония ГО* (со ссылкой на прецедентный феномен — вакцинацию) ею не воспринимается. В дополнение — реплика-упрек:

kris gr: *Толку нет от этих депутатов, все, что на площадке — это временные конструкции, для этого не нужно согласовывать ничего, сделать общее собрание и отразить в протоколе (ответ Председателю) (а).*

Я предложила благоустроить место общего пользования, при чем здесь коды? Или в группе только канализацию и парковку обсуждать? (ответ ГО) (б).*

В процессе обсуждения проблемы происходит чередование точек разногласия и согласия между основными Участниками — П*, ГО* и Председателем:

А: *Как по мне, то надо убрать забор и объединить и не делить детей на чужих и наших.*

kris gr: *Согласна (данная позиция — согласие — в конце оспаривается. — Н. Ю.)*

М*: *Я бы тоже за это, но для этого надо согласие всех (постоянство позиции сопровождается уступкой. — Н. Ю.)*

kris gr: *<...> Давайте решим, что именно ставить и какой примерно бюджет, тогда будем понимать по сколько с каждой квартиры. От этого будет зависеть согласие. <...>*

4: *А вы этим займетесь? <...>*

На данном этапе происходит смена настроений. Коммуникативное равновесие склоняется к разногласию на переходе от одних ценностей (духовных — объединение, красота, удобство) к другим (материальным — денежным). В реплике ГО* появляются грубая лексика, инвективный фразеологизм к персоне П*; пейоративная лексика Участника 5. Конфликтогены нагнетают конфликт:

A: *Не надо собирать деньги. Это уже всех достало. Если вас червь подтачивает, то сделайте, никто вам не запретит, а разрешение спросите у всех.*

5: *Мы уже скидывались по 3000 несколько лет назад, и соседи ее ухайдокали*

Тема сбора денег доминирует над благородной темой обустройства детской площадки, становясь конфликтогеном. При этом П* применяет тактику кооперативности в ответ на инвектив (эффективное средство — соблюдение формальных тактик взаимодействия):

kris gr: *Меня «червь не подтачивает», давайте корректнее общаться, уважаемый А! Я предложила благоустроить территорию общего пользования, для живущих в доме, если Вам не интересно, просто игнорируйте смс в группе.*

<...>

kris gr: *К счастью, пока не все в группе против. Квартира 2 и 31 «за» (речь идет о ее квартирах. — Н. Ю.). Хотя, у меня ребенок приезжает в гости к бабушке на неделю раз в год, но это не важно. Я готова скинуться за 2 квартиры.*

M*: *Мы уже собирали 80 тысяч на эту площадку. Еще сколько надо, я не думаю, что все будут согласны.*

5: *Конечно! Каждый год на нее собирать я не собираюсь*

Конфликтоген «сбор денег» нерелевантен для П* — она новенькая в этом доме. Ее особый статус (собственница многих квартир), коммуникативное и речевое поведение (хвастовство, лукавство, выраженное в инвективном выплеске и грубой лексике; акцент на низкий уровень культуры жильцов дома, ограниченность их интересов) формируют систему конфликтогенов. Участник 5, продолжая тему неприятия сбора денег, одновременно дает отпор П*:

kris gr: *Сама живу в Москве и всегда «охреневала», простите за мой французский, от кубанойдов с их жадностью и скарденостью. Смотрю на это и диву даюсь, неужели это норма? К счастью, не все жлобы.*

5: *Вы только купили квартиру и еще не выкладывали ни во что, а мы с 12 года постоянно на что-то сдаем в этом доме, а толку нет*

kris gr: *Вот закрывать надо двор не от соседних детей, а от жлобов, которые не хотят ни в чем участвовать, кроме сплетен и обсуждения того, кто пиво в лифте разлил и как припаркованы авто.*

5: *А вы поаккуратнее с выражениями*

kris gr: *У меня это не единственные квартиры и я всегда вкладываю, не переживайте. Констатация факта обидна для глаз или слуха?*

Стратегия П*, основанная на благородном мотиве, — благоустроить детскую площадку, не коррелирует с тактикой для достижения цели. Заданная ею для обсуждения тема предметного пространства комфорта диссонирует с ее неэкологичным коммуникативным пространством. Она противопоставляет себя сообществу соседей (Я — москвичка, вы — кубанойды), обозначая межкультурный конфликт в групповой коммуникации.

По мере вступления в обсуждение других участников происходит прояснение положения дел — конфликт связан с другими «чужими». Рядом с элитным домом — общежитие, жильцы которого — главные возмутители спокойствия и порядка:

6: *На самом деле Площадка раньше была классная! Но дети из соседнего дома ее разрушили. Какое-то время мы пытались с этим бороться, потом сдались. Уверена, что с новой будет так же!!!* (предвзятое мнение основано на знании вещей. — Н. Ю.).

5: *Факт, что Вы хамите, я за себя ответила, сдавать еще раз за нее не буду! <...>*

Далее присоединяются другие участники с предложениями. В роли ответчика — П*. Тон ее смягчается. Желая быть убедительнее, она перечисляет варианты, тема денег преподносится аккуратнее, обозначается целевая аудитория. Мнение подкрепляется риторическим вопросом. П* даже примеривает роль Председателя:

7: *А что не так с площадкой? Может ее просто покрасить надо?*

kris gr: *Все рано или поздно приходит в негодность, можно оставить то, что есть и добавить кое-что еще, тот же песок, покрасить все, мангал, столик, лавочки, беседку, горку <...>. Это не будет колоссальная сумма, но появится место для отдыха детей и взрослых. Разве, это плохая идея? <...>*

Далее на смену отрицанию «сбора денег» в коммуникации появляется оптимистичная линия (Участники 8 и 1). Согласие выражается в новой тактике — против оппозиции «свой/чужой». В качестве прагмалингвистических средств выступают речевые жанры — предложение, уступка (но, хоть); синтаксические и графические средства — риторические вопросы, восклицания, капитализация (ВСЕХ, ВСЕМ). Позитивные шаги порождают соответствующий речевой жанр — комплимент:

8: *Какая разница чьи дети «угробили» площадку? Они на ней играли и не важно откуда они, разве не в этом смысл этой же площадки? Это дети! Если им было хорошо играть, гулять и ТД. Значит деньги, которые мы ранее сдавали уже пошли не на ветер!!!! <...> Я поддерживаю вариант снести забор и сделать общую большую площадку для ВСЕХ детей!*

kris gr: *Приятно слышать это от мужчин! Спасибо!*

8: *Хоть и не особо горю желанием сдавать деньги на новое, НО если детям будет комфортно ВСЕМ ДЕТЯМ (хоть своих не имею) я не против.*

Обсуждение вопроса достигает позитивной кульминации, подкрепляется реальным предложением — обращением к Председателю с конкретным вопросом:

8: *Л. П., вы можете как-то организовать общее собрание с жильцами общежития и нами? На таком собрании я бы точно был)*

9: *За последние годы хоть мысли здравые появились <...>*

Дальнейшие реплики Участника 8 (условные «если...», может...»), предположения, допущения в качестве тактик к достижению согласия, взаимопонимания) характеризуют его как гуманиста и идеалиста, которого Участник 9 — реалист — конкретными фактами старается вернуть к реальности. Мнение Участника 8 находит поддержку со стороны П*:

8: *Так может тем самым, если мы уберем забор, поговорим все вместе с ними на собрании, сделаем общую площадку, может это станет началом взаимопонимания? И положит начало нормальному совместному существованию? Дети перестанут ломать, взрослые перестанут яйцами машины обкидывать и т. д.*

9: *Наши дети подросли, а в общаге квартиранты меняются и постоянно малые дети, которые только вредительством занимаются, а их родителям неадекватным бесполезно что-то говорить. Вспомните последний случай, когда яйцами закидали машину. Поэтому, если что то и делать на площадке, то только замыкать ворота <...>*

kris gr: *Вполне возможно, надо разговаривать. Если они тоже вложатся и смогут пользоваться, начнут беречь и контролировать. <...> Я готова 10.000 дать на площадку, за 2 квартиры по 5.000. Жду предложений, кому сколько не жалко, можно и так, чтобы никого не обязывать. Сколько соберём, на это и будем рассчитывать.*

Препятствие к дальнейшему обсуждению вопроса — незнание вещей и обстоятельств дела (конфликтоген):

10: *все кто давно живет понимают, что договориться с общагой невозможно!*

Настойчивость П* подкрепляется выдвиганием нового аргумента (тактика самопрезентации, уверенность в своей компетенции). В качестве речевых жанров — предложение, предположение:

kris gr: *Я попробую, у меня по этой теме красный диплом МГУ. Может, получится хоть по 1.000 собрать с каждой семьи жителей соседнего дома.*

<...>

П* формулирует новый тезис с конкретизацией отдельных положений, дополненных пиктограммами:

kris gr: *Повторный запрос. 🏠 (пиктограмма «домик») Кто сколько готов дать на благоустройство 🏠 (другая пиктограмма «домик») общей территории, где можно будет проводить время с семьей и детьми? 👨‍👩‍👧 (пиктограмма «семья»).*

Голос «против» и представление аргументов к объяснению (знание вещей):

9: *Я — категорически против совместной площадки! Ушатывают всё!*

Ответная аргументация П изобилует добавлениями (условные предложения). Она ставит благородную цель — материально перевоспитать «чужих»:*

kris gr: *«Ушатывали» потому, что не вкладывали, если вложатся — этого не будет. Можно камеру установить, + 10.000*

Другие контраргументы к несостоятельности доводов П* (ирония):

9: *Бесполезно! Там «текут» жильцов!!!*

1: *И вычислять квартирантов общаги, которых никто и не знает в лицо* 🗨️ (пиктограммы, выражающие различные чувства с иронией. — Н. Ю.).
Я только за наш дом

Под фактологическим натиском П* сдает позиции:

kris gr: *Ок, «за». А сумма пожертвования какая? Тоже не ответили на вопрос*

9: 👍 (одобрительная пиктограмма «поднятый вверх большой палец»)

1: *Отвечу, когда увижу на что*

Далее от участников поступают предложения: не обязывать всех жильцов на сбор денег; провести субботник; купить стол, лавки, мангал («НО! Забор не сносить!! И калитку замыкать!!»).

Обсуждение в первый день закончилось одобрительной репликой П*:

kris gr: *Отлично. Нас становится больше.*

Через день в чате промелькнула лишь одна реплика нового участника:

11: *Студия 2А за! комфортную зону с мангалом! Сколько и кому? Сдавать.*

Вслед за кульминацией наблюдается затухание интереса к обсуждаемой проблеме. На следующий день (14.08) обсуждение начинается с самого утра (08:28). После большой паузы ГО* берет инициативу в свои руки, выдвигая предложение, идущее вразрез с коллективным мнением:

А: *Кв 30 за объединенную детскую площадку с минимальными сборами денег, с ликвидацией забора. Деньги сдавать мне.*

Председатель перехватывает инициативу по статусу:

М*: *Давайте закажем бюллетени для голосования, в у,к, <...>*

ГО* сверхдемокративно высказывается даже против голосования, предлагая тактику выжидания:

А: *Зачем вы усложняете. Если в группе люди не могут проголосовать, значит они не готовы, не определились. <...> Мудро будет отложить вопрос до следующего прецедента.*

ГО* — это языковая личность со статусом коммуниканта, у которого всегда особое мнение по всем обсуждаемым в группе вопросам:

М*: *Если пять квартир за, а остальным все равно, то они не могут платить за всех.*

А: *Не могут — это не верная формулировка. Они могут, но пока не готовы.*

Ответ ГО* относительно забора — символа разъединения (представлен широким синонимическим рядом безвыходности — преграды, замок, забор, шлагбаум, концлагерь) выражен в грубой лексике крайне эмоционально, демонстрируя неприятие ситуации:

12: *Почему вы хотите убрать забор и калитку можно узнать?*

А: *Потому, что задолбали всевозможные преграды. Шаг шагнешь — замок, еще шагнешь — забор, шлагбаум.... это просто концлагерь. <...> Разделив своих детей с другими детьми, вы обрекаете их на вражду. <...>*

Участник 12 противопоставляет аргумент и контраргумент посредством условных высказываний (тактика визуализации) с приведением реальных фактов в обоснование своего мнения:

12: *Эти замки созданы не для того чтобы сдерживать нас, а для того чтобы защитить нас от внешних раздражителей и опасностей! Поймите, если мы не поставим замок на площадке с мангалом столом и стульями, мы создадим ещё одну спорную территорию, предлог для конфликтов! Эти люди машину закидали, потому что она стояла к ним ближе, чем положено, по их мнению, вы понимаете?*

ГО* упорствует против Участника 12:

А: *Мангала там не будет. Вокруг множество кафе и ресторанов, какой вам мангал, вы что, бюрокаты?*

Участник 12 продолжает тактику визуализации: «мангал» и «забор» толкуются как предметные конфликтогены; дается фактологический комментарий посредством риторических вопросов и восклицаний, а также добавления («тем более»):

12: *Вы понимаете, что я имею ввиду что мангал туда поставят люди из общежития? И нас не спросят! И каждый вечер пятницы под вашими окнами будет фестиваль пива и мяса! Или вы думаете, что это я очень сильно хочу мангал? Тем более что забор уже стоит <...>! Зачем его ломать? Сколько видео прислали в эту группу, как качели ломают <...>!*

Председатель вновь выполняет свою организующую функцию:

М*: *Давайте не будем ссориться, я обзвоню все квартиры и спрошу, мнение и желания всех <...> Я спрашивала у старшей в общежитии, они за, но теперь решение за нами.*

Противопоставление позиций некоторых жильцов дома и общежития порождает сарказм (употребление невербальных маркеров и прецедентных высказываний). Проблема находится в порочном круге:

12: *Конечно за 😂 (смеющийся смайлик) Ребята! Запомните! Благими намерениями вымощена дорога в АД!*

ГО* уточняет тему (одно из условий к ведению спора — ясность и постоянство обсуждаемой темы):

А: *А за что они, какой вы ставили вопрос*

М*: *О сносе забора и общей детской площадке*

В чате циклично актуальна стратегия, выраженная в двух тактиках — конвенционального (а) и неконвенционального (б) регулирования, которые сводятся к формальному принципу — (в) и (г). Объяснение как тактический прием не находит реализации. Основные препятствия: упрямство ГО* и опосредованный характер общения в чате:

1: *<...> Зачем спорить, опросник и все (а)*

12: *Пытаемся объяснить человеку, чтобы не был в обиде на нас) (б)*

1: *Бесполезно! Он всегда против течения! Только нервы тратить и время на переписку (в).*

12: *И то верно (г).*

Контраргумент ГО* приводится в сопровождении с тактикой визуализации для создания нелицеприятной картинки (б); предварительно дается формулировка (а); фрагмент завершается риторическим вопросом (в):

А: *Жалкое зрелище (а), когда приходит мама с ребенком, достает занятиями руками из огромной связки необходимый ключ, открывает площадку и заводит ребенка, затем еще начнет закрываться, потому что другие дети могут зайти. При выходе все повторяется (б). Вы так хотите (в)?*

Председатель непреклонно выполняет свою функцию:

М*: *<...> давайте учитывать мнение всех и кто согласен платить, а кто нет, т.к. у нас не все обеспеченные люди.*

Противостояние ГО* выражается в дальнейшем проявлении эгоцентризма (коммуникативный конфликтоген) (1) с обоснованием — логически релевантная дискурсивная формула (2):

А: *Желательно мне провести опрос (1). Потому что правильно заданный вопрос ведет к правильному ответу (2).*

Этап кульминации: исходная тема детской площадки превращается в тему вокруг забора. Расхождение во мнениях основано на разных интерпретациях:

П* — «за» забор, исходя из материальных соображений: *Давайте оставим забор. Зачем лишние затраты, снос и вывоз тоже стоят прилично. Лучшие эти деньги в благоустройство пустить.*

ГО* — «против» забора, исходя из моральных и политических соображений, при этом выразит агрессивность и превосходство (конфликтогены): *От кого вы замыкаетесь, люди? Когда это вы возомнили из себя особенных? Вас антинародное государство разделяет по всем направлениям. Очнитесь.*

Высокая степень эмоциональности в споре не позволяет противникам увидеть точки согласия («против» замка). Конец спора оставляет ощущение логического противоречия:

kris gr: *<...> Вроде, речь шла о том, чтобы для детей сделать норм условия. В итоге хотят замок и мангал. <...>*

В последний день (16.08.21) подключаются новые Участники (13–15) с односложными репликами «против», а в одной из них предлагается обсудить новую тему («давайте лучше подключим наконец илагбаум»).

Результаты и дискуссия

Развитие событий характеризует в целом небрежное отношение к исходной теме. Символично, что в конце спора участвуют П*, ГО*, Положительный герой:

kris gr: *Да, с соседями, определено, «повезло». Удалюсь из группы, больше ни в переписках, ни в сборах участвовать не буду. Живите, как хотите.*

kris gr покинул(-а) группу (неправильный «выход из спора». — Н. Ф.).

А: *Какая-то kris гр. подняла никому не нужную волну, да еще и обиделась, что ее не поддержали. Непонятно что за kris гр., непонятно есть ли у нее дети, непонятно из какой квартиры. Я проголосовал «против» только поэтому (1). А если бы она лично встретила меня и поговорила, может быть и убедила, а я может быть ее (2). Уважаемые соседи, давайте общаться в реале, а не виртуально (3).*

8: *Была дискуссия, но к конечному итогу так и не пришли.*

Участник 8, подводя итог, характеризует спор как дискуссию (позитивная установка выражена коммуникативной и речевой компетенцией). Однако спор не удовлетворяет определению дискуссии. В нем разногласие доминировало над согласием, а эмоции — над логикой.

Характер завершения обсуждения вопроса П* становится конфликтогенным: последняя реплика репрезентирует языковую личность как некомпетентную в решении ею же выдвинутой проблемы. Подобное коммуникативное и речевое поведение указывает на несоответствие стратегической задачи и примененных тактик. Задорная инициативная реплика П* диссонирует с завершающей частью — провальным выходом из спора. Карикатурной выглядит тактика самопрезентации. Негативным потенциалом обладают речевые жанры — инвективы, хвастовство.

При позитивной установке ГО* («за» духовные ценности — единство, согласие) по причине конфликтогенности его дискурса (объективный фактор — незнание личности П*; субъективные факторы — агрессивность, эгоцентризм, самолюбование, инвективы — неопределенные прилагательные и наречия), он не находит поддержки. В завершающей речи ГО* — альтернативное обоснование собственной позиции: реальное (1) и виртуальное (2). Последняя реплика служит дополнительным аргументом к провальной опосредованной коммуникации, которая создает дополнительные препятствия к пониманию и решению конкретных вопросов.

Выдвинутая тема спровоцировала конфликт/спор, общие требования к которому не были соблюдены в полной мере: время от времени спор продолжался без особой необходимости в результате игнорирования очевидных фактов; тема постепенно растворилась; предмет терял ясность; к основной теме добавлялись сопутствующие темы, создающие препятствия; общность исходных позиций отсутствовала по причине незнания вещей; выяснение истины и добра (концепты духовных ценностей) противопоставлены материальным ценностям, а выдвижение духовных ценностей не находит соответствующих тактик для поддержки; гибкость присуща не всем участникам; признание ошибок выражалось в объяснении объективного фактора в последнем фрагменте — сожаление относительно неэффективности формы виртуальной коммуникации.

Заключение

Интегративные исследования в гуманитарной области должны включать максимальное число направлений. Интегративная модель неконфликтного/неконфликтного эффективного чатового взаимодействия, полученная проективным методом, содержит следующие взаимообуславливающие дискурсивные параметры:

участники, социальный статус которых должен соответствовать их ролям (существенна роль модератора);

согласованность стратегий и тактик с целью, основным понятием и темой обсуждения;

постоянство и ясность темы;

единство хронотопа (общение в режиме «здесь и сейчас» с максимальным преодолением препятствий дистантности в общении);

приоритет духовных ценностей в целях выяснения истины и добра;

кооперативная (позитивная/нейтральная) установка на собеседника;

умение слушать и понимать собеседника — разговор на равных;

коллективное преодоление неблагоприятного стечения обстоятельств;

обоснованность позиций, логичность, преодоление эмоциональности;

проявление гибкости в общении;

преодоление тупиковости, порочного круга в обсуждении;

кооперативные речевые жанры и речевые формулы (одобрение, добрый совет, достойное предложение, комплимент);

элиминирование иронии (лексической и синтаксической);

выбор корректных паравербальных маркеров (смайлов и пиктограмм, выражающих эмоции).

Предлагаемая нами интегративная модель эффективного взаимодействия может быть применена к анализу любых форм, видов прямой/опосредованной коммуникации с соответствующей конкретизацией (добавлением/элиминированием) параметров. Она будет полезна для личного и коллективного тренинга в целях коррекции и систематизации коммуникативных, аргументативных, речевых навыков.

Список источников

1. Формановская, Н. И. (2014). Речевое общение и коммуникативное взаимодействие. *Русская речь*, 4, 55–58.

2. Карасик, В. И. (2000). О типах дискурса. В. И. Карасик, & Г. Г. Слышкин (ред.). *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс*. Перемена, 5–20.

3. Языковой анализ медиатекста: монография. (2018). [Авт.: Е. Г. Борисова, С. А. Дондо, А. Я. Есаян; под общ. ред. Е. Г. Борисовой]. МГПУ.

4. Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., Borbotko, L. A. (2016). Identity as an Element of Human and Language Universe: Axiological

Aspect. *International Journal of Environmental and Science Education (IJESE)*, 11 (17), 10413–10422.

5. Кравченко, А. В. (2016). О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека. *Экология языка и коммуникативная практика*, 1, 354–370.

6. Акаев, В. Х., Исмаилова, Л. М. (2021). Современная цивилизация: от достижения новых технологий к кризису гуманизма. *Научный альманах стран Причерноморья*, 17 (2), 3–7.

7. Василькова, В. В. (2008). Эволюция исследовательских парадигм в теории коммуникации. *Коммуникативные практики в современном обществе*. Скифия-принт, 11–20.

8. Umarova, Z. Ya., Khasaeva, T. M., Tagirova, R. A., Generdukaeva, Z. Sh. (2019). From tolerant Consciousness to World Cognition. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Grozny, 2018*. Published by the Future Academy, 645–652.

9. Шаховский, В. И. (2020). Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3, 34–52.

10. Lemke, J. L. (2003). Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. London: Palgrave Macmillan, 130–149.

11. Mubarak, A. (2016). *Usage of Whatsapp as a Social Media Platform among Undergraduates in Kwara State*. <http://www.researchgate.net>

12. Иссерс, О. С. (2011). Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность. *Вестник Омского университета*, 4, 227–232.

13. Федорова, О. В. (2014). Психоллингвистика vs. Когнитивная лингвистика на карте современной когнитивной науки. *Социо- и психоллингвистические исследования*, 2, 7–20.

14. Белоус, Н. А. (2008). *Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Краснодар].

15. Gilbert, M. A. (1997). *Coalescent Argumentation*. Mahwah, New Jersey.

16. Баранов, А. Н. (1990). *Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход)* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19. Москва].

17. Ивин, А. А. (2009). *Современная логика*. Век 2.

18. Егидес, А. П. (1999). *Психотехника синтонного общения*. https://bookscafe.net/book/egides_arkadiy-psihotekhnika_sintonnogo_obscheniya-159499.html

19. Нигматзянова, А. А. (2016). Конфликтогенность в современном российском обществе. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 1 (63), 113–115.

20. Кардашина, С. В., Шаньгина, Н. В. (2015). История становления понятия «конфликт», стратегии и стили поведения в конфликтной ситуации. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 1, 199–205.

21. Рягузова, Е. В. (2017). Социокультурные коды и психологические границы соседства. *Известия Саратовского университета. Философия. Психология. Педагогика*, 1 (17), 89–94.

22. Крамкова, О. В. (2011). Языковые и прагматические факторы конфликтогенности. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 6–2, 332–335.
23. *Конфликт в языке и коммуникации*: сб. ст. (сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова). (2011). РРГУ: Институт лингвистики.

References

1. Formanovskaya, N. I. (2014). Rechevoe obshhenie i kommunikativnoe vzaimodejstvie. *Russkaya rech`*, 4, 55–58. (In Russ.).
2. Karasik, V. I. (2000). O tipax diskursa. V. I. Karasik & G. G. Sly`shkin (red.). *Yazy`kovaya lichnost` : institucional`ny`j i personal`ny`j diskurs*. Peremena, 5–20. (In Russ.).
3. *Yazy`kovoj analiz mediatikesta: monografiya*. (2018). [Avt.: E. G. Borisova, S. A. Dondo, A. Ya. Esayan; pod obshh. red. E. G. Borisovoj]. MGPU. (In Russ.).
4. Zheltukhina, M. R., Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A., Borbotko, L. A. (2016). Identity as an Element of Human and Language Universe: Axiological Aspect. *International Journal of Environmental and Science Education (IJESE)*, 11 (17), 10413–10422.
5. Kravchenko, A. V. (2016). O vrede strukturalizma dlya zdorov`ya obshhestva: yazyk` kak e`kologicheskaya nisha cheloveka. *E`kologiya yazy`ka i kommunikativnaya praktika*, 1, 354–370. (In Russ.).
6. Akaev, V. X., Ismailova, L. M. (2021). Sovremennaya civilizaciya: ot dostizheniya novy`x tehnologij k krizisu gumanizma. *Nauchny`j al`manax stran Prichernomor`ya*. 2(17), 3–7. (In Russ.).
7. Vasil`kova, V. V. (2008). E`volyuciya issledovatel`skix paradigm v teorii kommunikacii. *Kommunikativny`e praktiki v sovremennom obshhestve*. Skifiya-print, 11–20. (In Russ.).
8. Umarova, Z. Ya., Khasaeva, T. M., Tagirova, R. A., Generdukaeva, Z. Sh. (2019). From tolerant Consciousness to World Cognition. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EPSBS. Conference: SCTCGM 2018 – Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism. Grozny, 2018*. Published by the Future Academy, 645–652.
9. Shaxovskij, V. I. (2020). Sovpadenie smy`slovy`x pazlov kak uslovie e`ffektivnosti sovremennoj kommunikacii. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 3, 34–52. (In Russ.).
10. Lemke, J. L. (2003). Texts and Discourses in the Technologies of Social Organization. *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. London: Palgrave Macmillan, 130–149.
11. Mubarak, A. (2016). *Usage of Whatsapp as a Social Media Platform among Undergraduates in Kwara State*. <http://www.researchgate.net>
12. Issers, O. S. (2011). Diskursivnaya praktika kak nablyudaemaya real`nost`. *Vestnik Omskogo universiteta*, 4, 227–232.
13. Fedorova, O. V. (2014). Psixolingvistika vs. Kognitivnaya lingvistika na karte sovremennoj kognitivnoj nauki. *Socio- i psixolingvisticheskie issledovaniya*, 2, 7–20. (In Russ.).
14. Belous, N. A. (2008). *Konfliktny`j diskurs v kommunikativnom prostranstve: semanticheskie i pragmaticheskie aspekty`* [Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.19. Krasnodar]. (In Russ.).
15. Gilbert, M. A. (1997). *Coalescent Argumentation*. Mahwah, New Jersey.

16. Baranov, A. N. (1990). *Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivnyj podxod)* [Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01; 10.02.19. Moskva]. (In Russ.).
17. Ivin, A. A. (2009). *Sovremennaya logika. Vek 2* (In Russ.).
18. Egides, A. P. (1999). *Psixotexnika sintonnogo obshheniya*. https://bookscafe.net/book/egides_arkadiy-psihotexnika_sintonnogo_obscheniya-159499.html. (In Russ.).
19. Nigmatzyanova, A. A. (2016). Konfliktogennost' v sovremennom rossijskom obshhestve. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 1(63), 113–115. (In Russ.).
20. Kardashina, S. V., Shan'gina, N. V. (2015). Istoriya stanovleniya ponyatiya «konflikt», strategii i stili povedeniya v konfliktnoj situacii. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1, 199–205. (In Russ.).
21. Ryaguzova, E. V. (2017). Sociokul'turny'e kody' i psixologicheskie granicy' sosedstva. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Pedagogika*, 1 (17), 89–94. (In Russ.).
22. Kramkova, O. V. (2011). Yazy'kovy'e i pragmaticheskie faktory' konfliktogennosti. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 6–2, 332–335. (In Russ.).
23. *Konflikt v yazy'ke i kommunikacii: sb. st. (sost. i otv. red. L. L. Fedorova)*. (2011). RRGU: Institut lingvistiki. (In Russ.).

Информация об авторе

Нелли Юрьевна Фанян — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета.

Information about the author

Nelly Yu. Fanyan — Doctor of Science (Philology), professor, full professor of the French philology Department, Kuban State University.

Научная статья

УДК 81'373.612.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

**ОБЩИЕ КОНЦЕПЦИИ МЕТАФОРЫ
И МЕТАФОРА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**Курдюмов Владимир Анатольевич¹,Семенова Любовь Александровна²^{1,2} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия¹ vkplans@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1810-4508>,² SemenovaLA@mgpu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса метафоризации. Рассматриваются основные концепции метафоры на материале европейских и китайского языков. Демонстрируются особенности метафоризации в китайском языке в рамках представлений об уровнях языка предикационной концепции, наличие/отсутствие банальной метафоры рассматривается как одна из составляющих типологического облика языка.

Ключевые слова: метафора, предикационная концепция языка, топик, комментариев, банальная метафора.

Для цитирования: Курдюмов, В. А., Семенова, Л. А. (2022). Общие концепции метафоры и метафора в китайском языке. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 90–98. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

Original article

UDC 81'373.612.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

**BASIC CONCEPTS OF METAPHOR
AND METAPHOR IN CHINESE**Vladimir A. Kurdyumov¹,Liubov A. Semenova²^{1,2} Moscow City University,
Moscow, Russia¹ vkplans@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1810-4508>,² SemenovaLA@mgpu.ru

Abstract. The paper presents the analysis of the metaphorization process. The study considers process of studying this issue and the basic concepts of metaphor based on the material of European and Chinese languages. The features of metaphorization in the Chinese language

in the framework of the language levels theory are demonstrated, as well as the reasons for the absence of a banal (erased) metaphor from the standpoint of the predicational conception of language.

Keywords: metaphor, predicational conception of language, topic, commentary, banal metaphor.

For citation: Kurdyumov, V. A., Semenova, L. A. (2022). Basic concepts of metaphor and metaphor in Chinese. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 90–98 . DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.07

Постановка проблемы

Несмотря на популярность темы в современных исследованиях мы вынуждены отметить, что большинство из них базируется на представлениях, связанных с флективными европейскими языками, даже если анализируется китайский языковой материал. Специфика типологии китайского языка не принимается во внимание, акценты зачастую расставляются так же, как это делается применительно к русскому, английскому и другим языкам. В основном цитируется известный труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], но именно те положения, которые могли бы использоваться для анализа изолирующих топиковых языков, остаются незамеченными, это касается и диссертаций, создаваемых в России аспирантами — носителями китайского [2; 3], которые, как правило, являются русистами и пребывают в рамках стереотипов достаточно специфичной отрасли языкознания, где в центре находится русский язык. Русский, английский и другие индоевропейские языки являются флективными с разной степенью аналитизации, а также (в литературной форме) языками с выдвижением подлежащего [4], в то время как китайский и подобные языки Юго-Восточной Азии изолирующие, с выдвижением топика. С нашей точки зрения, степень выраженности метафоры в разных стилях того или иного языка является одной из составляющих типологического облика языка.

Когда Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают, что мы не замечаем метафор в повседневной речи, оттого ошибочно полагаем, что в обычной жизни прекрасно обходимся без них [1], то речь идет лишь об одном, но очень важном типе метафор, уместность/неуместность которого и формирует типологическую составляющую. Метафоризацию китайского языка обычно принято рассматривать с позиции когнитивной лингвистики.

Методология исследования

В качестве методологической основы исследования использованы положения предикационной концепции языка (интерпретация понятий топика и комментария применительно к китайскому языку в рамках структурно-динамического подхода). В исследовании были использованы историко-генетический

и историко-сравнительный методы для анализа научной литературы, раскрытия основных принципов метафоризации языка и этапов изучения метафоры.

Результаты исследования

Понятие метафоры известно со времен Античности: Аристотель, который выделял метафору как элемент поэтики, предложил свою классификацию метафор и их толкование: «метафора есть перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [5, с. 109]. Последний тип выделяется среди прочих и самим Аристотелем, а в риторике и вовсе признается единственным вариантом метафоры, в то время как остальные принято называть семантическим стяжением, метонимией или синекдохой (то есть, они являются самостоятельными тропами, хотя с точки зрения лингвистики их тоже можно отнести к метафоре). Метафора является естественной для языка: если сходство между предметами уловить легко, метафора органично вписывается в язык, в противном случае язык ее не принимает. То же самое можно найти в высказываниях других античных авторов: хорошая метафора утверждается в языке, заменяя буквальное обозначение.

В период Античности были заложены основы теории метафоры: философы давали описание, классификации, выделяли отличия от других средств речевой выразительности. В то же время метафора, несмотря на зачастую четко очерченные границы, легко перетекала в другие тропы, и полученные толкования в дальнейшем вызывали бурные дискуссии. Стоит также отметить, что лишь спустя столетия метафору перестали рассматривать как исключительно поэтический прием.

В XX в. появляются новые подходы к изучению метафоры, о ней говорят как о неотъемлемой принадлежности языка, которая необходима для коммуникативных, номинативных и познавательных целей [6]. Метафору начинают рассматривать не только как украшение речи, но и как мыслительный механизм. Также возникает противопоставление поэтической (авторской) метафоры и языковой (лингвистической, общеупотребительной и пр.). Впервые эту мысль высказал Ш. Балли, он же был одним из первооткрывателей всеобщей метафоричности языка [7]. В американской когнитивистике данная идея была реализована в трудах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1], которые отмечали, что для большинства людей метафора по-прежнему представляется поэтическим «инструментом риторических излишеств», а не частью повседневного языка, в то время как метафоры встречаются в нашей речи намного чаще, чем принято думать. В своей книге они ввели термин когнитивной или концептуальной метафоры, под которой понимались объединения доноров и реципиентов метафоры: любовь — это путешествие, время — движущийся объект и т. д. Дж. Лакофф и М. Джонсон [1] также упоминали изолированные метафоры,

которые не входят в сформированные объединения и в то же время не являются поэтическими метафорами (кочан (голова) капусты, подножие гор). Именно они прочно укоренились в языке и совершенно не воспринимаются как украшение речи. В русскоязычной литературе такую метафору обычно называют стертой.

На развитие учения о метафоре также оказала влияние дискурсивная лингвистика. Пытаясь обнаружить систему в организации единиц языка в тексте, лингвисты подняли метафору на более высокий уровень языка. П. Рикер [8], один из тех, кому удалось развенчать миф о том, что метафорой является исключительно слово, определил следующее направление исследований: метафоры языка – метафоры дискурса – герменевтика метафорического текста. П. Рикер утверждал, что метафора рождается не только из отдельных слов, но и из фраз, точнее, из конфликта, который рождается благодаря соединению слов в фразе («Время — это нищий», Шекспир), поэтому необходимо обращаться к единицам более высокого уровня — к дискурсам [9; 10]. По причине контекстуальности метафоры дискурс ее поясняет, и эту связь сложно разорвать, в то же время практически всегда можно восстановить исходное содержание, путь, который был проделан, чтобы метафору создать.

В России в основе исследований лежит языковая метафора, которая является отдельным проявлением когнитивной метафоры. Она стихийна и закономерна, является естественным продуктом языка. Ей мы обязаны метафоричностью повседневной речи (кричащие цвета, безвкусная одежда). Это своего рода клише, которое мы воспроизводим, не задумываясь, которое не нужно каждый раз выстраивать. Отношения между двумя типами метафоры, языковой и поэтической, до сих пор вызывают вопросы в научных кругах, их противопоставляют и рассматривают в единстве. В любом случае их специфика признается, они имеют различия на семантическом, коммуникативном, логическом и гносеологическом уровнях [7]. Основными направлениями изучения языковой метафоры можно считать следующие: номинативно-предметное, формально-логическое, психологическое и лингвистическое.

Формальные определения метафоры в большинстве остаются описательными либо иносказательными. Принято выделять исходную область (лексема или фраза), откуда мы извлекаем метафору, и целевую область — область применения метафоры, также известных как донор и реципиент. Даже эти термины описательны и метафоричны. В самом простом понимании между ними находится промежуточное понятие, общее для обоих, однако большинство исследователей сходятся в том, что подобное трехчленное объяснение связи исходной и целевой областей не отражает реального положения дел. Метафору следует трактовать как замещение ситуации с денотатом А ситуацией с денотатом Б по каким-то дискурсивным или контекстуальным признакам. Цель подобного замещения заключается в обходе сигнификации, поскольку денотат Б по какому-то признаку является именно тем, к которому должен бы

прийти размышляющий (и адресант, и адресат; адресант предлагает эту «загадку» адресату), по этапам (вос-)создавая текст-сигнификат. Метафора способствует более краткой передаче данных от адресанта к адресату, минуя долгие описания. Связь между денотатами прослеживается на интуитивном уровне. Метафора помогает лучше понять абстрактные понятия, приближая их к материальным объектам. «Перепрыгнуть» значительный участок порождения-восприятия и перенестись (мыслящему) читателю от образа частного к образу сущностному. Следовательно, метафора не просто «замещение одного понятия или предмета средствами другого» (таких определений много, то же формально можно сказать и о знаке), а элемент/средство — фильтрации/концентрации бытия, ухода от обыденного языка к экзистенции, сущностности. Если условно разделить функцию языка на три ступени (регулятивная – когнитивная – экзистенциальная) [9], то метафора становится универсальным и мгновенным, моментальным, не извилистым средством прорыва от обыденной регуляции к познанию и выше, при этом опирающимся на визуализацию и денотативность. Другими словами, мы можем сравнивать и долго, логично объяснять, подходя к объяснению явления, а можем предложить метафору, отменяющую избыточную потребность в длительных спекуляциях. Возвращаясь к терминам о компонентах метафоры, доноре и реципиенте, нетрудно заметить, что уже по метафоричным пояснениям можно понять, о чем идет речь. Их использование намного сокращает время объяснения, однако представляет собой подобие загадки. Таким образом, исходные области обычно представляют собой предметы и понятия, более близкие и понятные адресанту и адресату, а целевые области — это идеи, нематериальные и абстрактные понятия, которые требуют объяснения или уточнения.

Изучение метафоры в китайском языке имеет долгую историю, однако основное внимание уделялось именно поэтической, авторской метафоре. Еще в предисловии к «Книге песен» были выделены три языковых средства: 賦 фу, 比 би и 興 син, понимание которых менялось с течением времени. Из них наиболее близким аналогом метафоры можно назвать син, аллегорический зачин, который в иносказательной форме поясняет, о чем пойдет речь в песне. В стилистике метафора считалась частью сравнения 比喻, где выделялись 隐喻 иньюй и 借喻 цзеюй. Иньюй можно определить по ряду маркеров, таких как 是 (быть, являться), 就是, 成, 等於 и другие: 我說藍臉就是一頭驢 (莫言. 生死疲勞). — *Говорю же, Лань Лянь — это упрямый осел* (перевод мой. — Л. С.). Цзеюй не имеет формальных признаков, по которым ее можно вычленить в тексте: 我熱淚盈眶, 但眼淚很快被無名的怒火燒乾 (莫言. 生死疲勞). — *В глазах стояли слезы, но под непонятно откуда взявшимся пламенем гнева мгновенно высохали* (перевод И. Егорова).

После публикации книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона в Китае стали появляться первые труды по когнитивной метафоре. В науке, как и во многих других сферах, китайцы придерживаются принципа 他山之石可以攻玉

камень с другой горы, который можно использовать для полировки яшмы. Эту поговорку можно трактовать как «заимствовать лучшее извне для развития национальной науки». Когнитивное направление в изучении метафоры китайцы признали наиболее перспективным, поэтому количество трудов, посвященных данной проблеме, растет с каждым годом. Предложены классификации типов метафор и в рамках когнитивной лингвистики описана ее роль в концептуализации мира. При этом на материале китайского языка исследовалась метафоризация преимущественно политического и экономического дискурса. Далее метафора в китайском языке рассматривается с позиции предикационной концепции языка.

Согласно синтаксической классификации [4; 11], китайский язык относится к языкам с выдвиганием топики, а в русском языке ярко выражено подлежащее. Это подразумевает, что типичный носитель языка в типичной ситуации выберет именно данную структуру.

Европейские, отечественные и китайские исследователи часто ссылались на подлежащее и сказуемое, между которыми обязательны отношения согласования и тесная семантическая спаянность, в то время как высказывание с выраженной топиковой структурой требует четкой границы между топиком (то, о чем говорится) и комментарием (что говорится), и эти части между собой не согласованы [12].

六樓 | 到了。Шестой этаж | достигли.

中國 | 我還沒去過。(В) Китай | я еще не ездил.

Для предложений с выдвиганием подлежащего подобная структура возможна при спонтанной или экспрессивной речи, когда носители используют так называемую инверсию или даже полностью игнорируют морфологическое согласование частей предложения. Однако типичное предложение в таких языках обычно имитирует деятеля и действие (*Дождь идет. Книга лежит. Чашка стоит*), что соответствует «лингвистической» метафоре у Лакоффа и Джонсона, которую мы предпочитаем именовать «банальной», т. е. не маркируемой носителями языка, повседневной и обыденной. Такие лексические единицы (в нашем случае в основном глаголы) иногда называют «пустыми» или «служебными», хотя «пустота» проявляется лишь в контексте при словарной однозначности таких единиц. Это относится к следующим предложениям, где предмет уподобляется живому существу: *За окном стоит хорошая погода. Телефон лежит в сумке. Книга находится на столе.* При переводе на китайский (外面天氣不錯; 手機在包里。書在桌子上。) «действие», естественно, исключается. Подобная «одушевленность» представляет собой типичную сложность при изучении русского языка носителями китайского, где ни от чего по максимуму не может исходить действия, включая высказывания типа «Чашка упала» или «Чашка разбилась» (茶碗掉下去: формально, структура соответствует русской фразе, однако для китайца это не действие, а описание того, в какой ситуации или в каком состоянии чашка

находится). К примеру, если мы переводим на китайский русское предложение *Время бежит быстро*, то эквивалент 時間過得很快 носители русского языка, изучающие китайский, обычно ошибочно считают равнозначным, в то время как в этой фразе не «от времени исходит действие», а со временем «происходит нечто», время не является ни актором, ни субъектом, части предложения (а это «слабый» уровень в китайском языке) разделены [13]. Такого рода разница между структурой русского и китайского предложения, наличие и отсутствие «пустого» глагола представляют сложность не только для носителей китайского языка, изучающих русский как иностранный, но и для русскоязычных студентов, изучающих китайский. Носители русского языка настолько привыкли к банальной метафоре в родном языке, что иногда непроизвольно переносят знакомые конструкции на иностранный язык, забывая, что при переводе эквивалентность нижнего уровня (в данном случае лексического) может игнорироваться в пользу следующих уровней (синтаксического и прагматического) [14].

Банальная метафора абсолютно не характерна для повседневной китайской речи, на уровне синтаксиса вне художественной речи (где она естественна) ее нет. Метафоричность китайского языка более проявляется на уровне лексем, которые строятся не по принципам «европейского» словообразования, а на основе микросинтаксиса: копирования синтаксических моделей (что входит в программу наших исследований). Таким образом, топиговая синтаксическая типология определяет характер и пропорции выраженности метафоры в китайском языке, что является одним из частных типологических признаков.

Список источников

1. Лакофф, Дж. (2004). *Метафоры, которыми мы живем* (под ред. и с предисл. А. Н. Баранова; пер. с англ.). Едиториал УРСС.
2. Фэн, Юэ. (2021). *Метафора персонификации в русской и китайской лингвокультурах как отражение национальной специфики языковой картины мира (на материале народных сказок)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. МГЛУ].
3. Чанг, Д. Ч. (2016). *Метафоризация в художественном тексте (на материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык)* [Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19].
4. Li, Ch. N., Thompson, S. A. (1976). Subject and Topic: A New Typology of Language. Charles N. Li (ed.). *Subject and Topic*. Academic Press, 483–485.
5. Аристотель. (1956). *Об искусстве поэзии* (под ред. Ф. А. Петровского; пер. с древнегреч. В. Г. Аппельрод). Гослитиздат.
6. Арутюнова, Н. Д. (1990). Метафора и дискурс. *Теория метафоры* (под ред. М. А. Журиной). Прогресс, 5–32.
7. Скляревская, Г. Н. (1993). *Метафора в системе языка*. Наука.
8. Рикер, П. (1995). *Герменевтика. Этика. Политика*. КАМІ.
9. Курдюмов, В. А. (1999). *Идея и форма. Основы предикационной концепции языка*. Воен. ун-т.

10. Гнилорыбов, С. А. (2005). *Структурные детерминанты и категории дискурса в свете представлений о динамической природе языка (на материале системы документов ООН)* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук].
11. Chao, Y. R. (1968). *A Grammar of Spoken Chinese*. Univ. of California Press.
12. Коцик, К. Э. (2016). Европейская система понятий и реалии китайского языка. *Язык и культура (Новосибирск)*, 25, 143–148.
13. Курдюмов, В. А. (2016). Иерархия языковых уровней как ценность для русского и китайского языкового сознания и типологических исследований. *Гуманитарные ценности в славянских языках и культурах: сб. науч. тр. (под ред. О. Н. Лагута, А. В. Савченко)*. Тайбэй, 265–281.
14. Сулейманова, О. А., Беклемешева, Н. Н., Карданова, К. С. и др. (2012). *Грамматические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. учреждений высшего профессионального образования*. 2-е изд., испр. Академия.

References

1. Lakoff, Dzh. (2004). *Metaforý, kotory`mi my` zhivem* (A. N. Baranova (Ed.); per. s angl.). Editorial URSS. (In Russ.).
2. Fen, Yue. (2021). *Metafora personifikacii v russkoj i kitajskoj lingvokul`turax kak otrazhenie nacional`noj specifiki yazy`kovoju kartiny` mira (na materiale narodny`x skazok)*. [Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. MGLU]. (In Russ.).
3. Chang, D. Ch. (2016). *Metaforizacija v xudozhestvennom tekste (na materiale proizvedenij M. Bulgakova i ix perevodov na kitajskij yazy`k)* [Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19]. (In Russ.).
4. Li, Ch. N., Thompson, S. A. (1976). *Subject and Topic: A New Typology of Language*. Charles N. Li (Ed.). Academic Press, 483–485.
5. Aristotel. (1956). *Ob iskusstve poe`zii* (pod red. F. A. Petrovskij; per. s drevnegrech. V. G. Appel`rod). Goslitizdat. (In Russ.).
6. Arutyunova, N. D. (1990). *Metafora i diskurs. Teoriya metaforý`*. M. A. Zhurinskaja (Ed.). Progress, 5–32. (In Russ.).
7. Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme yazy`ka*. Nauka. (In Russ.).
8. Rikyor, P. (1995). *Germenevtika. E`tika. Politika*. KAMI. (In Russ.).
9. Kurdyumov, V. A. (1999). *Ideya i forma. Osnovy` predikacionnoj koncepcii yazy`ka*. Voen. un-t. (In Russ.).
10. Gnilorybov, S. A. (2005). *Strukturny`e determinanty` i kategorii diskursa v svete predstavlenij o dinamičeskoj prirode yazy`ka (na materiale sistemy` dokumentov ООН)* [Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk]. (In Russ.).
11. Chao, Y. R. (1968). *A Grammar of Spoken Chinese*. Univ. of California Press.
12. Kocik, K. E. (2016). Evropejskaja sistema ponyatij i realii kitajskogo yazy`ka. *Yazy`k i kul`tura (Novosibirsk)*, 25, 143–148. (In Russ.).
13. Kurdyumov, V. A. (2016). Ierarxiya yazy`kovy`x urovnej kak cennost` dlya russkogo i kitajskogo yazy`kovogo soznaniya i tipologičeskix issledovanij. *Gumanitarny`e cennosti v slavyanskix yazy`kax i kul`turax: sb. nauch. tr.* In O. N. Laguta, A. V. Savchenko (Eds.). Tajbe`j, 265–281. (In Russ.).
14. Sulejmanova, O. A., Beklemesheva, N. N., Kardanova, K. S. i dr. (2012). *Grammaticheskie aspekty` perevoda: ucheb. posobie dlya stud. uchrezhdenij vy`sshego professional`nogo obrazovaniya*. 2-е изд., испр. Академия. (In Russ.).

Информация об авторах

Владимир Анатольевич Курдюмов — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Любовь Александровна Семенова — аспирант кафедры китайского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Vladimir A. Kurdyumov — Doctor of Philology, Full Professor, Professor, Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Lubov A. Semenova — postgraduate of Chinese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Вклад авторов:

Владимир Анатольевич Курдюмов — научное руководство; концепция исследования; доработка текста; разъяснение отдельных тезисов, фундаментальных положений, итоговые выводы.

Любовь Александровна Семенова — написание исходного текста; итоговые выводы; оформление текста.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

Vladimir A. Kurdyumov — scientific management; research concept; follow-on revision of the text; interpretation of special terms, fundamental theses; final conclusions.

Lubov A. Semenova — writing the draft; final conclusions; text formatting.

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.133.1-316.772.4

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.08

**КАК РУССКОМУ ПОНЯТЬ ФРАНЦУЗА И ЯПОНЦА,
ИЛИ УСЛОВИЯ УСПЕШНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ОБЩЕНИЯ****Погодаева Светлана Александровна**

Кубанский государственный университет,

Краснодар, Россия

sapogodaeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сложностям общения между представителями высококонтекстных культур. Рассматриваются аутентичные ситуации коммуникативного поведения французских, японских и русских туристов. Выявляются условия для успешной межкультурной коммуникации, способствующие формированию так называемого культурного интеллекта.

Ключевые слова: высококонтекстные культуры, коммуникативное поведение, культурный интеллект, парижский синдром, успешность межкультурной коммуникации.

Для цитирования: Погодаева, С. А. (2022). Как русскому понять француза и японца, или Условия успешности межкультурного общения. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 99–108. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.08

Original article

UDC 811.133.1-316.772.4

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.08

**HOW CAN A RUSSIAN UNDERSTAND A FRENCHMAN
AND A JAPANESE, OR CONDITIONS OF SUCCESSFUL
INTERCULTURAL COMMUNICATION****Svetlana A. Pogodaeva**

Kuban State University,

Krasnodar, Russia

sapogodaeva@mail.ru

Abstract. The article regards the difficulties of communication between representatives of high-context cultures. There are authentic situations of communicative behavior of French, Japanese and Russian tourists considered. The conditions for successful intercultural communication, contributing to the formation of the so-called cultural intelligence, are identified.

Keywords: high-context cultures, communicative behavior, cultural intelligence, Paris syndrome, the success of intercultural communication.

For citation: Pogodaeva, S. A. (2022). How can a Russian understand a Frenchman and a Japanese, or Conditions of successful intercultural communication. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 99–108. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.08

Наиболее распространенное заблуждение наших дней звучит так: «Учи иностранные языки, и тебя поймут иностранцы». Умение изъясняться на иностранном языке очень значимо, но не всегда есть залог успешного общения в современном мире, принявшем идеи мульти- и поликультурализма [1, с. 175].

По мнению О. А. Леонтович, использование общих кодов (вербальных или невербальных) — одно из более чем десятка условий успешной межкультурной коммуникации [2, с. 341]. Российский ученый выделяет следующие приемы, направленные на оптимизацию процесса межкультурного общения: высокая степень эксплицитности, избыточность передаваемой информации, многоканальность и наличие обратной связи [2, с. 341–342]. С этим нельзя не согласиться, но с оговоркой, что высокая степень эксплицитности присуща в большей мере низкоконтекстным культурам, к которым относят, согласно теории высоко- и низкоконтекстных культур Э. Холла, культуры Германии, Швейцарии, США, Скандинавских стран. К странам же с высоким контекстом культуры относят Францию, Испанию, Италию, Японию, Россию [3, с. 69–71].

Выдвинем гипотезу о том, что особую сложность представляет собой общение между представителями разных высококонтекстных культур. Так как межкультурная коммуникация как отрасль научных знаний является дисциплиной прикладного характера, рассмотрим этот вопрос с помощью кейс-метода (от *англ.* case study), подразумевающего рассмотрение отдельных ситуаций, в нашем случае — аутентичных ситуаций межкультурного общения французов, японцев и русских в сфере туризма. Изучением фактов реального общения, описанием коммуникативных действий призвана заниматься, по мнению И. А. Стернина, «синтетическая филологическая и социально-антропологическая наука будущего», под емким названием «коммуникативное поведение», или «активное страноведение», знания в области которой необходимы для активной [4, с. 7], или, как мы понимаем, действенной коммуникации.

Рассмотренные нами ниже примеры представлены на сайтах туристической направленности в виде отзывов путешественников, или тревел-блогов, воспоминаний туристов и советов туристам. «В условиях современного информационного общества, характеризующегося постоянной вовлеченностью человека и общества в целом в аудиовизуальные потоки сетевого и синергического типа коммуникации», меняется коммуникативное пространство, бытие современного человека в значительной степени определяется содержанием СМИ [5, с. 45], чем и обоснован наш выбор сайтов в качестве источников эмпирического материала. Изученные нами электронные сообщения, авторами которых являются обычные люди (а не профессиональные составители гидов,

справочников, туристических проспектов и брошюр, иных рекламно-информационных материалов), особенно полезны для потенциальных туристов в связи с тем, что могут их уберечь от разочарования из-за несоответствия реальной действительности представленному специалистами, занимающимися продвижением туруслуг, исключительно позитивному образу страны или туристической дестинации, с устоявшимися гетеростереотипами, такими как, например: «Французы вежливы, особенно с иностранцами...» [6, с. 131–132], «Склонность к услужливости, вежливость, благожелательность французов, их готовность прийти на помощь сделали эту нацию достойной любви и уважения со стороны других народов» [6, с. 132]. К тому же подчеркивается, что в текстах учебников французского языка для иностранцев тоже рисуют главным образом культурно-привлекательный образ страны изучаемого языка [1, с. 175].

Вместе с тем существует утверждение о том, что ежегодно около 12 японских туристов обращаются за помощью психологов после посещения столицы Франции [7]. Большинство из них полагает, что причиной их психического дискомфорта, получившего название «парижский синдром», является неприветливое поведение местных жителей по отношению к иностранцам. Термин «парижский синдром» (*фр.* Syndrome de Paris) был введен в 1986 г. психиатром Хироаки Ота для обозначения психического расстройства у туристов, в основном японских, посещающих Францию [8]. Синдром Парижа проявляется у впервые посещающих этот город туристов, когда те осознают, что французская столица кардинально отличается от идеализированного города, который они мечтали увидеть, из-за этого наиболее впечатлительные туристы начинают испытывать тревогу, депрессию, сильные приступы раздраженности, головокружение, тахикардию, галлюцинации [9].

Особенно чувствительны японские туристы к использованию французами сниженной лексики. К примеру, японская девушка, услышав в парижском метро восклицание «Oh, putain!» («Черт побери!», дословно: «путана»), решила, что ей в этой стране не рады и поэтому назвали ее девушкой легкого поведения [10]. Многозначность использованного языкового средства и нарушение правил речевого поведения привели в данной ситуации к коммуникативной неудаче, которую трактуют как «полное или частичное непонимание или неприятие высказывания партнером по коммуникации» [11, с. 221].

Неумение правильно интерпретировать язык тела, невербальные знаки в коммуникативных системах разных культур является существенной помехой в межкультурной коммуникации [12, с. 188]. Так, французские школьники, приехавшие в Россию по программе культурного обмена и размещенные для проживания в семьях российских учеников, отметили, что русские мамы редко целуют своих детей, не делают это даже, когда желают им спокойной ночи. Часто используемые во Франции телесные контакты (приветственные поцелуи, рукопожатия, подбадривающие похлопывания) туристами из Японии расцениваются как физическое насилие [10]. При любом проявлении нежности в общественном месте (объятия, поцелуи) японцы испытывают неловкость,

чувство стыда, которое лежит в основе развития японского характера и является механизмом социального контроля [6, с. 185]. Когда-то в Японии публичная демонстрация поцелуев наказывалась штрафом или задержанием [13].

Во время межкультурных контактов сталкиваются разнообразные культурно-специфические взгляды на окружающий мир, происходит «расшатывание монокультурного сознания» [1, с. 170]. Как японские, так и русские туристы, посетившие до пандемии коронавируса Францию, были шокированы отношением французов к гигиене, так как последние не снимали уличную обувь дома, редко мыли руки перед едой, пили воду из-под крана, не всегда мыли овощи и фрукты перед употреблением [14]. Поделившимся выше своими впечатлениями туристам можно было бы избежать шока, если бы они владели, к примеру, информацией о том, что во Франции можно смело пить воду из-под крана: она питьевая [15]. Возвращаясь к вопросу о ношении уличной обуви, отметим, что европеец, получивший приглашение в традиционный ресторан японской кухни, должен знать, что ему, как и всем гостям, придется там разуться [6, с. 193].

Чтобы привлечь в страну больше иностранных туристов, во Франции создаются рекомендации для успешного общения с представителями той или иной культуры, а особенно высококонтекстной, где присутствует много скрытых значений, намеков, фигуральных выражений [12, с. 190]. Так, Патриция Бартелими советует при общении с японскими туристами всегда им улыбаться, быть пунктуальными, например не заставляя их долго ждать в холле гостиницы, вручать им любой, будь то мельчайший предмет обеими руками (в знак вежливости) [10].

Европейских туристов, в свою очередь, изумляет чрезмерная вежливость, точность и самокритичность японских работников сферы обслуживания. Так, один турист получил письмо от администрации гостиницы Palace Hotel Tokyo с извинениями по поводу временных перебоев с интернетом в течение 1 минуты в 4 часа утра в среду, 14 апреля, из-за неполадок с электричеством, которые он, скорее всего, и не заметил [16].

В современном гостиничном бизнесе Франции стараются принимать во внимание этнокультурные особенности туристов. Считается, что представители азиатских культур будут признательны, если в гостиничном номере им предложат предметы для релакса (тапочки, халат, пена для ванны), а скандинавы отдадут предпочтение натуральным гигиеническим продуктам и вещам из перерабатываемых материалов, французы же оценят парфюмированные косметические средства (мыло, молочко для тела, туалетная вода) [17, р. 30].

Французы, приезжающие в Россию, также могли бы заявить о появлении у них нервного расстройства из-за отсутствия учтивости у русских, из-за того, что последние не проявляют никакого желания общаться на улице с незнакомцами. Однако французские путешественники все-таки отмечают, что, когда завязываются дружеские отношения, все меняется: русские поражают французов щедростью и гостеприимством, которые намного превосходят западные

стандарты [18]. Утверждается, что французы особенно ценят в русских то, чего не хватает им самим, — «размах и широту, сердечность и щедрость» [6, с. 131].

Удивляет французских туристов тот факт, что неприветливые русские чрезвычайно открыты для общения во время поездок в поезде, еще и приглашают с ними поесть совсем незнакомых людей [19, 20]. По мнению россиян, душевные разговоры со случайными попутчиками — один из лучших способов скоротать время, сделать длинную поездку нескучной, а также возможность быть услышанным, а значит, почувствовать себя важным и нужным человеком, услышать совет по какой-либо жизненной ситуации, узнать адекватное мнение о себе со стороны, иными словами, бесплатно получить услуги психолога [21]. Француз же, напротив, не будет изливать душу даже самому близкому человеку. «Он старается очертить вокруг себя некий невидимый меловый круг, куда нет входа никому» [6, с. 145]. Японец тоже будет избегать откровенных бесед [6, с. 178].

Во время таких вагонных разговоров в России нередко затрагиваются табуированные в западной коммуникативной традиции темы: семейное положение, зарплата, источники заработка, политические взгляды и др. [12, с. 188; 20]. Одной из тем, нежелательных для обсуждения с французами, является тема Второй мировой войны [22, с. 35]. Существуют и речевые табу. К примеру, как подметил известный переводчик и главный редактор журнала «Иностранная литература» Александр Ливергант, во французском языке не принято использовать слово «дешевый»: французы скорее скажут «недорогой» — *pas cher* [23]. Убедительными для практичных французов будут словосочетания со смягчающим значением, например *les petits tarifs de l'hôtel* — «невысокие тарифы гостиницы», *les prix mini* — «минимальные цены» [22, с. 38].

Эксперты в сфере туризма отмечают, что в настоящее время посещение иностранцами российских городов, особенно крупных (Москва, Санкт-Петербург), безопасно для них, однако автотранспорт несет определенную угрозу: российские автолюбители не обращают внимания на пешеходов, не пропускают их [19], не все водители соблюдают правила дорожного движения, среди них «есть безумцы» [24]. Данные мнения контрастируют с утверждением о предельно вежливом поведении водителей автомобилей во Франции по отношению друг к другу и к пешеходам [25, с. 13]. К тому же, как отмечают французские туристы, состояние российских автодорог может быть удручающим [26].

Сложно понять французам (как и другим европейцам и американцам) проявление водительской солидарности на российской дороге, заключающееся в предупреждении водителя о том, что впереди стоит инспектор, контролирующий соблюдение правил дорожного движения, в частности скорость передвижения транспорта. В данном случае для русских как представителей коллективистской культуры важно чувство взаимовыручки. Для вышеупомянутых иностранцев — это «вопиющее нарушение закона, которое может привести к несчастному случаю» [27, с. 221].

Таким образом, согласимся с мнением В. И. Карасика о том, что «этнокультурная специфика поведения вариативна, динамична и требует тщательного изучения и описания» [28, с. 75]. А изучив коммуникативные модели поведения французов, японцев и русских в сфере международного туризма, убеждаемся в важности разностороннего изучения ситуаций реального общения, особенно между представителями высококонтекстных культур.

Совсем недавно ученые заговорили о важности формирования культурной компетентности в целях достижения успешного общения. Иначе ее называют культурным интеллектом, что означает «способность человека понимать людей другой культуры и быстро адаптироваться в мультинациональной среде» [29]. Вслед за известными понятиями IQ (уровень интеллекта) и EQ (эмоциональный интеллект), термин «культурный интеллект», кратко — CQ (Cultural intelligence), был предложен профессором Сун Ан, которая вместе с психологом Кристофером Ирли разработала теорию культурного интеллекта — «способности эффективно действовать в разнообразных культурных контекстах» [29]. Российский ученый О. Е. Хухлаев предлагает использовать более конкретизированный термин — «кросс-культурный интеллект» как феномен, связанный с ситуацией кросс-культурного взаимодействия [30].

Таким образом, изучив встречаемые во время заграничных путешествий коммуникативные ситуации и модели коммуникативного поведения представителей культур с высоким контекстом, представляется возможным выделить следующие основные условия для осуществления успешной межкультурной коммуникации и, соответственно, для формирования так называемого культурного интеллекта:

- во-первых, это соблюдение этикетных норм, речевого этикета, правил коммуникативного поведения (приветливость, вежливость, использование нормативной лексики), принятых в стране посещения или в стране, откуда родом туристы;
- во-вторых, изучение национальных особенностей невербальной коммуникации (например, значимость улыбки, поцелуев и др.);
- в-третьих, составление рекомендаций для работников туристической индустрии с учетом этнокультурной специфики туристов;
- в-четвертых, разъяснение контекста общения (так, во Франции можно безопасно пить воду из-под крана: она там питьевая; а в России необходимо быть осторожным на дорогах);
- в-пятых, знание тематических и речевых табу, стереотипов.

Именно соблюдение данных условий, а также владение иностранным языком (рассматриваемое как одно из первостепенных, но не единственных условий) сделает возможным осуществление эффективной межкультурной коммуникации в сфере туризма, нацеленной на познание другой культуры (а в ее свете и родной культуры), на позитивное восприятие межкультурных различий.

Список источников

1. Щепилова, А. В. (2017). Некоторые проблемы подготовки специалиста по межкультурной коммуникации: отбор учебной литературы и оценивание компетентности. *Диалог культур. Культура диалога. Человек и новые социокультурные ценности*: коллективная монография. Неолит, 168–201.
2. Леонтович, О. А. (2007). *Введение в межкультурную коммуникацию*: учеб. пособие. Гнозис.
3. Садохин, А. П. (2017). *Введение в теорию межкультурной коммуникации*: учеб. пособие. Кнорус.
4. Стернин, И. А. (2002). Национальное коммуникативное поведение как предмет лингвистического и методического описания. *Русское и французское коммуникативное поведение*, Вып. 1. Истоки, 5–9.
5. Викулова, Л. Г., Серебренникова, Е. Ф., Герасимова, С. А. (2017). Структуры моделирования ценностных ориентиров в массмедийном социальном диалоге: миграция как интенсифицирующий контекст идентификационных установок. *Диалог культур. Культура диалога. Человек и новые социокультурные ценности: коллективная монография*. Неолит, 45–74.
6. Мельникова, Е. В. (2006). *Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект)*. Диалог культур.
7. Парижский синдром. (2022, 17 июля). *Википедия. Академик. Словари и энциклопедии на Академике*. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1846971>
8. Нуссбаум, А. (2020). Парижский синдром: почему у японских туристов, приезжающих во Францию, развиваются психические расстройства. *Правила жизни. Истории/Знания*. <https://www.pravilamag.ru/articles/6121-paris/#part0>
9. Веселко, А. (2009–2022). Синдром Стендаля: искусство, от которого так хорошо, что плохо. *Theory & Practice. Словарь искусства. Посты*. <https://theoryandpractice.ru/posts/18533-sindrom-stendalya-iskusstvo-ot-kotorogo-tak-khorosho-chno-plokho>
10. Usbek & Rica. (2018). Le syndrome de Paris. Accueil. *Demain la ville. Réflexions sur la vie. Vivre la ville*. <https://www.demainlaville.com/syndrome-paris-traumatisme-choc-culturel-touristes-japonais/>
11. Кузнецова, А. А. (2014). Коммуникативная неудача. Эффективное речевое общение (базовые компетенции). *Словарь-справочник. Электронное издание (ред. А. П. Сквородников)*. 2-е изд. Сибирский федеральный университет. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24493285>
12. Белая, Е. Н. (2013). *Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие*. Форум: Инфра-М.
13. Ричи, Д. (2000). Японский поцелуй. *Мир по-японски: Эстетические и этические ценности в японской культуре*. Северо-Запад.
14. Особенности жизни во Франции: что удивляет иностранцев. (2022, 17 июля). *Cofrance. Жить во Франции*. <https://oslo.ru/osobennosti-zhizni-vo-francii-chno-udivlyaet-inostrancev.html>
15. Бочкарев, А. (2017). Можно ли во Франции пить воду из-под крана? 96 процентов французов могут смело пить воду из-под крана. (2022, 17 июля). *Слон. В стране. Общество*. <https://slon.fr/mozhno-li-vo-frantsii-pit-vodu-iz-pod-krana/>
16. AdMe. (2021). 15+ туристов, которые хотели просто переночевать в отеле, а получили еще одну огненную историю для поста в интернете. @Пульс.

https://pulse.mail.ru/article/15-turistov-kotorye-hoteli-prosto-perenochevat-v-otele-a-poluchili-esche-odnu-ognennuyu-istoriyu-dlya-posta-v-internete-1213710855609971114-3686288641316820648/?utm_content=source_only_fulltext

17. Corbeau, S., Dubois, Ch., Penfornis, J.-L., Semichon, L. (2006). *Hôtellerie-restauration.com*. CLE International.

18. Inter-Culturel Conseil. (2011). Comment les Français voient les Russes. *Réussissez votre expatriation. Guide de l'expatrié. Europe. Russie. Généralités*. <https://www.expat.com/fr/guide/europe/russie/5577-comment--les-francais-voient-les-russes.html>

19. Infos pratiques. (2022, 17 июля). *Terres de Russie. Accueil. Infos Pratiques*. <https://www.terres-de-russie.com/infos-pratiques>

20. Constouche. (2017). Les aventures d'une française en Sibérie. *Dans mes valenkis*. dansmesvalenkis.wordpress.com

21. ТКС. (2018). Случайный попутчик — лучший психолог? *ТКС. Железнодорожный пассажирский перевозчик*. <https://www.transclass.ru/travel/blog/sluchaynyy-poputchik-luchshiy-psikholog/>

22. Погодаева, С. А. (2018). О политкорректности во французском туристическом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», I (29)*, 34–41.

23. Аскарян, А. (2009–2022). Игра слов: чего боятся профессиональные переводчики. *Theory & Practice. Главная. Открытое чтение. Посты*. <https://theoryandpractice.ru/posts/6975-kommentarii-perevodchikov-ot-ispovedi-do-taburetki>

24. Campagna, M. (2012). Résumé de 12 jours en Russie. *12 jours en Russie. Bienvenue sur mon blog consacré à un voyage de 12 jours en Russie!* <http://12jours-russie.blogspot.com/2012/11/conclusion-resume-russie-voyage.html>

25. Ермакова, Р. А., Фима, Ж. (2002). Некоторые аспекты коммуникативного поведения русских, французов и финнов. *Русское и французское коммуникативное поведение*, Вып. 1. Истоки, 9–13.

26. De Paz, L. (2013). Vis ma vie à Luga. *Laura découvre la Russie*. <https://lauradecouvrelarussie.wordpress.com/tag/vivre-en-russie/>

27. Викулова, Л. Г., Желтухина, М. Р., Герасимова, С. А., Макарова, И. В. (2020). *Коммуникация. Теория и практика: учебник*. ВКН.

28. Карасик, В. И. (2017). Имплицитность в межкультурной коммуникации. *Диалог культур. Культура диалога. Человек и новые социокультурные ценности: коллективная монография*. Неолит, 74–96.

29. Фадеева, М. (2009–2022). Культурный интеллект: как научиться принимать незнакомое. *Theory & Practice. Главная. Саморазвитие. Посты*. <https://theoryandpractice.ru/posts/19394-kulturnyy-intellekt-kak-nauchitsya-prinimat-neznakomoe>

30. Хухлаев, О. Е. (2010). «Кросскультурный интеллект»: на пути к интеграции когнитивного и социально-психологического подхода к межкультурной коммуникации. *Этнопсихология: вопросы теории и практики*, Вып. 3, 76–78. https://psyjournals.ru/ethnopsy_teor/issue/40404_full.shtml

References

1. Shhepilova, A. V. (2017). Nekotory`e problemy` podgotovki specialista po mezkul'turnoj kommunikacii: otbor uchebnoj literatury` i ocenivanie kompetentnosti. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga. Chelovek i novy`e sociogumanitarny`e cennosti: kollektivnaya monografiya*. NEOLIT, 168–201. (In Russ.).

2. Leontovich, O. A. (2007). *Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikaciyu*: ucheb. posobie. Gnozis. (In Russ.).
3. Sadoxin, A. P. (2017). *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoj kommunikacii*: ucheb. posobie. Knorus. (In Russ.).
4. Sternin, I. A. (2002). Nacional'noe kommunikativnoe povedenie kak predmet lingvistichesko-go i metodicheskogo opisaniya. *Russkoe i francuzskoe kommunikativnoe povedenie*, Vy'p. 1., Istoki, 5–9. (In Russ.).
5. Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A. (2017). Struktury` modelirovaniya cennostny`x orientirov v massmedijnom social'nom dialoge: migraciya kak intensivirovannyj kontekst identifikacionny`x ustanovok. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga. Chelovek i novy`e sociogumanitarny`e cennosti*: kollektivnaya monografiya. Neolit, 45–74. (In Russ.).
6. Mel'nikova, E. V. (2006). Kul'tura i tradicii narodov mira (e'knopsixologicheskij aspekt). *Dialog kul'tur*. (In Russ.).
7. Parizhskij sindrom. (2022, 17 July). *Akademik. Slovare i e'nciklopedii na Akademike. Vikipediya*. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1846971> (In Russ.).
8. Nussbaum, A. (2020). Parizhskij sindrom: pochemu u yaponskix turistov, priezchayushchix vo Franciyu, razvivayutsya psichicheskie rasstrojstva. *Pravila zhizni. Istorii/ Znaniya*. <https://www.ppravilamag.ru/articles/6121-paris/#part0> (In Russ.).
9. Veselko, A. (2009–2022). Sindrom Stendalya: iskusstvo, ot kotorogo tak xoroшо, chto ploхо. *Theory & Practice. Slovar` iskusstva. Posty`*. <https://theoryandpractice.ru/posts/18533-sindrom-stendalya-iskusstvo-ot-kotorogo-tak-khorosho-chto-plokho> (In Russ.).
10. Usbek & Rica. (2018). Le syndrome de Paris. Accueil. *Demain la ville. Réflexions sur la vie. Vivre la ville*. <https://www.demainlaville.com/syndrome-paris-traumatisme-choc-culturel-touristes-japonais/>
11. Kuznecova, A. A. (2014). Kommunikativnaya neudacha. E'ffektivnoe rechevoe obshhenie (bazovy`e kompetencii). *Slovar`-spravochnik. E'lektronnoe izdanie (red. A. P. Skovorodnikov). 2-e izd. Sibirskij federal'nyj universitet*. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24493285> (In Russ.).
12. Belaya, E. N. (2013). *Teoriya i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii*: ucheb. posobie. Forum: Infra-M. (In Russ.).
13. Richi, D. (2000). Yaponskij podeluj. *Mir po-yaponski: E`steticheskie i e`ticheskie cennosti v yaponskoj kul'ture*. Severo-Zapad. (In Russ.).
14. Osobennosti zhizni vo Francii: chto udivlyaet inostrancev. (2022, 17 July). *Cofrance. Zhit` vo francii*. <https://oslo.ru/osobennosti-zhizni-vo-francii-chto-udivlyaet-inostrancev.html>. (In Russ.).
15. Bochkarev, A. (2017). Mozhno li vo Francii pit` vodu iz-pod krana? 96 procentov francuzov mogut smelo pit` vodu iz-pod krana. *Slon. V strane. Obshhestvo*. <https://slon.fr/mozhno-li-vo-frantsii-pit-vodu-iz-pod-krana/> (In Russ.).
16. AdMe. (2021). 15+ turistov, kotory`e xoteli prosto perenochevat` v otele, a poluchili eshhe odnu ognennuyu istoriyu dlya posta v internete. *@Pul's*. https://pulse.mail.ru/article/15-turistov-kotorye-hoteli-prosto-perenochevat-v-otele-a-poluchili-eshe-odnu-ognennuyu-istoriyu-dlya-posta-v-internete-1213710855609971114-3686288641316820648/?utm_content=source_only_fulltext (In Russ.).
17. Corbeau, S., Dubois, Ch., Penfornis, J.-L., Semichon L. (2006). *Hôtellerie-restauration.com*. CLE International.

18. Inter-Culturel Conseil. (2011). Comment les Français voient les Russes. *Réussissez votre expatriation. Guide de l'expatrié. Europe. Russie. Généralités*. <https://www.expat.com/fr/guide/europe/russie/5577-comment--les-francais-voient-les-russes.html>
19. Infos pratiques. (2022, 17 July). *Terres de Russie. Accueil. Infos Pratiques*. <https://www.terres-de-russie.com/infos-pratiques>
20. Constouche. (2017). Les aventures d'une вальшечетница française en Sibérie. *Dans mes valenkis*. URL: dansmesvalenkis.wordpress.com
21. TKS. (2018). Sluchajny'j poputchik – luchshij psixolog? *TKS. Zheleznodorozhny'j passazhir-skij perevozchik*. <https://www.transclass.ru/travel/blog/sluchaynyy-poputchik-luchshiy-psikholog/> (In Russ.).
22. Pogodaeva, S. A. (2018). O politkorrektnosti vo francuzskom turisticheskom diskurse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education, 1 (29)*, 34–41. (In Russ.).
23. Askaryan, A. (2009–2022). Igra slov: chego boyatsya professional'ny'e perevodchiki. *Theory & Practice. Glavnaya. Otkry'toe chtenie. Posty'*. <https://theoryandpractice.ru/posts/6975-kommentarii-perevodchikov-ot-ispovedi-do-taburetki> (In Russ.).
24. Campagna, M. (2012). Résumé de 12 jours en Russie. *12 jours en Russie. Bienvenue sur mon blog consacré à un voyage de 12 jours en Russie!* <http://12jours-russie.blogspot.com/2012/11/conclusion-resume-russie-voyage.html>
25. Ermakova, R. A., Fima, Zh. (2002). Nekotory'e aspekty' kommunikativnogo povedeniya russkix, francuzov i finnov. *Russkoe i francuzskoe kommunikativnoe povedenie*, Vy'p. 1. Istoki, 9–13. (In Russ.).
26. De Paz, L. (2013). Vis ma vie à Luga. *Laura découvre la Russie*. <https://lauradecouvre-larussie.wordpress.com/tag/vivre-en-russie/>
27. Vikulova, L. G., Zheltuxina, M. R., Gerasimova, S. A., Makarova, I. V. (2020). *Kommunikaciya. Teoriya i praktika: uchebnik*. VKN. (In Russ.).
28. Karasik, V. I. (2017). Implicitnost' v mezhkul'turnoj kommunikacii. *Dialog kul'tur. Kul'tura dialoga. Chelovek i novy'e sociogumanitarny'e cennosti: kollektivnaya monografiya*. Neolit, 74–96. (In Russ.).
29. Fadeeva, M. (2009–2022). Kul'turny'j intellekt: kak nauchit'sya prinimat' neznakomoe. *Theory & Practice. Glavnaya. Samorazvitie. Posty'*. <https://theoryandpractice.ru/posts/19394-kulturnyy-intellekt-kak-nauchitsya-prinimat-neznakomoe> (In Russ.).
30. Xuxlaev, O. E. (2010). «Krosskul'turny'j intellekt»: na puti k integracii kognitivnogo i social'no-psixologicheskogo podxoda k mezhkul'turnoj kommunikacii. *E'thnopsixologiya: voprosy' teorii i praktiki*, Vy'p. 3, 76–78. https://psyjournals.ru/ethnopsy_teor/issue/40404_full.shtml (In Russ.).

Сведения об авторе

Светлана Александровна Погодаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета.

Information about the author

Svetlana A. Pogodaeva — PhD (Philology), docent, associate professor of French Philology Department, Kuban State University.

Научная статья

УДК 81–111

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.09

**СПУТНИК КАК СЛОВО ГОДА:
СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ****Павлина Светлана Юрьевна**Нижегородский государственный лингвистический университет,
Нижний Новгород, РоссияPavlina.Svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

Аннотация. В статье определяется лингвистический статус номинаций вакцины «Спутник V» и «Спутник Лайт», выявляются структурные и семантические характеристики лексем, изучаются способы формирования образа бренда на официальном сайте правообладателя торговой марки, а также рассматривается рецепция ассоциативно-культурного фона анализируемых наименований студентами-переводчиками.

Ключевые слова: «Спутник», слово года, прагматоним, рецепция, образ бренда.

Для цитирования: Павлина, С. Ю. (2022). *Спутник* как слово года: семантические и прагматические характеристики. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 109–117. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.09

Original article

UDC 81–111

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.09

**SPUTNIK AS THE WORD OF THE YEAR:
SEMANTIC AND PRAGMATIC PROPERTIES****Svetlana Yu. Pavlina**Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, RussiaPavlina.Svetlana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8304-795X>

Abstract. The article determines the linguistic status of *Sputnik V* and *Sputnik Light* — the new vaccine nominations. It also considers the lexemes structural and semantic properties as well as the way the brand image is formed on the *Sputnik V* website. The perception of the vaccine nomination cultural connotations by translator students is analysed.

Keywords: «Sputnik», the word of the year, pragmatonym, perception, brand image.

For citation: Pavlina S. Yu. (2022). *Sputnik* as the word of the year: semantic and pragmatic properties. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 109–117. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.09

Исследования, посвященные выявлению *слова года*, проводятся на материале многих европейских языков с использованием различных методик [1, 2]. Определение самого популярного слова 2021 г. в рамках русскоязычной коммуникации было выполнено Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина. Источником послужили публикации русскоязычных средств массовой информации, а также тексты, размещенные в социальных сетях. Экспертами были выделены темы, оказавшиеся в фокусе внимания в 2021 г., затем определялись ключевые слова, которые в дальнейшем были проанализированы с точки зрения частотности употребления по отношению к четырем предшествующим годам. Примененная методика позволила установить, что верхнюю строку в списке слов 2021 г. занимает слово *спутник* [3].

Название российской вакцины имеет два варианта: *Спутник V* и *Спутник Лайт*, которые стали узнаваемыми торговыми знаками не только в России, но и за рубежом. Первая в мире зарегистрированная вакцина от коронавируса известна как *Спутник V*, в то время как *Спутник Лайт* является ее первым компонентом [4].

Продвижение новой вакцины, создание ее положительного образа в общественном сознании в значительной степени зависят от выбора имени собственного, которое должно стать номинацией бренда. Бренд рассматривается как компонент рекламного дискурса, как образ определенного товара, который призван формировать предпочтения, оказывая эмоциональное воздействие на потребителей [5, с. 59]. Бренд, в основе которого лежат позитивные ассоциации, способствует формированию доверия к продукту [6]. Для того чтобы стать привлекательным для адресата, название бренда должно быть ярким, заметным, легким в написании и произношении и иметь определенный смысл [7]. Выявление того, насколько удачным является название вакцины *Спутник*, ставшее *словом года*, как декодируется адресатом культурно-ассоциативный фон, содержащийся в номинации бренда, до сих пор не получило критического осмысления. Этим предопределяется новизна настоящего исследования.

Цель работы заключается в определении того, насколько привлекательными являются номинации *Спутник V* и *Спутник Лайт* для адресата и как воспринимаются идеи, заложенные в данных наименованиях создателями торгового знака. Для достижения цели последовательно решались следующие задачи. На начальном этапе был установлен лингвистический статус двух анализируемых лексем и описаны их семантические и структурные характеристики. Следующим шагом явилось изучение способов формирования образа бренда на официальном сайте Российского фонда прямых инвестиций, правообладателя торговой марки *Спутник V* и *Спутник Лайт*. Далее выявлялось то, как воспринимается реципиентами смысл номинаций. Для этого был проведен лингвистический эксперимент, включающий в себя две стадии. Вначале респондентам предстояло ответить на вопросы анкеты, далее для уточнения результатов было проведено интервью.

Респондентами выступили 28 магистрантов и студентов-переводчиков старших курсов, специализирующихся в паре языков: русский – английский. Возраст участников составляет 21–23 года.

Анализируемые номинации торгового знака относятся к именам собственным, принадлежащим к группе прагматонимов. Данный класс охватывает «разряд онимов, под которым условно объединены различные категории имен собственных, имеющие денотаты в прагматической деятельности человека, связанные с практикой, предметной областью» [8, с. 110].

С точки зрения структуры *Спутник V* и *Спутник Лайт* состоят из двух компонентов: первый является отонимным образованием, возникшим на основе другого прагматонима — названия первого космического аппарата *Спутник-1*, который был запущен в Советском Союзе в 1957 г. Второй компонент лексемы *Спутник V* создан путем аббревиации и произносится как буква английского алфавита, элемент *Лайт* следует рассматривать как варваризм, созданный посредством переводческой транскрипции английского *light*. Рассмотрим изменение семантики лексемы *спутник*, возникшей как апеллятив и имеющей значение: *тот, кто совершает путь вместе с кем-л.* [9, с. 758]. Имя нарицательное переходит в разряд онимов, когда его используют для обозначения первого космического аппарата, запущенного на орбиту, — *Спутника-1*. Данный прагматоним создан на основе метафорического переноса и является единицей вторичной номинации. Мотивационная основа выглядит весьма прозрачной: космический аппарат уподобляется человеку, идущему рядом, так как он совершает путь вокруг планеты и имеет тесную связь с Землей. С появлением других выводимых на орбиту аппаратов происходит деонимизация лексемы *спутник*, поскольку она начинает применяться по отношению к любому космическому аппарату, запускаемому на «околопланетную, окололунную или гелиоцентрическую орбиту с помощью ракетных устройств» [9, с. 758]. Апеллятивация была вызвана необходимостью в обозначении новых артефактов, т. е. в ее основе лежат экстралингвистические факторы. В научной литературе языковые единицы, перешедшие из разряда имен собственных в разряд нарицательных, получают название деонимов [10]. Апеллятивация прагматонима *Спутник* сопровождается не только изменением референтной отнесенности лексемы, но и редуцированием ее семантического наполнения. Номинация первого советского космического аппарата связана с концептом, в котором закреплены представления об историческом прорыве в области космических исследований, получившем высокую общественную оценку и сохранившемся в коллективной памяти социума. Весь ассоциативный ряд, связанный с данным историческим событием, оказывается либо существенно сокращенным, либо полностью нерелевантным при деонимизации, поскольку апеллятив *спутник* применяется по отношению к космическим аппаратам, запускаемым в разных странах, а значит, национально-культурный компонент, присущий прагматониму *Спутник*, не актуализируется. Однако именно этот слой

информации оказывается ключевым при использовании наименования первого советского космического аппарата в качестве основы нового прагматонима — названия первой вакцины против коронавируса, созданной в России. В этом находит свое подтверждение наблюдение о том, что собственные имена выступают в качестве носителей культурно значимой информации. Как утверждает В. А. Омельяненко, они включены в структуру культурного кода, а «их предметное содержание как культурного знака существует в сознании носителя языка в форме фоновых знаний (ассоциативно-культурного фона)» [11, с. 713]. Таким образом, *Спутник V* и *Спутник Лайт* являются отонимными образованиями, а способ их создания, используя термин Н. В. Подольской, следует считать трансонимизацией [8]. *Спутник-1* как единица вторичной номинации с яркой образной составляющей становится базой для нового переноса наименования. Признаки, служащие основанием метафорического проецирования из сферы-источника *техническое изобретение* в сферу-мишень *вакцина*, включают в себя такие смысловые компоненты, как *первый в истории; имеющий большую общественную значимость; основанный на передовых технологиях*. Представляется важным установить, каким образом эти характеристики эксплицируются на официальном сайте Российского фонда прямых инвестиций, который содержит сведения о *Спутнике V* и *Спутнике Лайт*.

Информация, размещенная на сайте правообладателем торговой марки, транслируется посредством вербального кода, т. е. печатного текста, выполненного на основе естественного языка, а также иконического кода в виде сопровождающих печатный текст фотографий и графических иллюстраций. Кроме того, авторский посыл передается при помощи видео, сочетающего в себе визуальный и аудиальный коды. Данный видеофрагмент образно демонстрирует роль вакцины *Спутник V* в глобальном масштабе. Сюжет построен на том, что вращающаяся Земля постепенно приобретает черты коронавируса, затем на орбите появляется спутник, визуально напоминающий аппарат 1957 г. и передающий характерные сигналы. По мере продвижения по орбите космического аппарата с надписью *Спутник V* планета постепенно освобождается от вируса. Видео содержит визуальную метафору вакцины и подчеркивает ее значимость не только для России, но и в глобальном масштабе. Текст сайта следует рассматривать как поликодовый, основанный на сочетании семиотически разнородных элементов.

Изучение лингвистического компонента сайта показывает, что он транслирует информацию, идентичную той, что выражена посредством других семиотических кодов. Применение критического дискурсивного анализа позволяет выявить следующие ключевые смысловые элементы:

- первый в своем роде (*первая в мире зарегистрированная вакцина, названа в честь первого советского космического спутника*);
- безопасный (*создана на проверенной и хорошо изученной платформе, безопасность, эффективность*);

• значимый для мирового сообщества (*Запуск «Спутника-1» в 1957 г. дал новый импульс космическим исследованиям во всем мире, создав так называемый момент Спутника для мирового сообщества*).

Момент Спутника трактуется как импульс, толчок к развитию исследований во всем мире. В 1957 г. подобный эффект явился следствием запуска *Спутника-1*. Новая российская вакцина призвана иметь такое же значение для мирового сообщества [4].

Нужно отметить, что выражение *момент Спутника* является калькой идиомы *Sputnik moment*, которая возникла в английском языке для номинации ошеломляющего эффекта, который произвел на американское общество запуск первого советского спутника. В результате США осознали необходимость развития математических и инженерных знаний для того, чтобы страна могла быть конкурентоспособной на мировой арене. В дальнейшем произошло переосмысление значения этого фразеологического выражения, что привело к возникновению новой идиомы. В настоящее время *Sputnik moment* используется для описания ситуации, когда соперник, которого никто не воспринимал всерьез, выходит на лидирующие позиции. В этом находит свое проявление использование единиц русского языка в рамках иной культуры, которое возможно отнести к его внешнекультурным аспектам [12].

Следующий этап исследования заключался в выявлении того, как реципиенты декодируют идеи, заложенные в названии бренда. С этой целью респондентам было предложено ответить на следующие вопросы.

1. Какой смысл заложен в названии вакцин *Спутник V* и *Спутник Лайт*?
2. Насколько удачным является название вакцин?

Анализ полученного эмпирического материала показывает, что ассоциативный ряд, представленный в ответах на вопросы анкеты, является достаточно неоднородным. Исходя из частотности использования тех или иных лексем, возможно выделить ассоциативное ядро и периферию. К ядерным компонентам относятся такие номинации, как *технологический прорыв, первый, лидерство, важный в международном масштабе*. Большинство респондентов (72 %) указывает на то, что название вакцины имеет отношение к первому советскому спутнику, поскольку вакцина *Спутник V* была первой из зарегистрированных в мире. Более половины ответов содержат информацию о том, что подобно космическому аппарату советских времен новая вакцина демонстрирует технологический прорыв. Важность для мирового сообщества также определяется как составная часть образа бренда, однако основанием для этого наблюдения служат не качества самой вакцины, а гибридный характер номинации: наличие в прагматонимах компонентов, трансплантированных из английского, свидетельствует о том, что торговый знак должен быть узнаваемым за пределами России, что, по мнению респондентов, и указывает на его мировое значение. Таким образом, информация о мировой значимости извлекается из формы товарного знака, из означающего; означаемое во всем многообразии

культурных ассоциаций, которые включают в себя упоминаемый на сайте момент *Спутника*, в данном случае не является релевантным.

К периферии относятся низкочастотные единицы: каждая из них используется менее чем в 5 % ответов. Название вакцины ассоциируется с *надежностью, доверием, гордостью, эффективностью, надеждой*. В одном ответе на вопросы анкеты указывается также, что название *Спутник* свидетельствует не только о техническом прогрессе, но и об аутентичности и доступности вакцины. Другой респондент отмечает, что технологический характер названия вакцины может вызвать ассоциации с чипированием — известной конспирологической теорией.

Комментируя прагматическую составляющую номинаций вакцины, респонденты высказывают следующие предположения относительно значения компонента *V* в номинации *Спутник V*: *victory (победа)*, *vaccine (вакцина)*, *virus (вирус)*. Выявлена также ассоциация со знаком невербальной коммуникации — жестом, выполняемым указательным и средним пальцами руки, которые направлены вверх в форме буквы *V*. В 15 % анкет содержится указание на сложность декодирования этого компонента, поскольку «многие люди думают, что это цифра, и произносят название как *Спутник пять*». Это наблюдение находит свое подтверждение при анализе произношения названия *Sputnik V* дикторами мировых информационных агентств. Так, редакцией Deutsche Welle, ведущей вещание на английском языке, выбран вариант *sputnik five*, т. е. *V* трактуется как римская цифра *пять*. По мнению реципиентов, название бренда *Sputnik V* нельзя признать безусловно успешным, поскольку смысл его второго компонента неоднозначен.

В то же самое время 96 % респондентов считают, что название однокомпонентной вакцины *Спутник Лайт* является весьма удачным. Среди приводимых аргументов встречаются утверждения следующего характера: «название легко произносить», «смысл легко понять, так как это облегченный вариант вакцины, он вводится однократно», «многие люди знакомы с товарами, содержащими слово *лайт*», «*лайт* встречается в названиях гаджетов, продовольственных товаров, образовательных программ, поэтому это слово знакомо как иностранцам, так и жителям России». Несколько человек указали на то, что слово *лайт* стало широко употребляться в русском языке, поскольку «так называются тарифы для мобильных телефонов». Два респондента высказали сомнение в том, что это слово иностранного происхождения может быть понятно людям старшего поколения. Встречается также и следующая трактовка значения *Спутник Лайт*: «Английское слово *light* имеет не только значение *легкий*, но и *светлый*. Возможно, название вакцины означает *свет в конце тоннеля*. Тогда *Лайт* — это надежда на скорое окончание пандемии».

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Номинация вакцины *Спутник*, ставшая *словом года*, относится к разряду прагматонимов и является отонимным образованием. Названия двух вариантов

вакцины *Спутник V* и *Спутник Лайт* имеют гибридный характер, а их семантическое содержание включает в себя следующие ассоциативно-культурные компоненты: *первый в истории; имеющий большую общественную значимость; основанный на передовых технологиях*. Анализ официального сайта правообладателя торговой марки *Спутник V* показывает, что образ бренда создается с помощью вербального, графического и иконического кодов. Были выявлены такие смысловые элементы, как *первый в своем роде, безопасный, эффективный, значимый для мирового сообщества*. Для определения того, как воспринимаются адресатом идеи, заложенные авторами торгового знака, был проведен лингвистический эксперимент. Полученный эмпирический материал показывает, что большинство респондентов выделяют в качестве ключевых смысловых элементов анализируемой номинации *технологический прорыв, первый, лидерство, важный в международном масштабе*. Респонденты указывают, что о мировой значимости свидетельствует гибридная форма товарного знака, предопределяющая удобство его применения за рубежом, т. е. подобная информация извлекается при анализе означающего, а не означаемого. Оценивая то, насколько удачным является название вакцины, студенты-переводчики отмечают, что второй компонент *Спутник V* трактуется неоднозначно и в ряде случаев воспринимается как цифра, поэтому название нельзя назвать безусловно успешным. В то же самое время *Спутник Лайт* удобен в произношении. Смысл названия легко декодируется, поскольку варваризм *лайт* достаточно давно функционирует в русском языке. На этом основании подавляющее большинство респондентов признали номинацию успешной. Исследование показывает, что при выборе названий товарных знаков необходимо провести анализ смыслового компонента, стоит также учитывать прагматические характеристики, что позволит свести к минимуму неоднозначность восприятия номинации.

Список источников

1. Ларионова, М. В. (2020). Слово года как современный языковой феномен: сравнительный анализ лингвистического своеобразия (на материале русского, испанского и английского языков). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 6 (13), 278–284.
2. Николаева, Е. В. (2017). «Слова года» как лингвокультурные концепты. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1 (10), 154–157.
3. ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина». (2021, 25 декабря). <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=30095>
4. Спутник V. (2021, 26 декабря). <https://sputnikvaccine.com/rus/about-vaccine>
5. Собянина, В. А., Маслакова, А. О. (2021). Лингвопрагматические характеристики метафоры в англоязычной рекламе продуктов питания. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (35), 58–65.
6. De Mooij, M. (2013). *Global marketing and advertising: Understanding cultural paradoxes*. Sage Publications.

7. Bloom, J. (2021). Why picking a good company name is a tricky business. <https://www.bbc.com/news/business-58395924>
8. Подольская, Н. В. (1978). *Словарь русской ономастической терминологии*. Наука.
9. Ожегов, С. И. (1991). *Словарь русского языка: 70 000 слов* (под ред. Н. Ю. Шведовой). 23-е изд., испр. Русский язык.
10. Храброва, В. Е., Сергеева, Ю. В. (2020). Лингвокультурологические особенности названий английских тканей. *Вестник Томского государственного университета*, 450, 72–83.
11. Омеляненко, В. А. (2018). Отонимные прагматонимы с национально-культурным компонентом в российской рекламе. *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, 3 (9), 712–728.
12. Прохоров, Ю. Е. (2017). Русский язык в современном коммуникационном пространстве: роль, место, лингвокультурная парадигма. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (27), 17–27.

References

1. Larionova, M. V. (2020). Slovo goda kak sovremenny`j yazy`kovej fenomen: sravnitel`ny`j analiz lingvisticheskogo svoeobraziya (na materiale russkogo, ispanskogo i anglijskogo yazy`kov). *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*, 6 (13), 278–284. (In Russ.).
2. Nikolaeva, E. V. (2017). «Slova goda» kak lingvokul`turny`e koncepty`. *Filologicheskie nauki. Voprosy` teorii i praktiki*, 1(10), 154–157. (In Russ.).
3. FGBOU VO «Gos. IRYA im. A. S. Pushkina». (2021, 25 December). <https://www.pushkin.institute/news/detail.php?ID=30095> (In Russ.).
4. Sputnik V. (2021, 26 December). <https://sputnikvaccine.com/rus/about-vaccine> (In Russ.).
5. Sobyagina, V. A., Maslakova, A. O. (2021). Lingvopragmaticheskie xarakteristiki metafory` v angloyazy`chnoj reklame produktov pitaniya. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (35), 58–65. (In Russ.).
6. De Mooij, M. (2013). *Global marketing and advertising: Understanding cultural paradoxes*. Sage Publications.
7. Bloom, J. (2021). Why picking a good company name is a tricky business. <https://www.bbc.com/news/business-58395924>
8. Podol'skaya, N. V. (1978). *Slovar` russkoj onomasticheskoy terminologii*. Nauka. (In Russ.).
9. Ozhegov, S. I. (1991). *Slovar` russkogo yazy`ka: 70 000 slov* (pod red. N. Yu. Shvedovoj). 23-e izd., ispr. Russkij yazy`k. (In Russ.).
10. Xrabrova, V. E., Sergeeva, Yu. V. (2020). Lingvokul`turologicheskie osobennosti nazvanij anglijskix tkanej. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 450, 72–83. (In Russ.).
11. Omel`yanenko, V. A. (2018). Otonimny`e pragmatonimy` s nacional`no-kul`turny`m komponentom v rossijskoj reklame. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazy`ka. Semiotika. Semantika*, 3 (9), 712–728. (In Russ.).
12. Proxorov, Yu. E. (2017). Russkij yazy`k v sovremennom kommunikacionnom prostranstve: rol`, mesto, lingvokul`turnaya paradiqma. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (27), 17–27. (In Russ.).

Информация об авторе

Светлана Юрьевна Павлина — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка и перевода НГЛУ им. Н. А. Добролюбова.

Information about the author

Svetlana Yu. Pavlina — PhD (Philology), associate professor at the Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Научная статья

УДК 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

О ФУНКЦИЯХ НЕВЕЖЛИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Алексеев Александр Борисович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация. В статье исследуется вопрос о невежливости в политическом дискурсе. Указывается, что дать универсальное определение понятию невежливости достаточно сложно, но, обращаясь к терминам «нападение на лицо» и «коммуникативные права», ученый может квалифицировать то или иное высказывание как невежливое, исходя не только или не столько из своих интуитивных, субъективных особенностей восприятия определенного речевого фрагмента, но и языковедческих критериев. В качестве методов исследования избраны общенаучный метод наблюдения, описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа, метод лингвопрагматического анализа, а также критический дискурс-анализ. В результате проделанной работы выделены несколько функций, которые невежливость выполняет в рамках политического дискурса: функция дискредитации, функция самопрезентации, функция политической диверсии, лудическая функция, катартическая функция. Основная функция, выполняемая невежливостью, связана с дискредитацией оппонента — дискредитация, по всей видимости, является и наиболее изученной в научной литературе. Однако необходимо принимать во внимание, что невежливость может также способствовать созданию позитивного имиджа говорящего, высвечивая его лидерские качества, жесткость, бескомпромиссность, серьезность намерений. Она позволяет человеку «выйти из толпы», стать заметным. Более того, в функции политической диверсии невежливость, являясь вызовом, способом непризнания легитимности власти того или иного государственного лица / группы лиц, способна изменять социальные иерархии в дискурсе, а учитывая креативную, социотрансформативную природу любой коммуникации, можно утверждать: невежливость оказывает влияние и на неязыковую реальность. Иногда невежливость в политическом дискурсе возникает непреднамеренно, будучи следствием эмоционального, катартического порыва, что особенно наглядно в ситуации, когда один из коммуникантов без особой на то причины перебивает говорящего. Наконец, невежливость оказывает развлекающее, лудическое воздействие на аудиторию, она способна мобилизовать избирателей, привить им неподдельный интерес к политике и происходящим событиям.

Ключевые слова: политический дискурс, невежливость, функция, нападение на лицо, дискредитация, политическая диверсия, катарсис.

Для цитирования: Алексеев, А. Б. (2022). О функциях невежливости в политическом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 118–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

Original article

UDC 81.6

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

ON THE FUNCTIONS OF IMPOLITENESS IN POLITICAL DISCOURSE

Alexander B. Alexeyev

The Russian Academy of Economics and State Service

by the President of the Russian Federation,

Moscow, Russia

neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract. The article dwells on the issue of impoliteness in political discourse. It is pointed out that to give a universal definition of impoliteness as a concept is rather problematic but such notions as ‘face attack’ and ‘specialty rights’ may appear helpful in classifying a certain expression as impolite not only relying on the intuitive or subjective perceptions in judgement, but on linguistic criteria. As for research methods, the general scientific method of observation, the descriptive-analytical method, the method of contextual analysis, the method of linguopragmatic analysis, and critical discourse analysis were chosen. As a result, the following functions of impoliteness in political discourse were singled out: the function of discrediting, the function of self-representation, the function of political subversion, the ludic function, the cathartic function. The principal function is discrediting. Apparently, discreditation is also the most well-studied function of impoliteness in scientific literature. Nevertheless, it is necessary to take into account that frequent use of impoliteness can also contribute to the positive image of the speaker, highlighting his or her leadership skills, toughness, intransigence, seriousness of intentions. The use of impoliteness helps grasp the audience’s attention. Furthermore, being a means of political subversion and a challenge to the authority of some official / officials, impoliteness influences social hierarchies in discourse. Bearing in mind the creative and sociotransformative nature of any communication, it is possible to claim that impoliteness impacts non-linguistic reality too. Sometimes it is possible for impoliteness to emerge not purposefully. It can be the result of emotional or cathartic outburst which is particularly traceable in the situations when one of the participants of communication interrupts another one for no obvious reason. Finally, impoliteness exerts an entertaining, or ludic impact on the audience. In this capacity, impoliteness can mobilize voters, get them interested in politics and the ongoing political events.

Keywords: political discourse, impoliteness, function, face attack, discreditation, political subversion, catharsis.

For citation: Alexeyev, A. B. (2022). On the functions of impoliteness in political discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 118–129. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.10

Введение

Первый вопрос, который необходимо осветить в связи с языковедческим изучением невежливости, имеет отношение к уточнению дифференциальных признаков данного феномена. Кроме того, следует проанализировать особенности функционирования невежливости в различных типах дискурса — в статье речь пойдет о дискурсе политическом.

Долгое время лингвистические исследования посвящались рассмотрению исключительно вежливости, а невежливость представлялась в них аномалией или прагматическим провалом, не заслуживающим серьезного внимания ученых [1, р. 9]. Сейчас такая точка зрения отвергается большинством лингвистов. В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что предмет лингвистики, в отличие от логики, не идеальный, а обычный, повседневный язык [2, с. 47], посредством которого и протекает процесс общения людей [3, S. 50], осуществляемый на основе выбора языковых единиц, наиболее соответствующих психологическому типу, социальному положению и прагматическим установкам говорящих.

В научной литературе отмечается тенденция к огрублению современной речи [4, с. 385]. Вне зависимости от того, как относиться к происходящим изменениям, их нельзя игнорировать, а поэтому несомненно, что тема настоящего исследования весьма актуальна. Новизна работы обуславливается тем, что, по имеющимся у нас сведениям, функциональные аспекты невежливости в политическом дискурсе были освещены недостаточно.

Трактовка понятия «невежливость»

С одной стороны, определить категорию невежливости, в том числе облаченную в форму иронии и сарказма, можно с позиций жизненного опыта индивидуума. Ситуация двусмысленности — когда приходится действительно задуматься о смысле сказанного — в реальной коммуникации встречается редко. Исходя из контекста и своего коммуникативного опыта, адресат, как правило, легко дифференцирует вежливый/невежливый модусы речи.

Подвергая невежливость лингвистическому рассмотрению, исследователь не может исходить из собственных интуитивных установок. Ему необходимы *научные* критерии, позволяющие квалифицировать высказывание как вежливое или невежливое. Дать универсальное определение понятию «невежливость» сложно, поскольку это явление настолько зависимо от ситуации общения, что то, что в одном случае носит явно невежливый характер, в другом — должно интерпретироваться совершенно иначе, ведь представления о невежливости у социальных (возрастных, гендерных) групп, не говоря уже об индивидуальных и национально-культурных особенностях восприятия того или иного типа речезыкового поведения, кардинально отличаются друг от друга.

Дж. Калпепер приводит пример неоднозначного толкования такого, казалось бы, очевидно невежливого поведения, как громкая ругань и брань.

Действительно, если молодые люди употребляют нецензурные слова в общественном транспорте или тихом жилом квартале, это предосудительно. Однако в толпе футбольных фанатов (или рок-музыкантов) грубая лексика несет важную функциональную нагрузку, способствуя единению коллектива. Автор заключает: невежливость — это подвижная, ситуативно обусловленная категория, зависящая, помимо прочего, от субъективного восприятия адресата. В итоге невежливость направлена на то, чтобы нанести человеку психоэмоциональный вред, негативно воздействовать на него [1, pp. 21–22].

В качестве основного термина при описании невежливости можно использовать выражение «нападение на лицо» (*англ.* face attack). Концепт «лицо» восходит к трудам Э. Гофмана, определявшего его как образ, формируемый личностью прежде всего для самой себя, предполагающий акцентирование ею своих позитивных характеристик, находящих одобрение в социуме. Причем этот образ способен распространяться на группу людей — так, человек, избирающий положительную самопрезентацию, одновременно может увеличивать престиж профессионального или религиозного сообщества, к которому он принадлежит [5, с. 18–19].

Итак, невежливость предполагает нападение, но не всегда сводима к нему. В частности, интерес для исследователя невежливости представляет понятие Х. Спенсер-Оати *speciality rights*, указывающее на то обстоятельство, что любая вежливая коммуникация строится на принципах справедливости, уважения и поведенческой уместности. Автор выделяет два основных вида коммуникативных прав, на которые может претендовать каждая личность, — это справедливость (*англ.* equity) и должная степень внимания (*англ.* association) [6, p. 16]. Нарушение данных коммуникативных прав неизбежно ведет к невежливости.

Материал и методы исследования

Предпринимаемое исследование выполняется преимущественно в русле лингвопрагматики и критического дискурс анализа (КДА), разработанного прежде всего усилиями зарубежных ученых — Т. Ван Дейка, Н. Фэркло, Р. Водак и др., — получившего признание и распространение и в отечественной науке.

Необходимо отметить, что и лингвопрагматика, и КДА не представляют собой однородных языковедческих школ и допускают весьма многообразные подходы к изучаемым феноменам. Так, в классической версии критической лингвистики акцент делается на рассмотрении общественно важных текстов, политически информированной и ангажированной трактовке дискурса, пристальном внимании к нелегитимным языковым практикам, в основе которых лежит либо манипуляция, либо вовсе опасные идеологические установки (расизм, сексизм, исламофобия). Указывается практическая необходимость оказывать недвусмысленную поддержку агентам перемен [7, с. 24], способствовать осведомленности общества о ключевых проблемах современности, ибо, говоря словами Н. Фэркло, «осознание — первый шаг к освобождению» [8, p. 1]. Главными методами КДА признаются *нормативная* и *эксплицитная критика* [9, с. 237].

Помимо апелляции к инструментарию КДА, в статье мы применяем и иные общенаучные и лингвистические методы, включая *наблюдение, описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа, метод лингвопрагматического анализа*.

Материалом исследования послужили 11 разножанровых политических текстов на трех языках — русском, английском, немецком.

Результаты и дискуссия

Традиционно считалось, что невежливость употребляется политиками, не имеющими шансов на успех. На наш взгляд, более точно сказать, что невежливость часто используется теми политиками, которые желают (или делают вид, что желают) подвергнуть пересмотру социальные отношения. Рассмотрим пример:

МАЛЬЦЕВ: Мы хотим спасти Россию от революции! Да, и я призываю к нормальной и законной революции, которую можно свершить лишь путем импичмента. Нужно отстранить от власти главный тормоз, который мешает нашей экономике (<http://www.svoboda.org/a/27938494.html>).

В. Мальцев — член партии ПАРНАС — выступает за импичмент президента. Такое заявление уже может рассматриваться как нападение на *лицо отношений*¹, ибо под сомнение ставится легитимность власти В. Путина, пользующегося поддержкой внушительной части электората. Оппозиционный политик не только не признает это, но и выдвигает требование импичмента, для осуществления которого партии ПАРНАС, не имеющей, как известно, представительства в Государственной думе, потребовалось бы большинство голосов в обеих палатах российского парламента.

Имело ли оппозиционное движение какие-либо шансы осуществить проект импичмента? Вопрос риторический, но сам факт того, что В. Мальцев в категоричной форме потребовал отстранения президента от должности, с помощью игры слов, в частности актуализации многозначности лексемы «тормоз», в жаргонном варианте русского языка обозначающей медлительного человека, оскорбив его, весьма значителен — своей бескомпромиссной позицией кандидат от партии ПАРНАС не мог не привлечь внимание общественности. В данном случае наблюдаем невежливость сразу в нескольких функциях, главным образом дискредитации и самопрезентации, соотносящейся с борьбой за внимание аудитории, — то, что в немецкой терминологии обозначается как *Aufmerksamkeitkampf* [10, р. 6]. Более того, посредством невежливости осуществляется попытка создания иллюзии изменившегося баланса политических сил — это функция политической диверсии (*англ. political subversion*) [11, р. 124], имеющая назначение с помощью актуализации креативной, социотрансформативной природы языка и дискурса воздействовать на неязыковую реальность.

¹ Термин Дж. Калпепера, в оригинале — *relational face* [1, pp. 28–31].

Невежливость активно используется для дискредитации политического оппонента, и при этом она достаточно часто сочетается с самопрезентацией кандидата, ведь понижая своего противника, политик стремится показать, что он другой, не такой как его *vis-à-vis*, что в крайнем своем проявлении представляет собой прием пропаганды, известный как «пугающая альтернатива» [12, с. 19]:

*CHRISTIE: ...maybe because I'm from New Jersey, I just have this kind of plain language hangup. But I would make very clear — I would not talk to Vladimir Putin. In fact, I would talk to Vladimir Putin a lot. But I'd say to him, «Listen, Mr. President, there's a no-fly zone in Syria; you fly in, it applies to you». And yes, we would shoot down the planes of Russian pilots if in fact they were stupid enough to think that this president was **the same feckless weakling that the president we have in the Oval Office is right now** (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).*

Губернатор штата Нью-Джерси К. Кристи стремится создать себе имидж жесткого, бескомпромиссного человека, который не будет прогибаться перед внешнеполитическими противниками США, для чего он в конце реплики фактически оскорбляет Б. Обаму, поскольку, по мнению говорящего, позиция президента по вопросу России недостаточно решительная и твердая.

Использование невежливости порой создает образ сильного лидера. Для этой цели она употребляется не только оппозицией, но и ведущими политиками, в том числе российским президентом:

*Ваши **так называемые эксперты** выдают желаемое за действительное. Я уже много слышал **бредней** по этому поводу (<https://www.youtube.com/watch?v=kG53ucGD9UM>).*

Оспаривая враждебную ему позицию, глава российского государства употребляет разговорное слово «бредни», а также добавляет к профессиональному званию «эксперты» характеристику «так называемые», что дискредитирует их.

В политическом дискурсе западных стран одним из способов самопрезентации кандидатов является отвержение норм политкорректности, что становится возможным в свете происходящей в современном мире «смене этических норм» [13, с. 145]. С чисто лингвистической точки зрения суть изменений может быть сведена к следующему: если раньше было престижным пользоваться общелитературным языком, строго следуя правилам, то сегодня политики, журналисты, представители прочих престижных интеллектуальных профессий все чаще стараются имитировать речезыковое поведение, отличающееся сниженным стилем [4, с. 385], что отчасти соотносится и с такими коммуникативными трендами современности, как *ювенилизация*, *презентационность* и *американизация* [14, с. 98].

Когда речь заходит о политкорректности, всегда имеет смысл обращаться к широкому социокультурному контексту, ведь противники политкорректности позиционируют себя, к примеру, борцами за свободу слова, гарантированную в большинстве стран Европы и США:

WEIDEL: Sogar die Auffettung der Einwohnerzahl durch zugewandte Straftäter mit mehrfachen Identitäten scheint sie überhaupt gar nicht zu stören. Doch ich

*kann Ihnen sagen **Burkas, Kopftuchmädchen und alimentierte Messermänner und sonstige Taugenichtse** werden unseren Wohlstand das Wirtschaftswachstum und vor allem den Sozialstaat nicht sichern* (<https://www.youtube.com/watch?v=Mtu3MMUph4A>).

Это высказывание А. Вайдель оскорбительно для всех женщин-мусульманок, носящих платок, поскольку они поставлены в один ряд с террористами и никчемными людьми. Такая противоречивая риторика депутата Бундестага служит определенным прагматическим целям: избирателю демонстрируется серьезность ее намерений, готовность бороться с мигрантами.

В оппозиционном немецком политическом дискурсе употребляется невежливость и в функции политический диверсии:

*BAUM: Und deshalb schicke ich von hier aus einen Gruß nach Berlin an unsere **geliebte Kanzlerin**. Frau Doktor Merkel, wir kommen und ihre gemütliche ruhigen Stunden im Bundestag sind ein für alle Mal vorbei. Wir treten Ihnen selbstbewusst entgegen und wir werden Ihr **verantwortungsloses Verhalten** tagtäglich vor Augen führen und Rechenschaft verlangen. ... Sie, **Frau Merkel und Co.**, Sie werden die **Verantwortung dafür übernehmen müssen, was Sie unserem Volk angetan haben**. Und ich habe mir vorgenommen solange bei Politik dabei bleiben bis **Sie Frau Doktor Merkel vor Gericht stehen**. Und ich bin ganz sicher: dieser Tag ist nicht mehr weit* (<https://www.youtube.com/watch?v=SiD5wVELE1o>).

На первый взгляд, высказывание К. Баум — представительницы партии «Альтернатива для Германии» — соответствует формальным признакам вежливости: обращаясь лично к главе ФРГ, политик использует местоимение «Вы» и официальный титул *Frau Doktor Merkel*. Однако одновременно употребляется ирония, выраженная во фразах *unsere geliebte Kanzlerin* («наша любимая госпожа канцлер») и *Frau Merkel und Co.* Второй вокатив недвусмысленно указывает на предполагаемую коррумпированность немецкого правительства, его связь с крупными корпорациями, чьи интересы оно, согласно точке зрения оппозиции, лоббирует. А. Меркель обвиняется в безответственном поведении и принятии преступных решений, вредящих немецкому народу. В словах К. Баум звучит убежденность, что бундесканцлер должна предстать перед судом, и день, когда это случится, по ее мнению, близок. Тем самым легитимность власти демократически избранного политика отрицается.

Обвинение — это речевой акт, традиционно осуществляемый властными людьми по отношению к безвластным [15, с. 258]. В политическом дискурсе данная закономерность временами не соблюдается: (оппозиционные) политики, не имеющие еще реальных рычагов власти, выдвигают громкие обвинения — тем самым обосновываются их претензии на власть, а коммуникация ведется с платформы по меньшей мере морального превосходства над противником. В этой связи употребляются фразы ‘Shame on you!’, ‘Schämen Sie sich!’, «Как вам не стыдно!», что при условии равного социального статуса участников общения может трактоваться как невежливость, а именно,

если придерживаться терминологии Дж. Калпепера, нападение на *лицо качеств и отношений* [1, pp. 28–31]:

CLINTON: Once again he asked for visas to employ foreign workers at his country clubs because he says he can't find any American workers. Shame on you, Donald Trump! Shame on you! (<https://www.youtube.com/watch?v=giUQiXAXuAQ>).

Чаще всего обвинения выполняют функцию дискредитации. Обвинения в адрес оппонента иногда сопровождаются требованиями изменить свое поведение, например прекратить врать.

То, что политики обвиняют своих коллег в совершении не только аморальных, но и противозаконных действий, угрожая им судом, тоже не является редкостью. Яркий пример — заявление Д. Трампа во время вторых президентских дебатов о возможности уголовного преследования Х. Клинтон:

TRUMP: ...if I win, I am going to instruct my attorney general to get a special prosecutor to look into your situation, because there has never been so many lies, so much deception (<https://www.youtube.com/watch?v=ooShpws3Dik>).

Невежливость в политическом дискурсе нередко возникает и вследствие перебивания говорящего, т. е., в терминах Х. Спенсер-Оати, нарушения его коммуникативных прав [6, p. 16]. Обычно в таких случаях она выполняет *катартическую функцию*:

BUSH: You said on September 30th that ISIS was not a factor.

TRUMP: Am I talking or are you talking, Jeb?

BUSH: I'm talking right now. I'm talking.

TRUMP: You can go back. You're not talking. You interrupted me.

...

BLITZER: Go ahead, Mr. Trump.

TRUMP: So...

BUSH: A little of your own medicine there, Donald (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Катартическая (катарсис — от др.-греч. *Κάθαρσις*, досл.: очищение) функция невежливости едва ли связана с реализацией стратегического плана; скорее, она является результатом эмоционального состояния человека. Обратим внимание на фразу Дж. Буша ‘A little of your own medicine there’, указывающую, что кандидат хочет отплатить своему обидчику той же монетой, негативно воздействовать на его психоэмоциональное состояние. Впрочем, Д. Трамп легко парировал попытку Дж. Буша захватить коммуникативную инициативу, заметив:

... I know you're trying to build up your energy, Jeb, but it's not working very well (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Во-первых, данная реплика напоминает избирателю о диффамирующем ярлыке, который был прикреплен к личности Дж. Буша, — «неэнергичный» (англ. low-energy). Во-вторых, она вызвала смех аудитории, что говорит о ее лудическом воздействии (от лат. *ludus* — игра).

Современный политический дискурс потребляется массовым адресатом. Большинство людей, смотрящих политические новости по телевизору или Интернету, на самом деле, хотят отдохнуть, например, после рабочего дня, параллельно узнав о том, «что в мире творится». Серьезные дискуссии, скучные, длинные речи вряд ли импонируют зрителям, поскольку они требуют большой умственной нагрузки. Именно поэтому кандидату очень важно развеселить аудиторию, заинтересовать ее, а сделать это можно благодаря употреблению невежливых фраз — в этом заключается еще одна важная функция невежливости — *лудическая* [16, р. 219].

Д. Трамп в своих предвыборных речах актуализировал эту функцию, превращая политический дискурс в своеобразный политейнмент (от *англ.* слов *politics + entertainment*), *в основе которого лежат* (полу)шутливые *нарративы* [17, с. 30]. Сам кандидат в президенты отмечал, что ему, в отличие от Х. Клинтон, не надо приглашать на митинги звезд — он и так собирает тысячи людей:

TRUMP: I hear we set a new record for this building and by the way, I did not have to bring Jay Lo and Jay Z, the only way she gets anybody. I am here all by myself. Just me, no guitar, no piano, no nothing (<https://www.youtube.com/watch?v=Dj1L0TNNHTg>).

Выделенная фраза является не только дискредитацией, но и включает в себя достаточно фамильярное обращение к политическому противнику — говорящий даже не утруждается назвать имя своей соперницы, ведя речь о «ней», что тоже может быть воспринято в качестве невежливости.

Позднее, выступая перед аудиторией уже в должности президента, Д. Трамп сравнивал себя со знаменитым музыкантом Э. Джоном:

I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don't have a musical instrument... (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/>).

Лудической функции служили многочисленные оскорбления, которые Д. Трамп употреблял по отношению к своим конкурентам. Для усиления воздействия им использовался прием гиперболизации — намеренного преувеличения слабостей своих оппонентов. Благодаря этому создавался комический эффект:

Jeb Bush, a very low-energy individual, signed a pledge — while he was signing it, he fell asleep (<https://www.youtube.com/watch?v=WdkwXsUBhoQ>).

Еще один способ развлечения аудитории, актуализируемый Д. Трампом, — использование неполиткорректной лексики. Причем для него характерно издевательство над нормами политкорректности, намеренное столкновение в пределах одной фразы нескольких «смысловых оболочек» [18, с. 65] — относительно вежливой и невежливой форм выражения:

We have a president who doesn't have a clue. I would say he's incompetent, but I don't want to do that because that's not nice (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>).

Выражения ‘not to have a clue’ и ‘to be incompetent’ — синонимы. Первое представляет собой достаточно мягкое изречение мысли (эвфемизм), второе — несколько прямолинейно. Кандидат не без помощи манипуляции отказывается произносить словосочетание ‘to be incompetent’, но на самом деле очевидно,

что он не только произносит его, но и в пределах короткого речевого фрагмента дважды вербализирует основную идею, что действующий президент США некомпетентен. Оговорки же способствуют развлекающему эффекту — кандидат утверждает, что, руководствуясь соображениями вежливости, не хочет говорить слишком резко, но как бы мимоходом вербализирует дискредитирующую фразу. В риторике этот прием иногда именуется термином *прохождение*².

Более того, Д. Трамп нередко дает метаязыковые комментарии для того, чтобы закрепить в сознании избирателей свои лозунги. В следующем примере политик добивается того, чтобы аудитория запомнила фразу ‘Drain the swamp!’:

*I want **the entire corrupt Washington establishment** to hear the words we are all about to say. When we win on November the 8th, **we are going to drain the swamp**. I keep telling people I hated that expression. I said it's so hawky. And then one group heard it, they went crazy, another group heard it. Then we had a big-big rally in Florida. They went crazy about it. And now I love it. It's true. It's very accurate* (<https://www.youtube.com/watch?v=Dj1L0TNNHTg>).

Лудическая функция невежливости проявляется и в намеках, инсинуациях, иронических замечаниях.

Заключение

Невежливость — сложное многофункциональное дискурсивное явление. Точка зрения, что политик должен быть всегда вежливым и политкорректным, долгое время торжествовавшая в научной литературе, может быть принята без скепсиса, только если исходить из лингвоэтических побуждений и вытекающих отсюда прескриптивных исследовательских установок. Напротив, если предпринимать анализ политического дискурса с позиций лингвопрагматики, необходимо признать, что современному политику полезно владеть как вежливыми, так и невежливыми модусами речи, употребляя их соответственно ситуации и задачам, которые он перед собой ставит.

В настоящей статье были упомянуты следующие функции, выполняемые невежливостью в политическом дискурсе: функция дискредитации, функция самопрезентации, функция политической диверсии, лудическая функция, катартическая функция. Несомненно, необходимо их более детальное рассмотрение. На данном этапе более или менее подробное освещение получила разве что дискредитация — даже стратегия самопрезентации редко соотносится с понятием невежливости. Почти неизученными в аспекте их связи с невежливыми формами самовыражения остаются функция политической диверсии, лудическая и катартическая функции. Можно также предположить, что функциональные возможности невежливости в рамках политической коммуникации не ограничиваются выделенными нами функциями, а следовательно, требуются дальнейшие исследования, адресованные этой актуальной лингвистической проблеме.

² Можно также предложить термин *упоминание вскользь*.

Список источников

1. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge Press.
2. Равочкин, Н. Н. (2020). Языковые игры в сфере политики и права: аналитические философы vs постмодернисты. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2, 46–53.
3. Bartoszewicz, I. (2000). *Formen der Persuasion im deutsch-polnischen politischen Dialog*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
4. Ларина, Т. В. (2009). *Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*. Рукописные памятники Древней Руси.
5. Гофман, Э. (2009). *Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу*. Смысл.
6. Spencer-Oatey, N. (2008). *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory*. Continuum International Publishing Group.
7. Ван Дейк, Т. А. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Либроком.
8. Fairclough, N. (1989). *Language and power*. Longman Group.
9. Ионова, А. О. (2016). Современные подходы к анализу политического дискурса. *Политическая наука*, 3, 236–259.
10. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
11. McEnery, T. (2009). *Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present*. Routledge.
12. Гринберг, Т. Э. (2005). *Политические технологии: ПР и реклама*. Аспект Пресс.
13. Ратмайр, Р. (2013). *Русская речь и рынок: традиции и инновации в деловом и повседневном общении*. Языки славянской культуры.
14. Кондакова, Е. А., Принципалова, О. В. (2021). Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность. *Вестник НГУ*, 2, 143–156.
15. Галичкина, Е. Н. (2019). Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации. *Известия ВГПУ*, 2 (135), 97–100.
16. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
17. Михайлова, О. Р. (2021). Возможности применения эго-сетевого анализа для изучения распространения моральной паники на межличностном уровне. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2, 28–47.
18. Эрлих, С. Е. (2016). *Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий*. Нестор-История.

References

1. Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offence*. Cambridge Press.
2. Ravochkin, N. N. (2020). Yazy'kovy'e igry` v sfere politiki i prava: analiticheskie filosofy` vs postmodernisty`. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2, 46–53. (In Russ.).
3. Bartoszewicz, I. (2000). *Formen der Persuasion im deutsch-polnischen politischen Dialog*. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
4. Larina, T. V. (2009). *Kategoriya vzhlivosti i stil` kommunikacii: sopostavlenie anglijskix i russkix lingvokul`turny`x tradicij*. Rukopisny`e pamyatniki Drevnej Rusi. (In Russ.).

5. Gofman, E. (2009). *Ritual vzaimodejstviya: Oчерki povedeniya licom k licu*. Smy`sl. (In Russ.).
6. Spencer-Oatey, H. (2008). *Culturally Speaking. Culture, Communication and Politeness Theory Continuum International Publishing Group*.
7. Van Dejk, T. A. (2013). *Diskurs i vlast` : Rerezentaciya dominirovaniya v yazy`ke i kommunikacii*. Librokom. (In Russ.).
8. Fairclough, N. (1989). *Language and power*. Longman Group UK Limited.
9. Ionova, A. O. (2016). Sovremenny`e podxody` k analizu politicheskogo diskursa. *Politicheskaya nauka*, 3, 236–259. (In Russ.)
10. Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Francke Verlag.
11. McEnery, T. (2009). *Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present*. Routledge.
12. Grinberg, T. E. (2005). *Politicheskie texnologii: PR i reclama*. Aspekt Press. (In Russ.).
13. Ratmayr, R. (2013). *Russkaya rech` i ry`nok: tradicii i innovacii v delovom i povsednevnom obshhenii*. M.: Yazy`ki slavyanskoj kul`tury`. (In Russ.).
14. Kondakova, E. A., Printsipalova, O. V. (2021). Lingvokognitivnaya struktura nemeczkogo diskursa o politikorrektnosti: istoriya i sovremennost`. *Vestnik NGU*, 2, 143–156. (In Russ.).
15. Galichkina, E. N. (2019). Tipologiya rechevy`x zhanrov setevoj komp`yuternoj kommunikacii. *Izvestiya VGPU*, 2 (135), 97–100. (In Russ.).
16. Leech, G. (2014). *The pragmatics of politeness*. Oxford University Press.
17. Mixaylova, O. R. (2021). Vozmozhnosti primeneniya e`go-setevogo analiza dlya izucheniya rasprostraneniya moral`noj paniki na mezhindividual`nom urovne. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: e`konomicheskie i social`ny`e peremeny`*, 2, 28–47. (In Russ.).
18. E`rlix S. E. (2016). *Vojna mifov. Pamyat` o dekabristax na rubezhe ty`syacheletij*. Nestor-Istoriya. (In Russ.).

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры профессиональной языковой подготовки Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the author

Alexander B. Alexeyev — PhD (Philology), senior lecturer, Professional Language Preparation Department, The Russian Academy of Economics and State Service by the President of the Russian Federation.

Языковое образование. Методика преподавания филологических дисциплин

Language Teaching. Methodology of Teaching Foreign Languages

Научная статья

УДК 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.11

МОДЕЛЬ ОПИСАНИЯ УРОВНЕЙ ВЛАДЕНИЯ ЯПОНСКИМ ЯЗЫКОМ КАК ИНОСТРАННЫМ, РАЗРАБОТАННАЯ ЯПОНСКИМ ФОНДОМ

Абэ Хирочи¹

Мисочко Григорий Олегович²

Федянина Владлена Анатольевна³

¹ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
XiroshiA@mgru.ru

² Киотский университет иностранных языков
Киото, Япония
MisochkoGO@mgru.ru

³ Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
FedyaninaVA@mgru.ru

Аннотация. В статье анализируются дескрипторы, описывающие уровни владения японским языком как иностранным, разработанные Японским фондом. Особое внимание в работе уделяется рассмотрению параметров описания языковой коммуникации, которые стали основанием для систематизации дескрипторов.

Ключевые слова: уровни владения иностранным языком, японский язык, дескрипторы, CEFR, Стандарт Японского фонда (JF Standart).

© Абэ Х., Мисочко Г. О., Федянина В. А., 2022

Для цитирования: Абэ, Х., Мисочко, Г. О., Федянина, В. А. (2022). Модель описания уровней владения японским языком как иностранным, разработанная Японским фондом. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 130–140. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.11

Original article

UDC 372.881.1

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.11

THE LEVELS OF JAPANESE LANGUAGE PROFICIENCY: A DESCRIPTION MODEL DESIGNED BY THE JAPAN FOUNDATION

Hiroshi Abe¹**Grigory O. Misochko**²**Vladlena A. Fedianina**³

¹ Moscow City University,
Moscow, Russia
XiroshiA@mgpu.ru

² Kyoto University of Foreign Studies,
Kyoto, Japan
MisochkoGO@mgpu.ru

³ Moscow City University,
Moscow, Russia
FedyaninaVA@mgpu.ru

Abstract. The paper analyzes level descriptors of Japanese language proficiency developed by the Japan Foundation. We focus on the parameters describing language communication. These parameters have become the basis for the systematization of descriptors.

Keywords: levels of foreign language proficiency, Japanese language, descriptors, CEFR, the Japan Foundation Standard (JF Standard).

For citation: Abe, H., Misochko, G. O., Fedianina, V. A. (2022). The levels of Japanese language proficiency: a description model designed by the Japan foundation. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 130–140. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.11

Введение

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения существующих систем уровней владения японским языком. Это вызвано потребностью, имеющейся в российской системе образования, в адаптации подобной зарубежной системы или в создании новой, российской, для определения уровня языковой подготовки при обучении японскому языку русскоговорящих обучающихся.

Цель данного исследования заключается в анализе дескрипторной модели в системе уровней японского языка, разработанной Японским фондом. *Дескриптором уровня владения иностранным языком* мы называем короткие описания, регистрирующие факты наличия определенных знаний, навыков и умений, необходимых для осуществления иноязычной коммуникации.

В российской педагогике вопросам определения уровня владения восточными языками, в частности китайским, последнее время уделяется значительное внимание [1]. Дается анализ системы уровней владения японским языком сравнительно с иными национальными системами [2]. Предложено дескрипторное описание начальных уровней владения японским языком [3], с ориентиром на это дескрипторное описание предложены задания для школьной олимпиады по японскому языку [4; 5]. С учетом уровня владения японским языком предложены критерии отбора языкового и речевого материала [6], языковой портфель для изучающих японский язык [7].

В Японии система уровней владения японским языком как иностранным разработана Японским фондом (*Кокусай ко:рю: кикин*, англ. Japan Foundation). Разработчики назвали свою систему уровней и их описания «Стандартом Японского фонда для обучения японскому языку», сокращенно — «Стандарт ЯФ» (*JF сутанда:то*). «Стандарт ЯФ» разрабатывался с 2005 г. на основе системы CEFR, которая применяется в европейской методике преподавания иностранных языков. Разработка завершилась опубликованием «Стандарта ЯФ» в 2010 г. [8, с. 1].

Концепции «Стандарта ЯФ», определившие систему уровней владения японским языком как иностранным

Е. Г. Тарева и А. В. Деркач кратко характеризуют основания для параметров в уровнях «Стандарта ЯФ» [2, с. 100–101]. Остановимся на них подробнее. «Стандарт ЯФ», базируясь на принципах CEFR, учитывает особенности японского языка и японской культуры. Основной концепцией CEFR стало применение деятельностного и компетентностного подходов, что обуславливает взаимосвязь изучения и использования языка. Деятельностно-компетентностный подход, который «приобрел сегодня методологический статус как в области общей дидактики, так и в методике преподавания иностранных языков» [9, с. 66], использован также для создания «Стандарта ЯФ».

Владение японским языком описывается в «Стандарте ЯФ» как система двух основных компетенций: 1) способность решать поставленные задачи, используя японский язык; 2) способность осуществлять межкультурное взаимодействие с учетом различий родной и японской культуры [8, р. 1].

Подход ЯФ, ориентированный на практические действия, обусловил понимание языковой коммуникации как реализации в общении коммуникативной языковой компетенции (*комюникэ:сён гэнго но:рёку*) и коммуникативной языковой деятельности (*комюникэ:сён гэнго кацудо:*) [10, с. 7]. Схематично

параметры (досл.: «категории») языковой коммуникации отражены на схеме, получившей название «Дерево стандарта ЯФ» [Там же, с. 14].

Параметры для описания языковой коммуникации, предложенные «Стандартом ЯФ»

«Стандарт ЯФ» предлагает в общей сложности 53 параметра, относящихся к коммуникативным языковым компетенциям, коммуникативной языковой деятельности, стратегиям (хо:рюку) и текстам (тэкисуто). Эти четыре метакатегории используются для систематизации дескрипторов.

Коммуникативная языковая компетенция в «Стандарте ЯФ» включает в себя компетенции, владение которыми обеспечивает деятельность (решение необходимых задач), осуществляемую с помощью японского языка. Коммуникативная языковая компетенция в «Стандарте ЯФ» состоит из трех основных: 1) лингвистической (лексическая, семантическая, орфоэпическая, грамматическая, фонологическая, орфографическая); 2) социолингвистической (умение использовать японский язык в социолингвистическом контексте); 3) стратегической (правила построения высказываний и создания текста).

Более подробное описание этих компетенций представлено в таблице 1. Цифра соответствует номеру на «Дереве стандарта ЯФ».

Таблица 1

Коммуникативная языковая компетенция, представленная на «Дереве стандарта ЯФ»

Коммуникативная языковая компетенция	
Основные компоненты	Параметры (категории)
Лингвистическая компетенция	Общее владение языком (41), семантическая компетенция (1), область использования лексики (42), орфоэпическая компетенция (2), использование лексики (43), грамматические навыки (44), фонетические навыки (45), орфографические навыки (46)
Социолингвистическая компетенция	Уместное использование языка в социолингвистическом контексте (47)
Стратегическая компетенция	<i>Дискурсивная компетенция</i> Гибкость (48), ведение диалога (49), развитие темы (50), лаконичность и связность (51)
	<i>Функциональная компетенция</i> Беглость (52), четкость повествования (53)

Коммуникативная языковая деятельность, по мнению разработчиков «Стандарта ЯФ», — это процесс понимания или высказывания (в устной или письменной форме) мысли, выраженной посредством японского языка (ЯЯ). Подробнее составляющие коммуникативной языковой деятельности представлены в таблице 2. Цифра соответствует номеру на «Дереве стандарта ЯФ».

Таблица 2

**Коммуникативная языковая деятельность, представленная
на «Дереве стандарта ЯФ»**

Коммуникативная языковая деятельность	
Виды речевой деятельности	Параметры (категории)
Рецептивная	
<i>Аудирование (1)</i>	Понимание диалога между носителями ЯЯ (2), понимание презентаций и речей (3), понимание указаний и объявлений (4), слушание аудиозаписей (5), просмотр телепередач (11)
<i>Чтение (6)</i>	Чтение писем (7), поиск важной информации (8), выделение важной информации и основных положений текста (9), чтение инструкций (10)
<i>Стратегии</i>	Выстраивание предложение (устных и письменных) (32)
Продуктивная	
<i>Говорение (12)</i>	Монологическое высказывание (13), формулировка своей точки зрения (14), публичные оповещения (15), выступления перед публикой (речь, презентация) (16)
<i>Письмо (7)</i>	Написание сочинений (18), написание отчетов и статей (19)
<i>Стратегии</i>	Планирование высказываний (33), компенсация иным способом (34), проверка и редактирование (35)
Интерактивная	
<i>Устное взаимодействие (20)</i>	Взаимодействие с носителем ЯЯ (21), социальные контакты (22), неформальный диалог (23), официальные встречи и обсуждения (24), взаимодействие на рабочем месте (25), взаимодействие в магазинах и других общественных местах (26), обмен информацией (27), прохождение/проведение собеседования (28)
<i>Письменное взаимодействие (29)</i>	Написание писем (в том числе электронных) (30), написание документов и сообщений (31)
<i>Стратегии</i>	Диалог (36), активное участие в дискуссии (37), просьба дать объяснение (38)
Тексты, общие для различных видов коммуникативной языковой деятельности	
<i>Все виды</i>	Написание заметок и примечаний (39), записи и резюмированные (40)

Стратегии (общие и коммуникативные) — в совокупности это сценарий, план действий для достижения поставленной задачи, являющийся посредником между коммуникативной языковой деятельностью и коммуникативной языковой компетенцией. Стратегии можно также определить как применение метакогнитивных принципов (планирование, компенсация, мониторинг, исправление) ошибок по каждому виду речевой деятельности.

Тексты — устные или письменные высказывания, которые производят или понимают в определенной сфере общения для решения конкретных задач.

Шесть уровней и их общие дескрипторы владения японским языком как иностранным, предлагаемые Японским фондом

Полнота владения коммуникативной языковой компетенцией и способность осуществлять коммуникативную языковую деятельность демонстрируется в шести уровнях владения японским языком: A1, A2, B1, B2, C1, C2 (от низшего к высшему). «Стандарт ЯФ» предусматривает создание промежуточных уровней (до девяти в общей сложности). Дескрипторная характеристика «Стандарта ЯФ», описывающая шесть уровней владения языком, носит название Can-do. Каждый из шести основных уровней описывается кратким набором дескрипторов, более точно характеризующих степень владения ЯЯ. Они предназначены для того, чтобы сделать данную систему понятной для неспециалистов и служить руководством не только для преподавателей, но и для обучающихся.

Таблица 3

Общие дескрипторы шести уровней владения японским языком (соответствует общей шкале CEFR)

A1 Элементарный	<p>Умение понимать и использовать устоявшиеся повседневные фразы, необходимые для удовлетворения конкретных потребностей.</p> <p>Умение представить себя и другого человека, а также способность задавать и самому отвечать на вопросы о месте жительства, знакомых, вещах и личной информации.</p> <p>Умение поддержать простой диалог, если собеседник говорит четко и медленно</p>
A2 Предпороговый	<p>Умение понимать часто используемые фразы и выражения, касающиеся весьма конкретной личной информации, информации о семье, покупках, окрестностях, работе и других сферах, имеющих прямое отношение к говорящему.</p> <p>Умение обмениваться информацией о повседневных вещах, при простоте и достаточной известности информации.</p> <p>Умение в простых выражениях объяснить свое происхождение, общественное положение</p>
B1 Пороговый	<p>Умение простыми словами рассказать о себе и обстановке вокруг, а также дать объяснение событиям, которые имеют непосредственную значимость для говорящего.</p> <p>Умение справляться с большей частью проблем, которые могут возникнуть в путешествии.</p> <p>Умение составлять логически связные тексты на знакомые и интересующие говорящего темы; уметь рассказывать о своем опыте, достижениях, желаниях, мечтах, аргументировать свое мнение и давать короткие объяснения</p>

<p style="text-align: center;">B2 Пороговый продвинутый</p>	<p>Умение понимать основное содержание сложных текстов на абстрактные или конкретные темы, включающие дискуссии на технические темы в собственной области знаний.</p> <p>Умение естественно и свободно разговаривать с носителями языка без волнения.</p> <p>Умение составлять подробные и понятные тексты на широкий круг тем, а также уметь выражать свою точку зрения, приводя аргументы за и против касательно различных вопросов</p>
<p style="text-align: center;">C1 Уровень профессионального владения</p>	<p>Умение понимать довольно длинные тексты сложного уровня всевозможного содержания и понимать их смысл.</p> <p>Умение бегло и естественно выражать свои мысли, не тратя время на подбор слов.</p> <p>Умение гибко и эффективно подбирать слова в соответствии с целью в социальной сфере, учебе или работе.</p> <p>Умение создавать точный и подробный текст с четкой структурой на сложную тему. Используемые в этих текстах обороты создают впечатление о профессионализме автора</p>
<p style="text-align: center;">C2 Уровень свободного владения языком</p>	<p>Практически полное понимание содержания прочитанного и прослушанного. Умение воспроизвести информацию, полученную из устных или письменных источников. Умение бегло, естественно и при этом без ошибок выражать свои мысли, описывать тонкий смысловой нюанс и различие между двумя понятиями даже в чрезвычайно сложной ситуации</p>

Подробные дескрипторы

При постановке конкретных целей пользователи нуждаются в уточнении предложенных дескрипторов, данных в общей шкале. Для этого ЯФ разработал детальную характеристику уровней и представил их с помощью иллюстративных дескрипторов *Can-do*. Они описывают восприятие интерактивных видов деятельности и порождения речи. Данный подход позволяет объективно оценить уровень владения ЯЯ и уточнить дальнейшие цели обучения. Они соотносятся с основными параметрами (категориями) описательной схемы «Дерево стандарта ЯФ».

«Стандарт ЯФ» предлагает пользоваться двумя шкалами дескрипторов [11]: а) дескрипторы, соответствующие системе *CEFR Can-do*; б) дескрипторы *JF Can-do*, созданные с учетом особенностей коммуникативной деятельности при использовании ЯЯ.

Обе шкалы дескрипторов созданы с учетом: 1) контекста использования языка; 2) тем коммуникации; 3) коммуникативных целей и задач; 4) видов речевой деятельности; 5) коммуникативных стратегий; 6) текстов. Рассмотрим подробнее некоторые из указанных факторов.

Учет *коммуникативных целей и задач* — это ориентированность дескрипторов на коммуникативные задачи в различных сферах коммуникации (личной, социальной, профессиональной, образовательной) с учетом потребностей

изучающего ЯЯ. Принимаются во внимание невербальная коммуникация, сопровождающая языковую деятельность, и действия, а также паратекстуальные элементы, которые должен узнавать, понимать, применять изучающий японский язык.

Дескрипторы классифицированы *по видам речевой деятельности* — это продуцирование, рецепция, интерактивная деятельность (устное/письменное взаимодействие, включающее в том числе посредническую деятельность; общение с помощью технических средств).

Тексты (5) и стратегии (6) охарактеризованы в настоящей статье ранее.

Классификации дескрипторов уровней владения японским языком иностранными обучающимися

Иллюстративные дескрипторы обеих шкал, CEFR и JF Can-do, соотносятся с четырьмя группами параметров, или *метакатегориями*, представленными в «Дереве стандарта ЯФ», — это языковая деятельность, стратегии, тексты, языковая компетенция.

Дескрипторы CEFR (японский язык)

Это 493 дескриптора шести уровней от A1 до C2, переведенных на японский язык с английского языка (АЯ) Сигэру Ёсидзума и Риэ Оохаси [11]. Дескрипторы CEFR Can-do систематизированы по следующей схеме (табл. 4).

Таблица 4

Классификация дескрипторов в CEFR Can-do

№ дескриптора	Мета-категория (все четыре)	Виды РД (рецептивная/продуктивная/интерактивная)	Параметры (53)	Уровень (от A1 до C2)	Дескриптор CEFR Can-do на ЯЯ	Дескриптор CEFR Can-do на АЯ
---------------	-----------------------------	--	----------------	-----------------------	------------------------------	------------------------------

Дескрипторы JF Can-do

Созданы с учетом особенностей коммуникативной деятельности при использовании ЯЯ. Всего 552 дескриптора для уровней A1, A2, B1, B2. Для уровней C1 и C2 подобная характеристика пока отсутствует. Дескрипторы JF Can-do представлены только для коммуникативной языковой деятельности с учетом коммуникативных тем и систематизированы по следующей схеме (табл. 5).

Таблица 5

Классификация дескрипторов в JF Can-do

№ дескриптора	Тип (ЯФ/ЯФ для Маругото)	Мета-категория (только коммуникативная деятельность)	Уровень (от A1 до B2)	Виды речевой деятельности (рецептивная/продуктивная/интерактивная)	Параметры	Коммуникативная тема	Дескриптор JF Can-do на ЯЯ	Дескриптор JF Can-do на АЯ
---------------	--------------------------	--	-----------------------	--	-----------	----------------------	----------------------------	----------------------------

Внутри сфер коммуникации (личная, общественная (социокультурная), профессиональная, образовательная) JF Can-do предлагает 15 тем, иллюстрирующих ситуации речевого общения на ЯЯ [11].

Наглядно сравнение способов представления дескрипторов, или их систематизации, приводится в таблице 6.

Таблица 6

Сравнение способов представления дескрипторов CEFR Can-do и JF Can-do

Параметры	CEFR Can-do	JF Can-do
Коммуникативная языковая деятельность	319 (по трем основным видам речевой деятельности)	552 (по трем основным видам речевой деятельности)
Стратегии	46 (по трем основным видам речевой деятельности)	–
Тексты	15	–
Коммуникативные языковые компетенции	113 (по основным группам языковых компетенций: лингвистическим, социолингвистическим и прагматическим (стратегическая в «Дереве стандарта ЯФ»))	–
Коммуникативные темы	В тексте дескриптора	15 основных тем
Уровни	От А1 до С2	От А1 до В2
Итого дескрипторов	493	552

Заключение

Каждый из шести основных уровней владения японским языком в системе ЯФ описывается краткими наборами дескрипторов. Для первых четырех уровней также разработаны детальные дескрипторы, описывающие конкретные языковые компетенции, на которых должен сосредоточиться учащийся, и позволяющие составить план обучения, соответствующий целям при обучении ЯЯ.

Изучение уровней описания владения иностранным языком CEFR и ЯФ, а также сравнение рассмотренных выше способов систематизации дескрипторов позволяет выявить следующую модель описания уровней владения японским языком с помощью дескрипторов.

1. Основные уровни ЯЯ (описано 6, но возможно выделить 9).
2. Краткие дескрипторы по каждому из шести уровней (по видам речевой деятельности).
3. Подробные дескрипторы по уровням А1, А2, В1, В2 с учетом: 1) контекста использования языка; 2) тем коммуникации; 3) коммуникативных целей и задач; 4) видов речевой деятельности; 5) коммуникативных стратегий; 6) текстов.

Данная модель может быть положена в основу создания дескрипторов для описания уровней владения японским языком применительно к русскоязычным обучающимся с учетом национальной культуры. О важности диалога культур и развития межкультурной коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку говорилось в работе Е. Г. Таревой, А. В. Щепиловой и Б. В. Тарева [12, с. 246].

Список источников

1. Гурулева, Т. Л. (2018). Компетенция владения китайским языком: компонентные и уровневые характеристики. *Высшее образование в России*, 7 (27), 153–163.
2. Тарева, Е. Г., Деркач, А. В. (2021). Сопоставительный анализ национальных систем уровней владения иностранным языком в аспекте унификации и вариативности. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (43), 95–104.
3. Абэ, Х., Скопечный, Т. Г. (2020). Дескрипторная характеристика уровня владения японским языком для учащихся 10 и 11 классов. *Иностранные языки в школе*, 12, 70–76.
4. Буландо, Р. И., Мизгулина, М. Н., Кузнецова, С. М., Федянина, В. А. (2019). Японский язык: примеры заданий олимпиадного формата. *Иностранные языки в школе*, 12, 102–112.
5. Мозгунова, А. Д., Буландо, Р. И. (2021). Составление олимпиадных заданий по японскому языку. *Иностранные языки в школе*, 1, 79–84.
6. Тарева, Е. Г., Федянина, В. А., Мизгулина, М. Н. (2020). Критерии отбора языкового и речевого материала при составлении олимпиадных заданий по японскому языку. *Иностранные языки в школе*, 10, 85–91.
7. Федянина, В. А., Деркач, А. В., Мизгулина, М. Н. (2022). Проектирование языкового портфеля для изучающих японский язык (уровни А1 и А2). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4 (44), 92–101.
8. JF Standard for Japanese-Language Education. (2010). The Japan Foundation. https://jfstandard.jp/pdf/jfs2010_all_en.pdf
9. Тарева, Е. Г., Казанцева, Е. М. (2011). Деятельностно-компетентностный подход к созданию учебных пособий для подготовки бакалавров. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2 (8), 65–77.
10. JF Нихонго кё:ику сутанда-до. Риё:ся-но тамэ-но гайдо букку. (2022). Стандарт Японского фонда для обучения японскому языку. Руководство для пользователей. https://jfstandard.jp/pdf/web_whole.pdf.
11. Can-do to ва. (2022). Что такое Can-do. <https://jfstandard.jp/cando/about/summary/ja/render.do#sec05>.
12. Tareva, E. G., Schepilova, A. V., Tarev, B. V. (2017). Intercultural Content of a Foreign Language Textbooks: Concept, Texts, Practices. *XLinguae*, 3 (10), 246–255.

References

1. Guruleva, T. L. (2018). Kompetenciya vladeniya kitajskim yazy`kom: komponentny`e i urovnevy`e xarakteristiki. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii*, 7 (27), 153–163. (In Russ.).
2. Tareva, E. G., Derkach, A. V. (2021). Sopostavitel`ny`j analiz nacional`ny`x sistem urovnej vladeniya inostranny`m yazy`kom v aspekte unifikacii i variativnosti. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (43), 95–104. (In Russ.).

3. Abe, X., Skonechny, T. G. (2020). Deskriptornaya karakteristika urovnya vladeniya yaponskim yazy`kom dlya uchashhixsya 10 i 11 klassov. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 12, 70–76. (In Russ.).
4. Bulando, R. I., Mizgulina, M. N., Kuznecova, S. M., Fedianina, V. A. (2019). Yaponskij yazy`k: primery` zadaniy olimpiadnogo formata. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*. 12, 102–112. (In Russ.).
5. Mozgunova, A. D., Bulando, R. I. (2021). Sostavlenie olimpiadny`x zadaniy po yaponskomu yazy`ku. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 1, 79–84. (In Russ.).
6. Tareva, E. G., Fedianina, V. A., Mizgulina, M. N. (2020). Kriterii otbora yazy`kovogo i rechevogo materiala pri sostavlenii olimpiadny`x zadaniy po yaponskomu yazy`ku. *Inostranny`e yazy`ki v shkole*, 10, 85–91. (In Russ.).
7. Fedianina, V. A., Derkach, A. V., Mizgulina, M. N. (2022). Proektirovanie yazykovogo portfelya dlya izuchayushchih yaponskij yazyk (urovni A1 i A2). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4 (44), 92–101. (In Russ.).
8. JF Standard for Japanese-Language Education. (2010). The Japan Foundation. https://jfstandard.jp/pdf/jfs2010_all_en.pdf/. (In Japanese).
9. Tareva, E. G., Kazanceva, E. M. (2011). Deyatel`nostno-kompetentnostny`j podhod k sozdaniyu uchebny`x posobij dlya podgotovki bakalavrov. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2 (8), 65–77. (In Russ.).
10. JF Nihongo kyōiku sutanda-do. Roshia-no tame-no gaido bukku. (2022). https://jfstandard.jp/pdf/web_whole.pdf (In Japanese).
11. Can-do to wa. (2022). <https://jfstandard.jp/cando/about/summary/ja/render.do#sec05> (In Japanese).
12. Tareva, E. G., Schepilova, A. V., Tarev, B. V. (2017). Intercultural Content of a Foreign Language Textbooks: Concept, Texts, Practices. *XLinguae*, 3 (10), 246–255.

Информация об авторах

Абэ Хироси — старший преподаватель кафедры японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Григорий Олегович Мисочко — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков Киотского университета иностранных языков.

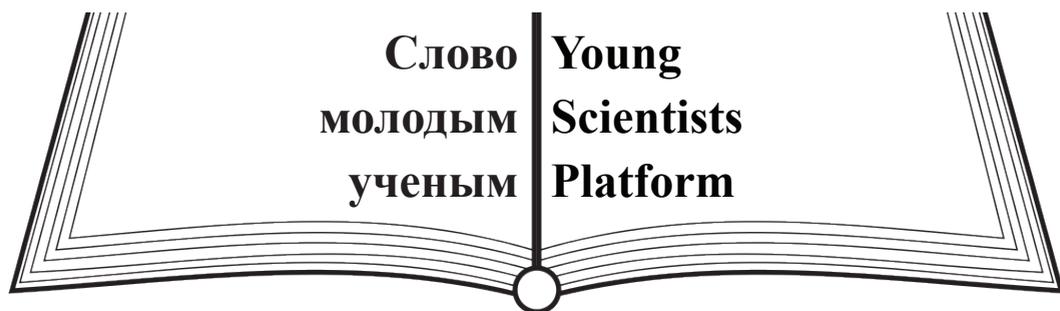
Владлена Анатольевна Федянина — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой японского языка Института иностранных языков МГПУ.

Information about the authors

Hiroshi Abe — senior lecturer of Japanese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Grigory O. Misochko — PhD (Pedagogy), Associate professor, Department of Russian Studies, Faculty of Foreign Studies, Kyoto University of Foreign Studies.

Vladlena A. Fedianina — PhD (History), docent, Head of Japanese Language Department, Institute of Foreign Languages, MCU.

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

К ВОПРОСУ О СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЯЗЫКА ГУАРАНИ В ПАРАГВАЕ

Нуриджанян Роза Геворковна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

rozanurid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-5654>.

Аннотация. Статья посвящена анализу формирования социолингвистического статуса языка гуарани в диахроническом аспекте. Автор рассматривает положение индейского языка с момента колонизации Парагвая (1537 г.) до начала XXI в., дается оценка статуса языка в разные исторические периоды с позиций моно- и билингвизма. При анализе автор опирается на данные, отраженные в нормативных документах, законах, декретах, а также рассматривает уникальные материалы парагвайской периодической печати XIX в. В работе также предпринята попытка установить связь между парагвайской национальной идентичностью и социолингвистическим статусом языка гуарани.

Ключевые слова: социолингвистика, билингвизм, диглоссия, испанский язык, язык гуарани, Парагвай, языковая политика.

Для цитирования: Нуриджанян, Р. Г. (2022). К вопросу о социолингвистическом статусе языка гуарани в Парагвае. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 141–149. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

Original article

UDC 811.134.2

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

ON THE GUARANI LANGUAGE IN PARAGUAY SOCIOLINGUISTIC STATUS

Roza G. Nuridzhanyan

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

rozanurid@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0159-5654>.

Abstract. The article analyzes the way the sociolinguistic status of the Guarani language was formed in the diachronic aspect. The author examines the position of the Indian language from the moment of Paraguay colonization (1537) until the beginning of the XXI century, assesses the status of the language in different historical periods from the standpoint of mono- and bilingualism. In the analysis the author relies on the data displayed in normative documents, laws, decrees, and also considers the unique materials of the Paraguayan periodical press of the XIX century. The paper also attempts to establish a link between the Paraguayan national identity and the sociolinguistic status of the Guarani language.

Keywords: sociolinguistics, bilingualism, diglossia, Spanish, Guarani, Paraguay, language policies.

For citation: Nuridzhanyan, R. G. (2022). On the Guarani language in Paraguay sociolinguistic status. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 141–149. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.12

В разные исторические периоды Парагвай называли так: «Американский Китай», «остров, окруженный землей», «сердце Америки» [1, р. 9]. Уместно предположить, что на выбор подобных характеристик повлияла изолированность страны, а также загадочность местных жителей и их языка.

Колонизация Парагвая началась 15 августа 1537 г., и уже в начале XVII в. можно говорить о намечающейся административно-географической сепарации страны от остального континента. Историки связывают этот факт с тем, что сам Парагвай не представлял экономического интереса для Короны [1, р. 11]. Это, в свою очередь, поспособствовало тому, что страна начала развиваться вразрез с тенденциями, складывающимися среди стран Латинской Америки в целом. Колонизаторы не смогли полностью разрушить образ жизни местного индейского населения; более того, они сами приняли активное участие в признании нового социального пласта населения — метисов. Таким образом, в Парагвае происходила скорее *гуаранизация* завоевателей, чем *испанизация* коренных жителей страны, что наблюдалось, например, в соседних странах, таких как Аргентина [2, с. 320].

Испанский конкистадор Альвар Нуньес Кабеса де Вака после своей поездки в Парагвай в 1542 г. говорит об *испанизации* страны, однако кардинальные изменения в языковой ситуации произошли довольно быстро. Так, уже в 1594 году испанские путешественники, побывавшие в стране, пишут о влиянии, которое оказывают на испанское население местные жители: «Las gentes nacidas en España se van acabando en esta tierra». А в 1625 г. уже высказывают опасения о пагубном воздействии, которому подвергается испаноязычная часть, перенимая традиции, обычаи и в том числе язык индейцев: «Los hijos de los nobles conquistadores corren al riesgo de adquirir las costumbres de los indios, con grande daño» [3, p. 847].

Особый статус Парагвая среди других колонизованных стран континента подтверждается также и тем, что доминирующим языком оставался родной для местных индейцев гуарани, что позже привело к тому, что кастильский использовался лишь во внешней политике маленькой группой привилегированных образованных элит, в то время как гуарани метисов (отличающийся от гуарани индейского) являлся инструментом общения внутри страны. На данном историческом этапе справедливо утверждение о том, что язык гуарани выполнял функции койне, под которым в современной социолингвистике понимается такое средство повседневного общения, которое связывает людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка [4, с. 34].

Доминирование языка гуарани на территории Парагвая, фиксируемое на протяжении всего колониального периода, вместе с географической изолированностью, повлияло также и на культурную отстраненность страны. По словам парагвайского писателя Роа Бастоса, такая *гуаранизация* привела к двойной изоляции (исп. *dobles encierros*): «Al aislamiento geográfico se superpone el aislamiento idiomático: al cerca de su mediterraneidad, el doble cerco bilingüe: la coexistencia, desde hace cuatro siglos de dos idiomas, el castellano y el guaraní — la lengua del conquistador y la lengua del conquistado — que sirven paralelamente, aunque no complementariamente, como instrumentos de comunicación a toda una colectividad» [5, p. 12].

Геополитическая обособленность Парагвая продолжилась и с приходом иезуитов, которые также называли свои селения Республикой индейцев-гуарани (исп. *Republica de los guaraníes*) (1609–1767). Так, историк Эфраим Кардозо утверждает, что иезуитские миссии установили в стране особого рода уклад, отличающийся отчужденностью («*las Misiones constituyeron un mundo herméticamente cerrado*») [1, p. 15].

Говоря о социолингвистическом аспекте важно отметить, что придание испанскому языку статуса языка как основного средства коммуникации с внешним миром: ведения переговоров и эффективной внешней политики — заложило основу тому, что позже разовьется в диглоссию, которая станет определяющим фактором в описании социолингвистической ситуации в Парагвае [3, p. 850].

Социально маркированное использование языка гуарани представляло опасность для установления власти Короны в Парагвае: испанцы не могли

использовать столь эффективный метод сплочения народа, как языковая политика. По словам святого отца Хосе Кордьеля, в 1747 г. количество жителей Парагвая испанского происхождения приближалось к двадцати тысячам, однако доминирующим языком оставался гуарани, хоть и со множеством варваризмов [6, p. 140].

Сделать вывод о статусе языка гуарани как доминирующего нам позволяет тот факт, что он использовался в подавляющем большинстве коммуникативных ситуаций, а также являлся инструментом бытового общения для значительной части населения. Таким образом, опираясь на современную социолингвистическую терминологию, такую языковую ситуацию в стране можно назвать диглоссией, главной характеристикой которой является наличие особой дифференциации между функциями языков в языковом сообществе [4, с. 36].

Отметим также, что, по воспоминаниям того же Х. Кордьеля, из числа сельского населения наименьшее количество владеющих испанским языком было среди женской части населения, а та часть мужчин, которая и владела языком, знала его на базовом уровне. Гуарани на этих территориях представлял собой скорее смесь кастильского языка и классического гуарани: новый гуарани, образовавшийся благодаря активной метисации.

«En una y otra ciudad, los más saben castellano, pero en las villas y en todas las poblaciones de campo, chacras y estancias no se habla ni sabe por lo común, especialmente entre las mujeres, más que esta lengua corrupta... me fue necesario aprender esta tan adulterada lengua para darme a entender, porque la propia guaraní no la entendían, y menos el castellano» [7, p. 180].

Социолингвистический статус гуарани до 1768 г. Х. Кордьель описывает следующим образом: это язык без письменности и литературы, некодифицированный и формализованный, однако являющийся инструментом общения для всех жителей (исп. *«lengua ni escrita ni literaria, no formal ni oficial, pero general, usual y coloquial»*), что также позволяет нам классифицировать языковую ситуацию как диглоссию.

В 1768 г. губернатор Буэнос Айреса Франсико де Паула Букарелли предпринял попытку изменить языковую ситуацию в стране и составил особую инструкцию, в которой призывал всех граждан использовать кастильский язык в целях приобщения местного населения к европейской культуре и прогрессу (исп. *civilizar perfectamente a estas gentes*). Однако данный проект не увенчался успехом.

Повторную попытку провести *испанизацию* Парагвая предпринял президент Карлос Лопес. Отметим, что на этот раз язык гуарани был под официальным запретом; декретом 1848 г. [8] кастильский был признан единственным государственным языком, а также единственным языком, на котором мог вестись образовательный процесс на всех уровнях. Важно, что именно тогда была проведена реформа всей системы образования, благодаря которой язык гуарани стал языком повседневного общения и, как правило, в сельской местности [9].

Отстаивая концепцию национальной идентичности в XVII–XVIII вв. на законодательном уровне, государство признавало язык гуарани, не ограничивая его бытовой сферой. В XIX в. заметна тенденция к интеграции страны в регион.

Экономическая отсталость, замедленное развитие страны — все это связывалось со всем индейским; таким образом, языковая политика страны определяла не только коммуникативные ситуации для того или иного языка, но и влияла на политическую повестку Парагвая в целом.

Политику Карлоса Лопеса продолжил его сын Франсиско Солано Лопес, однако ситуация изменилась с началом войны против Тройственного альянса (исп. *Guerra contra la Triple Alianza*). В военное время язык приобретает особую значимость, а также становится инструментом формирования национальных идей. Еще в начале XIX в. немецкий философ И. Г. Фихте говорил о языке как об определяющем компоненте нации [10, р. 103]. Со сменой исторического контекста пришло понимание о необходимости обращения к более глубинным чувствам граждан в целях эффективной мобилизации и обороны страны. В этот период гуарани снова обретает статус доминирующего языка, а также ложится в основу зарождающейся национальной идентичности [11, р. 203]. Сам Лопес произносил речи на гуарани, обращался на нем к армии, которая по большей части состояла из монолингвов, говорящих только на гуарани. Индейский язык также выполнял функцию шифра, тайного языка, на котором отдавались распоряжения и составлялись военные планы.

По воспоминаниям участника войны Хуана Крисостомо Сентуриона, «война 1864–1870 года буквально “напитывалась” гармонией и энергией родного языка. Глубокую и страшную трагедию, эту эпоху, проникнутую всеобщим страданием, парагвайцы сумели пережить только благодаря гуарани. То был язык, на котором плакали женщины и на котором ненавидели врага и боролись с ним наши мужчины» [9].

Отметим, что для охвата большей аудитории траншейные газеты¹ (*Cabichui*, *El Centinela*, *Cacique Lambaré*), которые издавались на гуарани, также зачитывались, так как многие солдаты были необразованны и не умели читать. Парагвайская поэтесса Хосефина Пла среди основных причин доминирования гуарани в период войны особо выделяет необходимость поддержания контакта со всем населением: «*en cambio, la utilización del guaraní encuentra su causa en la necesidad de comunicarse con toda la población*» [12, р. 14–15]. Редакторы газет всячески приветствовали использование гуарани; так, *El Centinela* отметила в своей заметке появление новой газеты *Cacique Lambaré*, указав при этом на плюсы использования индейского языка в материалах: «*Habla en guaraní el idioma del corazón, y sabe inflamar el patriotismo, evocando las glorias de nuestros abuelos y haciendo alarde del valor y firmeza de su indómita rasa*» [13, р. 4].

Обращение к языку гуарани как к инструменту формирования национальной идентичности актуализируется во время Чакской войны 1932–1935 гг.² Язык становится инструментом, на который накладывались все те же цели:

¹ Окопная, или траншейная газета — периодическое издание, издающееся в рядах или частными лицами, по содержанию отличается от официальных военных газет, так как их целевая аудитория — сами участники войны. — *Примеч. авт.*

² Вооруженный конфликт за часть области Гран-Чако между Парагваем и Боливией. — *Примеч. авт.*

сплочение народа, обеспечение внутренней безопасности, а также формирование национальных идей. С точки зрения социолингвистики язык распространяется и укрепляется в своих позициях тогда, когда его начинают использовать в как можно больших социальных сферах, а также в случае его закрепления в дискурсах авторитетов [14, р. 6]. Справедливо связать с этим фактом популярность индейского языка и дальнейшее закрепление за ним доминирующего статуса именно в периоды войн, когда особо важным становится сплочение народа.

Несмотря на то что роль индейцев-гуарани в формировании парагвайской национальной идентичности критически важна, во время диктатуры Альфредо Стресснера они подвергались особому преследованию. Языковую политику стресснеровского режима можно характеризовать как двойственную. С одной стороны, в годы правления А. Стресснера язык гуарани был признан на государственном уровне: Конституцией 1967 г. он был признан национальным наряду с кастильским [15]. А статья 92 постулирует в качестве одной из обязанностей государства обеспечение защиты индейского языка, условий для его преподавания, развития и совершенствования (исп. *«protegerá la lengua guaraní y promoverá su enseñanza, evolución y perfeccionamiento»*). С другой стороны, статус государственного языка закреплялся исключительно за кастильским.

Таким образом, признание гуарани одним из двух национальных языков и его *легализация* в качестве языка образования и устного общения открывает эру парагвайского институционального двуязычия, которое может показаться революционным для общего исторического контекста. Однако, отметим, что постулируемое двуязычие заключалось в использовании индейского языка с целью его дальнейшего поглощения языком колонизатора, т. е. испанским. В этом мы вслед за французским филологом Херардом Гомесом опираемся на одно из условий обеспечения властного доминирования: наличие подавляемого языка для дальнейшей гарантии осуществления господства над ним [16, р. 133].

В процессе демократизации произошло изменение в статусе языка гуарани: новая Конституция 1992 г. признает его одним из двух официальных языков страны [17, р. 40]. Затем в 1993 г. для разработки новой программы билингвального образования была создана Национальная комиссия по вопросам двуязычия (исп. *Comisión Nacional del Bilingüismo*). В 1994 г. по инициативе комиссии была проведена реформа образования, отраженная в Национальном плане двуязычного образования (исп. *Plan Nacional de Educación Bilingüe (PNEB)*), целью которой являлось достижение такой ситуации билингвизма, в которой употребление гуарани и испанского всеми жителями страны было бы скоординировано. Кроме того, внедряются программы по преподаванию языка и культуры гуарани в школе, благодаря которым язык в контексте образования может рассматриваться не только как предмет обучения и как средство коммуникации, но и как способ ознакомления обучающихся с новой для них действительностью, культурным богатством, социальными отношениями, устройством быта народа — носителя языка [18, с. 135].

В XXI в. продолжается тенденция к сохранению и упрочению позиций гуарани. Так, 29 декабря 2010 г. был ратифицирован Закон о языках (исп. *Ley de Lenguas*), поддержавший процесс организации двуязычной системы, зародившейся еще в эпоху А. Стресснера. Законодательный акт расширяет сферы использования гуарани: статья 4 объявляет обязанностью государства обеспечить условия для признания гуарани в качестве официального языка наднациональных организаций, в которые входит Парагвай [19]. Кроме того, в документе кодифицируются аспекты, связанные с двуязычным образованием, языковой дискриминацией, правами и обязанностями государства с сфере языковой политики.

В 2012 г. образованы сразу две институции, регулирующие социолингвистическую ситуацию Парагвая: Секретариат по языковой политике (исп. *Secretaría de la Política Lingüística*) и Академия языка гуарани (исп. *Academia de la Lengua Guaraní*). В задачи Академии входит кодификация орфографии, лексики, грамматики и других языковых аспектов. Она также отвечает за публикацию официальных словарей и грамматик. Особое внимание в уставе уделяется обогащению лексики путем определения наиболее подходящих механизмов, не влияющих на фонетическую и морфосинтаксическую структуру языка.

Диахроническое рассмотрение статуса языка гуарани с позиций моно- и билингвизма, а также краткий исторический обзор формирования парагвайского государства и идентичности подводит нас к следующему выводу: с момента колонизации Парагвая до войны против Тройственного альянса, т. е. с XVI по вторую половину XIX в., страна была практически одноязычной с явным доминированием гуарани. Со второй половины XIX в. до начала XXI в. наблюдается тенденция к установлению билингвизма, который, в свою очередь, постулируется на конституционном уровне и охраняется рядом соответствующих законов и институций.

Список источников

1. Makaran, G. (2016). Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (no) integración nuestroamericana. *Estudios Paraguayos*, Vol. XXXIV, 7–39.
2. Пшеничникова, А. Ю. (2021). Национально-культурная специфика аргентинской языковой картины мира. *Genesis: исторические исследования*, 12, 318–331. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37183
3. Melià, B. (2005). Ese famoso (y dichoso) bilingüismo paraguayo. *El Español en el Mundo. Anuario dEl Instituto Cervantes*, 831–882. https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_05/melia/p01.htm
4. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. (2001). *Социолингвистика*. Москва.
5. Roa Bastos, A. (1984). La narrativa paraguaya en el contexto de la narrativa hispanoamericana actual. *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*, año 10 (19) CEPACP, 7–21.
6. Melià, B. (1973). Diglosia en el Paraguay o la comunicación desequilibrada. *Suplemento Antropológico*, Vol. VIII (1,2), 133–140.
7. Makaran, G. (2014). *Paraguay: el nacionalismo y sus mitos*. CIALC-UNAM.

8. López, C. A. El Decreto del 7 de octubre de 1848 del Presidente. (2022, 17 июля). <http://www.cultura.gov.py/2011/05/el-decreto-del-7-de-octubre-de-1848-del-presidente-carlos-antonio-lopez/>
9. Centurión, J. C. (1894). *Memorias o reminiscencias históricas sobre la Guerra del Paraguay* (sin fecha de edición). University of California.
10. Кузнецова, Е. В. (2011). Язык и национальная идентичность. *Омский научный вестник*, 3 (98), 102–105.
11. Johansson, M& L. (2012). Conflicto bélico y prensa en Paraguay durante la Guerra de la Triple Alianza (1864–1870). *Cuadernos de Marte*, 3, 187–222.
12. Plá, J. (1984). *El grabado: instrumento de la defensa*. Alcor.
13. *El Centinela*, 18 (22.08), 1867. (2022, 17 июля). <http://bibliotecanacional.gov.py/hemeroteca/el-centinela-1867/>
14. Corvalán, G. (2005). La vitalidad de la lengua guaraní en el Paraguay. *Población y desarrollo* núm, 30, 3–20.
15. Constitución de la República del Paraguay de 1967. (1976). *Artículo*, 5. <http://pdba.georgetown.edu/constitutions/paraguay/para1967.html>
16. Gómez, G. (2006). *El plurilingüismo paraguayo. Un fenómeno que enlaza y separa. Evolución de la lengua guaraní y proceso de jerarquización lingüística*. Servi Libro. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=597403>
17. Constitución de la República del Paraguay de 1992. (1992). https://www.constituteproject.org/constitution/Paraguay_2011.pdf?lang=es
18. Григорьева, Е. Я., Черкашина, Е. И. (2019). Реализация лингвокультурологического подхода к преподаванию романских языков в системе подготовки магистратуры. *Рема*. *Rhema*, 3, 133–147.
19. Ley № 4251. De lenguas El congreso de la Nación Paraguaya 2011.

References

1. Makaran, G. (2016). Paraguay: ¿Isla rodeada de tierra? Una historia de la (no) integración nuestroamericana. *Estudios Paraguayos*, Vol. XXXIV, 7–39.
2. Pshenichnikova, A. Yu. (2021). Nacional'no-kul'turnaya specifika argentinskoj yazy'kovej kartiny' mira. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 12, 318–331. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37183 (In Russ.).
3. Melià, B. (2005). Ese famoso (y dichoso) bilingüismo paraguayo. *El Español en el Mundo. Anuario dEl Instituto Cervantes*, 831–882. https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_05/melia/p01.htm
4. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2001). *Sociolingvistika*. Moskva. (In Russ.).
5. Roa Bastos, A. (1984). La narrativa paraguaya en el contexto de la narrativa hispanoamericana actual. *Revista de Crítica Literaria Latinoamericana*, año 10 (19) CEPACR, 7–21.
6. Melià, B. (1973). Diglosia en el Paraguay o la comunicación desequilibrada. *Suplemento Antropológico*, Vol. VIII (1, 2), 133–140.
7. Makaran, G. (2014). *Paraguay: el nacionalismo y sus mitos*. CIALC-UNAM.
8. López, C. A. (2022, 17 July). El Decreto del 7 de octubre de 1848 del Presidente. <http://www.cultura.gov.py/2011/05/el-decreto-del-7-de-octubre-de-1848-del-presidente-carlos-antonio-lopez/>

9. Centurión, J. C. (1894). *Memorias o reminiscencias históricas sobre la Guerra del Paraguay* (sin fecha de edición). University of California.
10. Kuznecova, E. V. (2011). Yazy'ki i nacional'naya identichnost'. *Omskij nauchny'j vestnik*, 3(98), 102–105. (In Russ.).
11. Johansson, M& L. (2012). Conflicto bélico y prensa en Paraguay durante la Guerra de la Triple Alianza (1864–1870). *Cuadernos de Marte*, 3, 187–222.
12. Plá, J. (1984). *El grabado: instrumento de la defensa*. Alcor.
13. *El Centinela*, 18 (22.08), 1867. (2022, 17 July). <http://bibliotecanacional.gov.py/hemeroteca/el-centinela-1867/>
14. Corvalán, G. (2005). La vitalidad de la lengua guaraní en el Paraguay. *Población y desarrollo* núm, 30, 3–20.
15. Constitución de la República del Paraguay de 1967. (1976). *Artículo*, 5. <http://pdba.georgetown.edu/constitutions/paraguay/para1967.html>
16. Gómez, G. (2006). *El plurilingüismo paraguayo. Un fenómeno que enlaza y separa. Evolución de la lengua guaraní y proceso de jerarquización lingüística*. Servi Libro. <https://dialnet.unirioja.es/servlet/libro?codigo=597403>.
17. Constitución de la República del Paraguay de 1992. (1992). https://www.constituteproject.org/constitution/Paraguay_2011.pdf?lang=es
18. Grigor'eva, E. Ya., Cherkashina, E. I. (2019). Realizaciya lingvokul'turologicheskogo podxoda k prepodavaniyu romanskix yazy'kov v sisteme podgotovki magistratury'. *Rema. Rhema*, 3, 133–147. (In Russ.).
19. Ley № 4251. De lenguas El congreso de la Nación Paraguaya 2011.

Информация об авторе

Роза Геворковна Нуридзян — аспирант кафедры иберо-романского языкознания Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

Roza G. Nuridzhanyan — post-graduate student of the Department of Iberian Romance Linguistics, Lomonosov Moscow State University.

Научная статья

УДК 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.13

ПРОЦЕСС ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИСКУРСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Трибунская Нина Александровна

Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия

dahati@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6012-3016>

Аннотация. Статья посвящена описанию процесса взаимодействия дискурсов в рамках политических высказываний в Twitter. Рассматриваются спортивный, идеологический и экологический виды дискурсов, демонстрирующие тематическое и терминологическое разнообразие. Установлено, что язык политики актуализирует черты дискурсивной гетерогенности, проявляющейся в полидискурсивности и интердискурсивности политической коммуникации.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсивная гетерогенность, коммуникация в Twitter, интердискурсивность, полидискурсивность.

Для цитирования: Трибунская, Н. А. (2022). Процесс взаимодействия дискурсов в политической коммуникации. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 150–158. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.13

Original article

UDC 81-112

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.13

THE PROCESS OF INTERACTION OF DISCOURSES IN POLITICAL COMMUNICATION

Nina A. Tribunskaya

Samara State Medical University,
Samara, Russia

dahati@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6012-3016>

Abstract. The article describes the process of discourses interaction within the framework of political statements on Twitter. Sports, ideological and ecological types of discourses are considered, demonstrating thematic and terminological diversity. It has been established that the language of politics actualizes the features of discursive heterogeneity, manifested in the polydiscursivity and interdiscursivity of political communication.

Keywords: political discourse, discursive heterogeneity, communication on Twitter, interdiscursivity, polydiscursivity.

For citation: Tribunskaya, N. A. (2022). The process of interaction of discourses in political communication. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 150–158. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.13

Введение

В эпоху бурного развития медийных технологий и инноваций особую актуальность приобретает лингвистический и дискурсивный анализ текстов социальных сетей, микроблогов, различных коммуникативных каналов. Сам факт возможности беспрецедентного тиражирования слова обеспечивает массмедиа уникальную позицию самостоятельной силы.

Целесообразно сформулировать цель настоящего исследования как попытку осмысления процесса взаимодействия дискурсов в англоязычной политической коммуникации в социальных сетях для публичного обмена короткими сообщениями (на примере Twitter). Анализ тематической лексики позволяет выявить черты иных типов дискурсов в составе политического дискурса. Таким образом, актуализируется дискурсивная гетерогенность, проявляющаяся в интердискурсивности (когда один дискурс строится по законам другого) и полидискурсивности (когда в рамках одного высказывания одновременно присутствуют сразу несколько типов дискурсов) политической коммуникации. Материалом для исследования послужили высказывания Д. Трампа и Д. Байдена в Twitter в период с 1 ноября 2019 г. по 1 января 2022 г. Тексты размещены на официальном сайте президента США (<https://twitter.com/potus>) [1, 2]. В связи с последними событиями в мире данный информационный ресурс был заблокирован на территории Российской Федерации, однако результаты исследования в данной области сохраняют свою актуальность, так как показывают существующие тенденции в развитии социальных сетей для публичного обмена сообщениями, а также позволяют проследить особенности, преимущества и риски, связанные с использованием массмедийных цифровых информационных технологий в сфере политической коммуникации.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, в том числе работы, посвященные критическому дискурс-анализу и дискурсивным исследованиям (Т. А. van Dijk [3, 4], N. Fairclough [5], P. Chilton и C. Schäffner [6], В. И. Карасик [7], В. Д. Шевченко [8, 9]), интердискурсивности (Е. В. Белоглазова [10], Ю. Е. Плотницкий [11]), политическому дискурсу (Е. И. Шейгал [12]), массмедийному и интернет-дискурсу (D. Crystal [13], Н. А. Ахренова [14], Т. Г. Добросклонская [15]), изучению контекста (И. Т. Касавин [16]) и др.

Автором использовались различные методы: описательный, контекстуальный анализ, сравнительно-сопоставительный, методы контент-анализа, дискурс-анализа, а также наблюдения. Выборка сообщений производилась исходя из соображений актуальности и релевантности.

Рассмотрим дискурсивные структуры, возникающие в процессе взаимодействия в англоязычной политической коммуникации трех видов дискурсов

(спортивного, идеологического, экологического). Вопросы спорта, идеологии и экологии занимают важное место в государственной политике. Тема патриотизма актуализируется как в идеологическом дискурсе, так и в спорте, тогда как физическое здоровье нации напрямую зависит от здорового образа жизни, а также от экологии в целом. Таким образом, существуют многосторонние взаимосвязи между различными типами дискурсов, с помощью которых можно проследить полидискурсивность политической коммуникации.

Ход исследования

Тематическое разнообразие демонстрирует интеграцию политического дискурса с другими видами дискурсов. Проанализируем специальную лексику и терминологию, воспроизводящую в сознании читателя спортивный, идеологический и экологический дискурсы.

Рассмотрим особенности спортивного дискурса в рамках политических высказываний, в котором при помощи лексических единиц актуализируются ситуации, связанные с вопросами поддержки и развития различных видов спорта, участием в соревнованиях, ведением здорового образа жизни и др.:

(1) *I want college football to come back.*

(2) *Big Ten Football is looking really good, but may lose Michigan, Illinois, and Maryland because of those Governors' ridiculous lack of interest or political support. They will play without them?*

(3) *Back at you @USASwimming!*

(4) *The Olympians representing our country in Tokyo are the embodiment of the spirit and drive that makes America a beacon for the globe. I'm so proud of you.*

(5) *I'm so proud of you, @TeamUSA. Thank you for showing what we can do together as one America and as one team.*

В высказываниях политиков встречается лексика, связанная с различными видами спорта (college football, Big Ten Football, @USASwimming), а также такие маркеры спортивного дискурса, как The Olympians, @TeamUSA, as one team, play. Спорт призван мотивировать общество, заряжать волей к победе, поэтому он включает в себя и идеологическую составляющую. Так, в примере 4 используется возвышенный слог, олимпийцы провозглашаются воплощением духа и стремления (The Olympians representing our country in Tokyo are the embodiment of the spirit and drive that makes America a beacon for the globe). Президент выражает чувство гордости за их успехи (I'm so proud of you). В то же время Америка объявляется маяком для всего мира, что указывает на присутствие черт внешнеполитического и идеологического дискурсов в составе политического (полидискурсивность). А использование сокращения I'm и усилительной частицы so, нарушение порядка слов в предложении (They will play without them?) демонстрирует проявление интердискурсивности

политической коммуникации, которая выражается в актуализации черт бытового дискурса в речи политика. Также обращает на себя внимание употребление гиперссылок и аббревиатур, которые характеризуют принадлежность сообщений к интернет-жанру: @USASwimming, @TeamUSA. Благодарственный тон высказываниям придают такие словосочетания, как Thank you, I'm so proud of you. Активно применяется позитивно окрашенная лексика (is looking really good, political support, we can do together, the embodiment of the spirit and drive, a beacon for the globe и др.).

Проанализируем отличительные черты идеологического дискурса в политике, тематическая лексика которого затрагивает целый ряд вопросов, связанных с идеологией, патриотизмом, формированием ценностных установок и взглядов, определением вектора общественного развития и роли страны на мировой арене и др.:

(6) *In America, we don't tear down the past. We celebrate our heroes, we cherish our heritage, we preserve our history, and we build the future.*

(7) *"A lot of people feel defeated... Trump always wins. It seems like nothing can stop him". Danny Villazon @nytimes @DanaPerino @FoxNews But isn't that what you want from your President?*

(8) *This isn't about politics. This is about life and death. Get vaccinated: <http://vaccines.gov>.*

(9) *I've argued for many years that our mission should be narrowly focused on counterterrorism, not counterinsurgency or nation building.*

(10) *When we passed the ADA, we made a commitment — to build this nation for all of us. And we moved America closer to fulfilling that promise of liberty, justice, dignity, and equality for all. And perhaps most importantly — we did it together.*

(11) *So many wonderful #BackTogether photos today! Combiz shared: "Proud to be a first generation American! Thank you to my #immigrant parents who through hard work, adversity & enormous sacrifice made the U.S. their home for me & my sister so that we can live the American Dream!"*

(12) *Yesterday I had the honor of hosting a naturalization ceremony at the White House. Our nation has always been lifted by the contributions, sacrifices, and dreams of immigrants like Sarah — watch here as she shares the news with a loved one.*

(13) *This Purple Heart Day, we remember and honor the sacrifice, valor, and grace of all those who were wounded or paid the ultimate sacrifice on the battlefield.*

(14) *I've always believed we're at our best when we're one America, coming together to get big things done.*

(15) *It's a bill that will help end years of gridlock in Washington, create jobs, and put America on a new path to win in the 21st Century global economy. Let's get it done.*

Идеологический дискурс актуализируется при помощи словосочетаний: celebrate our heroes (чествуем наших героев); cherish our heritage (дорожим

своим наследием); preserve our history (сохраняем свою историю); build the future (строим будущее); mission (миссия); nation (нация); promise of liberty, justice, dignity, and equality for all (обещание свободы, справедливости, достоинства и равенства для всех); the American Dream (американская мечта); we're one America (мы одна Америка); we remember and honor the sacrifice, valor, and grace (мы помним и чтим жертвы, доблесть и милость).

Позитивно окрашенная лексика (always wins; Proud to be a first generation American!; the honor; dreams of immigrants; believed; best; to get big things done и др.) в некоторых случаях соседствует с негативно окрашенными лексическими единицами (adversity & enormous sacrifice — невзгоды и огромные жертвы; feel defeated — чувствовать себя побежденным; death — смерть; those who were wounded or paid the ultimate sacrifice on the battlefield — те, кто был ранен или принес самую большую жертву на поле боя; gridlock — тупик).

В примере 8 идеологический дискурс связан с медицинским дискурсом, маркером которого выступает словосочетание Get vaccinated. В примере 10 мы наблюдаем включение в политический и идеологический дискурсы элементов правового дискурса, которые вводятся в текст посредством лексических единиц, отражающих основные конституционные права человека и гражданина (promise of liberty, justice, dignity, and equality for all — обещание свободы, справедливости, достоинства и равенства для всех). В примере 13 в политический дискурс одновременно с идеологическим встраивается военный дискурс (those who were wounded or paid the ultimate sacrifice on the battlefield — кто был ранен или принес самую большую жертву на поле боя). Элементы экономического дискурса в составе политического и идеологического дискурсов проявлены в примере 15 (create jobs — создание рабочих мест; global economy — глобальная экономика). Таким образом, все вышеупомянутые случаи демонстрируют полидискурсивность политической коммуникации.

Популярностью в Twitter пользуются такие экономичные и ускоряющие процесс взаимодействия в Сети языковые средства, как символы, хештеги, гиперссылки (& (and), #BackTogether, @nytimes, @DanaPerino, @FoxNews). В этом проявляется интердискурсивность подобного общения, когда высказывания политиков являются частью медиасреды и наделены чертами интернет-жанра.

Рассмотрим особенности экологического дискурса в сообщениях политиков. Языковые единицы данного вида дискурса затрагивают вопросы экологической безопасности, охраны окружающей среды, сохранения природных ресурсов и др.:

(16) *We're seeing devastating impacts of **the climate crisis** every day — and we need to act. My Build Back Better Agenda will help us meet the moment by providing **clean energy tax credits**, creating a new **Civilian Climate Corps**, and investing in new technologies **to fight climate change**.*

(17) *Every single American deserves **clean drinking water**, but that's not the reality for millions of people around the country. The Bipartisan Infrastructure Deal will fix that.*

(18) *We have to leverage a whole-of-government effort to lift up workers and strengthen American leadership in **the clean cars of the future**. To set that*

all-out effort into motion, I'm signing an executive order with a target of electrifying 50 % of all vehicles sold by 2030.

*(19) When I think of **climate change**, I think about jobs. With the Bipartisan Infrastructure Deal, we're going to create good-paying, union jobs and **tackle the climate crisis** at the same time.*

*(20) Folks, this Bipartisan Infrastructure Deal is going to make a gigantic difference for people. It's going to **eliminate all lead pipes** in America, so people have **clean drinking water**. It's going to bring high-speed internet to every home.*

*(21) Americans across the country can see and feel the devastation of **climate change**. My Build Back Better Agenda tackles this existential threat through a **new energy efficiency and clean electricity standard, clean energy tax credits, and a new Civilian Climate Corps**.*

Знаками экологического дискурса выступают языковые единицы, актуализирующие процессы климатических изменений (the climate crisis; to fight climate change; tackle the climate crisis). При этом употребляется лексика со значением борьбы с негативными последствиями загрязнения окружающей среды (to fight, tackle). Одним из самых ценных ресурсов в XXI в. становится чистая питьевая вода (clean drinking water). В сообщениях мы многократно встречаем прилагательное clean (clean energy; the clean cars of the future; clean drinking water; clean electricity standard).

Во многих странах приняты климатические кодексы, существуют организации по защите окружающей среды, президент США также выступает за внедрение новых стандартов энергоэффективности (new energy efficiency and clean electricity standard) и создание новой гражданской климатической службы (anew Civilian Climate Corps). Для обоснования значимости предпринимаемых государством мер по борьбе с климатическими изменениями активно используется мотивированная негативная лексика, связанная с ухудшением экологической обстановки (**devastating** impacts of the climate crisis — разрушительные последствия климатического кризиса; the **devastation** of climate change — опустошительные последствия изменения климата).

В примерах 19 и 21 мы встречаем маркеры экономического дискурса (jobs — рабочие места; to create good-paying, union jobs — создавать хорошо оплачиваемые профсоюзы; clean energy tax credits — налоговые льготы на чистую энергию), что демонстрирует полидискурсивность политической коммуникации. Интердискурсивность проявляется в использовании черт бытового дискурса, употреблении неформальной лексики в политических высказываниях (обращение Folks — ребята; наличие сокращений It's going, we're, I'm signing и др.).

Заключение

Анализ входящих в состав политического дискурса спортивного, идеологического и экологического дискурсов позволил проследить их множественные взаимосвязи и выявить черты таких сопутствующих дискурсов, как экономический, медицинский, военный, внешнеполитический, что свидетельствует о полидискурсивности политической коммуникации.

Для каждого типа дискурса характерно использование специфической тематической лексики и терминологии. В сообщениях политиков в Twitter присутствует как позитивно, так и негативно окрашенная лексика. Благодарственный или осуждающий тон высказывания, вопросительные и восклицательные предложения придают живость и экспрессию текстам. Политиками предпринимается попытка вести общение с читателями в форме доверительной беседы, при этом мы часто наблюдаем понижение регистра коммуникации. Манера бытового общения, а также использование отдельных символов, хештегов, гиперссылок, характерных для интернет-жанра, демонстрируют интердискурсивность высказываний. Таким образом, для политической коммуникации в Twitter характерно активное взаимодействие различных типов дискурсов, актуализирующих черты дискурсивной гетерогенности языка политики.

Список источников

1. Trump, Donald. President Trump @POTUS (45th President of the United States) Twitter.com. <https://twitter.com/potus>
2. Biden, Joe. President Biden @POTUS (46th President of the United States) Twitter.com. <https://twitter.com/potus>
3. Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 267 p. https://www.academia.edu/5345314/Discourse_and_Context_Teun_A_van_Dijk
4. Dijk, T. A. van. (1998). What is Political Discourse Analysis? <http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf>
5. Fairclough, N. & Wodak, R. (1996). Critical Discourse Analysis. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, 2. *Discourse as Social Interaction*. L.
6. Chilton, P., Schäffner, C. Discourse and Politics. *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, 1. Ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 206–229.
7. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. (2021). Тенденции развития современного дискурса. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1, 14–31. <http://philjournal.ru/upload/2021-1/FullVersion2021-1.pdf>
8. Трибунская, Н. А., Шевченко, В. Д. (2021). Дискурсивные структуры в политической коммуникации. *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*, 27 (3), 118–127. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-118-127>
9. Шевченко, В. Д. (2008). *Введение в теорию интерференции дискурсов*: монография. СамГУПС. <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/shevchenkomon.pdf>
10. Белоглазова, Е. В. (2010). О вариативности проявления дискурсивной гетерогенности. *Вестник Томского государственного университета*, 332, 5–19. <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf>
11. Плотницкий, Ю. Е. (2020). Реализация категории «интердискурсивность» в англоязычном песенном дискурсе. *Эволюция и трансформация дискурсов*: сб. науч. ст. Вып. 5, 125–139.
12. Шейгал, Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса*. Перемена.
13. Crystal, D. (2011). *Internet Linguistics: A Student Guide*. NY: Routledge.

14. Ахренова, Н. А. (2016). Интернет-лингвистика: новая парадигма в описании языка интернета. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, 3, 8–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-8-14
15. Добросклонская, Т. Г. (2019). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. <https://rucont.ru/efd/244207>
16. Касавин, И. Т. (2008). *Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка*. Канон+.

References

1. Trump, Donald. President Trump @POTUS (45th President of the United States) Twitter.com. <https://twitter.com/potus>
2. Biden, Joe. President Biden @POTUS (46th President of the United States) Twitter.com. <https://twitter.com/potus>
3. Dijk, T. A. van. (2008). *Discourse and Context. A sociocognitive approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 267 p. https://www.academia.edu/5345314/Discourse_and_Context_Teun_A_van_Dijk
4. Dijk, T. A. van. (1998). What is Political Discourse Analysis? <http://www.discourses.org/OldArticles/What%20is%20Political%20Discourse%20Analysis.pdf>
5. Fairclough, N. & Wodak, R. (1996). Critical Discourse Analysis. *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, 2. *Discourse as Social Interaction*. L.
6. Chilton, P., Schäffner, C. Discourse and Politics. *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, 1. Ed. by Teun A. van Dijk. L., Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 206–229.
7. Karasik, V. I., Sly'shkin, G. G. (2021). Tendencii razvitiya sovremennogo diskursa. *Aktual'ny'e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 1, 14–31. <http://philjournal.ru/upload/2021-1/FullVersion2021-1.pdf> (In Russ.).
8. Tribunskaya, N. A., Shevchenko, V. D. (2021). Diskursivny`e struktury` v politicheskoy kommunikacii. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 27(3), 118–127. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-3-118-127> (In Russ.).
9. Shevchenko, V. D. (2008). *Vvedenie v teoriyu interferencii diskursov: monografiya*. SamGUPS. (In Russ.). <http://engphil.samsu.ru/laniuscms/docs/tipolog/shevchenkomon.pdf> (In Russ.).
10. Beloglazova, E. V. (2010). O variativnosti proyavleniya diskursnoj geterogenosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 332, 5–19. <http://journals.tsu.ru/uploads/import/845/files/332-015.pdf> (In Russ.).
11. Plotniczkij, Yu. E. (2020). Realizaciya kategorii «interdiskursivnost`» v angloyazy`chnom pesennom diskurse. *E`volyuciya i transformaciya diskursov: sb. nauch. st. Vy`p. 5*, 125–139. (In Russ.).
12. Shejgal, E. I. (2000). *Semiotika politicheskogo diskursa*. Peremena. (In Russ.).
13. Crystal, D. (2011). *Internet Linguistics: A Student Guide*. NY: Routledge.
14. Axrenova, N. A. (2016). Internet-lingvistika: novaya paradihma v opisaniy yazy`ka interneta. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 3, 8–14. DOI: 10.18384/2310-712X-2016-3-8-14 (In Russ.).
15. Dobrosklonskaya, T. G. (2019). *Medialingvistika: sistemny`j podxod k izucheniyu yazy`ka SMI*. <https://rucont.ru/efd/244207>. (In Russ.).
16. Kasavin, I. T. (2008). *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v social`nuyu e`pistemologiyu yazy`ka*. Kanon+. (In Russ.).

Информация об авторе

Нина Александровна Трибунская — старший преподаватель кафедры иностранных и латинского языков Самарского государственного медицинского университета.

Information about the author

Nina A. Tribunskaya — assistant professor, Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University.

Рецензия

УДК 821.161.1-1.09»19»(049.32)

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.14

РЕЦЕНЗИЯ НА:

Карпачева Т. С. «Мой недопетый гимн весне».

Жизнь и творчество Надежды Львовой /

Львова Н. Г. Письма В. Я. Брюсову (1911–1913).

Старая сказка: Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с.

Матвеева Ирина Ивановна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Для цитирования: Матвеева, И. И. (2022). Рецензия на: Карпачева Т. С. «Мой недопетый гимн весне». Жизнь и творчество Надежды Львовой / Львова Н. Г. Письма В. Я. Брюсову (1911–1913). Старая сказка: Стихотворения. М.: Водолей, 2021. 508 с. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 3 (47), 159–163. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.14*

Review

UDC 821.161.1-1.09»19»(049.32)

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.14

REVIEW OF:

**Karpacheva T. S. «My unsung hymn to spring».
Life and creative work of Nadezhda Lvova /
N. Lvova. Letters to V. Y. Briusov (1911–1913).
The old tale: Poems. M.: Vodoley, 2021. 508 p.**

Irina I. Matveeva

Moscow City University,
Moscow, Russia

Matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

For citation: Matveeva, I. I. (2022). Karpacheva T. S. «My unsung hymn to spring». Life and work of Nadezhda Lvova / N. Lvova N. G. Letters to V. Y. Briusov (1911–1913). The old tale: Poems. M.: Vodoley, 2021. 508 s. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 159–163. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.14

В 2021 г. вышла книга доцента кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ Т. С. Карпачевой ««Мой недопетый гимн весне». Жизнь и творчество Надежды Львовой». Книга предназначена для широкого круга читателей и интересна тем, что в ней впервые монографически исследуется жизнь и творчество талантливой поэтессы начала XX в., трагически погибшей в молодом возрасте, в пору роста ее поэтического мастерства и таланта. Имя Надежды Львовой в основном известно историкам литературы, специалистам по Серебряному веку, краеведам города Подольска и ценителям поэзии В. Брюсова. Именно с этим мэтром русского символизма принято связывать ранний уход из жизни молодой поэтессы, покончившей жизнь самоубийством. В книге также помещены стихи Н. Львовой, в том числе опубликованные после ее смерти, сборник «Старая сказка», который не переиздавался с 1914 г., а также ее письма к В. Брюсову, размещенные в хронологическом порядке и дающие представление о драматическом развитии их романа. Несомненное достоинство и украшение книги — архивные материалы, неизвестные филологическому сообществу и вводимые в научный оборот впервые.

Книга «Мой недопетый гимн весне» имеет четкую структуру. Она открывается небольшим предисловием, в котором автор дает историю исследований, посвященных Надежде Львовой. Это воспоминания о ней современников, исследования причин самоубийства, анализ ее поэзии. В предисловии упоминаются воспоминания В. Ф. Ходасевича, Б. А. Садовского, И. Г. Эренбурга, А. Ф. Родина, А. В. Лаврова, в которых возникает противоречивый образ

девушки. Особую ценность представляют свидетельства О. М. Киржакова, основанные на личном знакомстве с семьей Львовых. В предисловии даны указания на современные сборники и антологии, в которых опубликованы стихи Львовой. Довольно большой список свидетельствует о читательском интересе к личности и поэзии Львовой. Помещены здесь и сведения о документах, хранящихся в разных архивах, что, несомненно, будет полезно будущим исследователям творчества Львовой.

В первой части книги описано детство и юность Надежды, росшей в строгой традиционной мещанской семье, дана характеристика родителям, отношениям Надежды с братьями и сестрами. Все сведения документально подтверждены выписками из метрических книг церковей Подольска, послужных списков, из документов учебных заведений и т. д. Все это создает эффект достоверности, погружает в атмосферу провинциального городка, скучную жизнь которого сменила бурная студенческая жизнь в Московской Елисаветинской гимназии. Особый акцент в первой части сделан на увлечении Львовой революционными идеями, приведшими ее в конечном счете к аресту, уголовной ответственности и суду, едва не стоившим неопытной бунтарке свободы. Из воспоминаний, свидетельств, помещенных в книге, возникает образ честной и бескомпромиссной девушки, готовой на самопожертвование ради идеи свободы.

Счастливо избежав осуждения, Н. Львова страстно увлеклась поэзией. Это увлечение привело ее к роковой встрече с В. Брюсовым, ставшим не только ее учителем, мэтром, но и любовником. Автор книги с большим уважением воссоздал образ молодой поэтессы, по-юношески застенчивой, тонко чувствующей красоту поэтических образов. Интересно, что в период знакомства с Брюсовым Львова, поощряемая своим учителем и наставником, выступала в печати также как критик и переводчик. Удивительно, что на рубеже веков, намного опередив время, она дала довольно исчерпывающую характеристику «женской» поэзии, определив ее основные темы и черты, достоинства и недостатки и назвав XX в. «женским веком» (с. 130).

Роман с Брюсовым — важнейшая составляющая второй и третьей части книги. Т. С. Карпачева нашла удачную форму повествования о жизни поэтессы, перемежая рассказ о событиях стихами, сочиненными ею и ее учителем В. Брюсовым. Они создают своеобразный диалог взрослеющей девушки/женщины и записного сердцеда, мало заботившегося о чувствах любивших его женщин. Брюсовские «Стихи Нелли» — тому подтверждение. Напечатанные под вымышленным именем, они были очередной мистификацией Брюсова, в которой, однако, современники без труда узнали героев-любовников, поскольку в книге стихов были отражены тайные моменты их романа, безусловно, компрометирующие незамужнюю девушку. Однако образ «языческой богини» (с. 129), созданный Брюсовым, оказался, по мнению Т. С. Карпачевой, не только далеким от самого оригинала, но и от поэтической традиции тех лет, а потому вызвал негативные критические отклики.

Нельзя не отметить широкий историко-литературный контекст, представленный в рецензируемом издании. В книге ощущается эпоха Серебряного века с его увлечением отечественной и зарубежной поэзией, революционными идеями, идеями свободной любви, футуризмом и т. д. В книге прослежено влияние разных поэтов на творчество и судьбу Львовой. Помимо стихов В. Брюсова, А. Блока, А. Ахматовой, К. Павловой, на нее оказала влияние романтическая поэзия Гейне с «ее недостижимой гармонией бытия» (с. 145), а в последние годы поэзия футуристов, в частности Р. Ивнева, Б. Лавренева и особенно В. Шершеневича.

Автор книги не оставила без внимания эстетические поиски Львовой, которая то склонялась к религиозным образам и символам, то к футуристическим изыскам, то, ощущая недостаток знаний, тянулась к систематическим филологическим знаниям (в книге достаточно много страниц отведено поступлению Львовой на высшие женские курсы В. А. Полторацкой, где в числе преподавателей был Ю. И. Айхенвальд).

Несомненной заслугой автора книги стал реконструированный образ юной поэтессы, которая предстает перед читателем книги не порочной и нервной особой, какой нередко представляли ее современники, а «последней тургеневской девушкой» (с. 197–198), влюбленной, ранимой, тонко чувствующей свое ложное положение, душа которой стремится к «лазурной вышине» (с. 158), но вынуждена мириться с холодом и неустроенностью земного бытия. Образ душевной чистоты подчеркивается любимым белым цветом, который часто использовала Львова в своих стихах и что отмечено Т. С. Карпачевой.

В книге «Мой недопетый гимн весне» определены центральные темы поэзии Львовой: трагическая любовь и смерть, недостижимость идеала на земле. Не случайно автор книги соотносит романтический образ «траурной невесты» с самой Н. Львовой. Творчество, по мнению Т. С. Карпачевой, давало ей силы, и оно же повергало в отчаяние, особенно когда молодая поэтесса читала критические отзывы о своих стихах.

Глава «Гибель и память» посвящена литературоведческому расследованию последних дней и часов поэтессы, реакции современников на ее гибель, поведению В. Брюсова, деяния которого могли быть квалифицированы в те годы как уголовно наказуемые. Эпистолярный материал, приведенный в этой главе, воспоминания современников по-новому открывают личность В. Брюсова, а также других поэтов, ощущавших свою вину за общую для начала XX в. тенденцию к размыванию границ между добром и злом у людей, «утративших Бога» (с. 216).

Интересны рассуждения автора книги, профессионального литературоведа, об особенностях эпохи и ее людей, отразившиеся в литературе. Имена Ф. М. Достоевского, И. А. Бунина, В. Ф. Ходасевича, А. Ф. Родина, В. Инбер, К. И. Чуковского, А. Б. Дермина и других, вплетенные в историю Львовой, передают психологическое состояние русского общества после Первой мировой войны.

Несмотря на разносторонний взгляд на самоубийство Н. Львовой, автор книги практически целиком возлагает вину за гибель Львовой на В. Брюсова, который, пользуясь своим авторитетом и влиянием, растлил девушку, разрушил ее ценности, внушил ей мысль о самоубийстве, подарил оружие и не поддержал в последние дни и часы ее жизни. Свою версию Т. С. Карпачева подтверждает мнением психологов-суицидологов, исследовавших поведение самоубийц и классифицировавших известные виды суицидов. Самоубийство Львовой, по мнению автора книги, «диалогическое», т. е. адресовано конкретному лицу, в данном случае В. Брюсову, от которого Львова ожидала поддержки и участия и который мог бы предотвратить гибель поэтессы, если бы захотел этого. Но Брюсов не только не поддержал одинокую страдающую девушку, но и скоро забыл ее, заменив новой «жрицей любви», так как женщины были для него, по словам Гиппиус, лишь средством для «сладко-певучих стихов» (с. 246). Вероятно, с точкой зрения автора книги можно поспорить, однако книга Т. С. Карпачевой не является учебником, поэтому положения данного труда в будущем, несомненно, будут продолжены и развиты, ведь, как известно, в спорах рождается истина.

Несомненно одно, книга «Мой недопетый гимн весне» Т. С. Карпачевой — достойный вклад в изучение русской литературы Серебряного века, ее можно рекомендовать как профессиональным литературоведам, студентам, так и широкому кругу читателей, которым интересен этот период русской литературы.

Сведения об авторе

Ирина Ивановна Матвеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the author

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), docent, associate professor of the Russian Literature Department, MCU.

Рецензия

УДК 821.161.1(075.8)(049.32)

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.15

**РЕЦЕНЗИЯ НА:
Новинки русской литературы XXI века.
Материалы к лекциям: учебное пособие: в 3 ч. /
под общ. ред. С. В. Крыловой. М.: ИИУ МГОУ.
Ч. 1 (2015). Ч. 2 (2018). Ч. 3. (2022)**

Яковлев Михаил ВладимировичГосударственный гуманитарно-технологический университет,
Орехово-Зуево, Россия79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

Для цитирования: Яковлев, М. В. (2022). Рецензия на книгу: Новинки русской литературы XXI века. Материалы к лекциям: учебное пособие: в 3 ч. / под общ. ред. С. В. Крыловой. М.: ИИУ МГОУ. Ч. 1 (2015). Ч. 2 (2018). Ч. 3. (2022). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 164–167. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.15

Review

UDC 821.161.1(075.8)(049.32)

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.15

**REVIEW OF:
Novels of Russian Literature of the XXI Century.
Lecture materials: textbook: in 3 parts /
Ed. by S. V. Krylova. M.: Moscow State Regional University.
Part 1 (2015). Part 2 (2018). Part 3. (2022).**

Mikhail V. YakovlevState University of Humanities and Technology
Orekhovo-Zuevo, Russia79104310619@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5211-6994>

For citation: Yakovlev, M. V. (2022). Review of: Novels of Russian Literature of the XXI Century. Lecture materials: textbook: in 3 parts / Ed. by S. V. Krylova. M.: Moscow State Regional University. Part 1 (2015). Part 2 (2018). Part 3. (2022). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 164–167. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.15

В июле 2022 г. в издательстве Московского государственного областного университета вышла третья часть учебного пособия «Новинки русской литературы XXI века» под редакцией доцента кафедры русской литературы XX века МГОУ Снежаны Владимировны Крыловой. Материалы и персоналии пособия отразили интересы и предпочтения его составителя и редактора, а также одного из авторов, скрупулезно изучающего современную литературу уже почти два десятилетия. Работа над пособием велась основательно, на протяжении нескольких лет. Так, первая его часть вышла в 2015 г., вторая — в 2018 г., третья часть увидела свет летом 2022 г. Тем не менее все книги воспринимаются как единое издание. Читатели узнают их по обложкам, выполненным в общем стиле, с портретами писателей и поэтов на титульном листе. Первая часть новой книги написана С. В. Крыловой самостоятельно. Во второй и третьей приняли участие ведущие специалисты разных вузов: д-р филол. наук, проф. кафедры гуманитарных наук Московского международного университета Я. О. Гудзова, д-р филол. наук, ведущий сотрудник Института филологии СО РАН Е. В. Капинос, д-р филол. наук, проф. кафедры русской классической литературы МГОУ Т. А. Алпатова, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения РАН, проф. Новосибирского государственного педагогического университета Ю. Ю. Куликова, канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН О. В. Быстрова, канд. филол. наук, доцент кафедры русской литературы XX века МГОУ С. В. Овсянникова, канд. филол. наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории зарубежных литератур МГОУ А. А. Козин, канд. пед. наук, методист регионального центра выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи Московской области Н. А. Левицкая, выпускница факультета русской филологии МГОУ М. Д. Скубко.

Новизна и актуальность пособия «Новинки русской литературы XXI века» не вызывают сомнений. Творчество многих писателей и поэтов, заявленных в пособии, еще не освоено отечественным литературоведением в полной мере, имена некоторых авторов вводятся в научный оборот впервые. Представленные в работах современных ученых, они, несомненно, займут свое место в практике преподавания отечественной литературы в вузе. Пособие не случайно создано в жанре материалов к лекциям, так как в первую очередь предназначено для студентов-филологов. Но массу интересного в нем найдут для себя все любители русской словесности, стремящиеся самостоятельно разобраться в сложных хитросплетениях современной литературы. Рецензируемый триптих позволяет постепенно погрузиться в литературный процесс, углубиться в интерпретацию текстов новейшей литературы, понять механизмы сюжетостроения, интертекстуальные переключки со знакомыми и малоизвестными текстами.

Авторы пособия отказались от дидактизма. Задача, которую ставил перед собой коллектив единомышленников во главе с редактором, сформулирована в послесловии к последней части: «Для нас было очень важно объединить <...> художников разного идейного и этического мировоззрения. И это одна из существенных позиций, которую удалось осуществить. Через запятую в нашем пособии

идут имена писателей и поэтов, которые в литературном пространстве находятся по разные стороны каких угодно баррикад» (Ч. 3, с. 191).

Структура трехтомного пособия логична: каждую его часть открывает обзорная статья, написанная главным редактором. В первой части это краткий обзор литературного процесса начала XXI в. с акцентом на прозе, во второй — обзор современной поэзии, в третьей — драматургии. Очевидна опора С. В. Крыловой на работы критиков. Литературоведческие труды в обзорах цитируются реже, хотя знакомство с наиболее важными из них также очевидно. Это вполне объяснимо, поскольку введение в научный оборот новых литературных имен достаточно длительный процесс. Тем не менее все три части так или иначе охватывают круг имен, находящихся в поле зрения современной критики и литературоведов. Некоторые из писателей и поэтов за время работы над пособием уже ушли из жизни, стали частью истории литературы (прозаики О. Павлов и В. Маканин, И. Лиснянская и др.). Важно, что в пособии сделан акцент на их позднем творчестве — на произведениях, еще не освоенных в преподавательской практике.

В первой части отдельные главы посвящены О. Павлову, З. Прилепину, Л. Петрушевской, Д. Рубиной, Л. Улицкой. Обзорно представлена религиозная тема в современной литературе — от В. Николаева до Ю. Вознесенской. Особняком в первой части пособия стоит глава «Современная литература — школе». В ней дан анализ поздних рассказов В. Распутина «Женский разговор» и Б. Екимова «Ночь исцеления», «Фетисыч», «Возвращение». Строго говоря, эти произведения нельзя назвать новинками, так как написаны они в 1990-е гг., но данный временной изъян искупается живой актуальностью, высоким качеством и этической ценностью анализируемых текстов. Это действительно научно и методически полезное подспорье для будущих учителей.

Во второй части вызывают интерес монографические главы, посвященные поэтам И. Кабыш, А. Кушнеру, О. Чухонцеву, прозаикам Ю. Мамлееву, А. Проханову, М. Тарковскому, Т. Толстой. Авторы освещают их поэтические, прозаические произведения и публицистику, тонко раскрывают особенности поэтики, делают интересные наблюдения над текстами, вводят в научный оборот некоторые пока еще малоизвестные имена. Так, читателям будет интересно познакомиться с поэзией И. Кабыш, а также с творчеством М. Тарковского — внука поэта А. Тарковского и племянника режиссера А. Тарковского.

Третья часть, на наш взгляд, самая интересная в плане подбора имен. Довольно большой объем (90 страниц) третьей части учебного пособия уделен современным драматургам, а остальное пространство книги — нашумевшим писателям: В. Маканину, Е. Водолазкину, В. Пелевину и В. Сорокину. Читателя ожидают и сюрпризы, например глава о Ю. Мориц. Критик Т. Москвина предстает в третьей части как драматург, здесь же совершен экскурс в популярную женскую поэзию, где рассмотрены достоинства и недостатки стихов В. Полозковой, Ах Астаховой, А. Кудряшевой. Завершает пособие профессиональный обзор жанра фанфикшен в современном литературном пространстве, выполненный М. Д. Скубко (она же фанрайтер Мария Берестова).

Авторы не стремились к энциклопедичности, вынося на страницы пособия различные вопросы и суждения, противоположные точки зрения. В рецензируемом издании подкупает стилистика диалога, творческая свобода, которую позволили себе его авторы, оценивая произведения современников. С некоторыми оценками, на наш взгляд, еще не устоявшимися, хочется полемизировать. Однако это объяснимо высокой скоростью реакции на появление новинок, например некоторые стихи Ю. Мориц, анализ которых дан на страницах пособия, написаны в 2022 г. Многоаспектная ситуация современного литературного процесса отразилась в «Новинках...» весьма показательно. И это, пожалуй, достоинство нового учебника для студентов, так как о спорах и литературных конфликтах сказано взвешенным языком опытных литературоведов и преподавателей. Думается, что справочно-библиографический раздел поддержал бы и усилил данную особенность «Новинок русской литературы», позволив студентам самостоятельно прочитать дополнительную литературу о заинтересовавшем их авторе.

После каждой главы или объемного параграфа расположены вопросы для студентов по содержанию прочитанного. Надо сказать, что это вопросы именно по содержанию представленного материала, а никак не шире, чем часто грешат учебные пособия по литературе. Авторы словно вернулись к практике издания учебника, который не ставит в тупик, а обучает, заставляет думать, закрепляет изученный материал, готовит к экзамену.

К недостаткам, которые можно заметить читателю, следует отнести некоторую «полифоничность» композиции данного труда, впрочем, вполне объяснимую длительным периодом, в который он создавался. Вообще, трехтомная структура учебного пособия требует более тщательного отбора имен по определенному принципу — жанрово-родовому или хронологическому. Возможно, при переиздании данного чрезвычайно полезного и своевременного учебного пособия редактор перераспределит материал, более четко выдержав принципы отбора и систематизации литературоведческого материала.

Хотелось бы выразить надежду на то, что учебное пособие «Новинки русской литературы XXI века. Материалы к лекциям» под редакцией С. В. Крыловой будет востребовано в среде вузовских преподавателей, студентов и всех любителей современной русской литературы.

Информация об авторе

Михаил Владимирович Яковлев — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета (Орехово-Зуево).

Information about the author

Mikhail V. Yakovlev — Doctor of Philology, docent, professor of the Russian language and literature Department at the State Humanitarian-Technological University (Orekhovo-Zuyevo).

Научная жизнь

УДК 80:005.745

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.16

**МЕЖВУЗОВСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ЖИЗНЬ И ПРАВЫ ЖИВОТНЫХ В ЗЕРКАЛЕ
СЛОВЕСНОСТИ, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО
ИСКУССТВА И КИНО»**

Райкова Ирина Николаевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

nikolavna@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

Для цитирования: Райкова, И. Н. (2022). Межвузовская междисциплинарная научная конференция с международным участием «Жизнь и нравы животных в зеркале словесности, изобразительного искусства и кино». *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 3 (47), 168–174. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.16

Scholarly events

УДК 80:005.745

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.16

**INTERUNIVERSITY INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION
«ANIMAL LIFE AND MORES MIRRORED
IN LITERATURE, FINE ARTS AND CINEMA»**

Irina N. Raikova

Moscow City University,
Moscow, Russia

nikolavna@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

© Райкова И. Н., 2022

For citation: Raikova, I. N. (2022). Interuniversity Interdisciplinary Scientific Conference with international participation «Animal Life and Mores in the Mirror of Literature, Fine Arts and Cinema». *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 3 (47), 168–174. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.47.3.16

В Институте гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (ИГН МГПУ) 19–20 мая 2022 г. произошло знаменательное научное событие — межвузовская междисциплинарная научная конференция с международным участием «Жизнь и нравы животных в зеркале словесности, изобразительного искусства и кино».

Событие было ожидаемым: оно продолжило уже ставший традиционным и получивший резонанс в научном гуманитарном сообществе цикл научных мероприятий института, связанных с природными образами в русской словесности и культуре: «Природные стихии и образы в русской словесности» (2015), «Семантика сада и леса в русской литературе и фольклоре» (2016), «Птица как образ, концепт, знак» (2017), «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры, языка» (2018), «Семантика времен года в русской словесности и искусстве» (2019), «Символика воды в русской и мировой словесности и культуре» (2021).

Конференции этого цикла были инициированы кафедрой русской литературы как мероприятия в русле работы развивающейся научно-педагогической школы «Природа в русской словесности: историко-литературные и теоретико-методологические аспекты» (руководитель — профессор А. И. Смирнова). Научная концепция этой школы состоит в том, чтобы через призму осмысления, воплощения и рецепции природы в художественной литературе и культуре познавать как общие закономерности развития словесного искусства, так и специфические свойства художественного творчества.

Современное исследование природного мира как универсума в словесном произведении требует обращения к междисциплинарному подходу. Поэтому кафедру русской литературы поддержали другие кафедры института: кафедра русского языка и методики преподавания филологических дисциплин, кафедра зарубежной филологии, общеуниверситетская кафедра философии и социальных наук, общеуниверситетская кафедра всеобщей и российской истории. Предложенная проблематика вызывает закономерный интерес не только историков и теоретиков литературы, фольклористов, специалистов по мифологии, но и лингвистов, лингвокультурологов, диалектологов, историков культуры, искусствоведов.

По материалам шести прошедших конференций цикла в институте гуманитарных наук подготовлены и изданы два сборника научных статей и четыре солидных коллективных монографии, составившие по решению редколлегии серию книг под названием «Природный мир в пространстве культуры». Погружаясь в безграничный мир семантики вербальных (и не только) образов природы, исследователи, оснащенные всеми достижениями современной науки, вступают на тот путь освобождения и познания священных символов, начало которому положили первобытный пытливый охотник, пастух, кормчий, жрец. По мысли авторов, символ неисчерпаем в своей многосмысленной роскоши,

но важно определить семантическую «равнодействующую» многих образов и символов, постичь логику их генезиса и построения в художественном произведении, осознать принципы системного подхода, объединяющего под одной обложкой исследования одного природного образа, различные по материалу, предмету, методам.

На торжественном открытии нынешней конференции в приветственной речи директор Института гуманитарных наук профессор В. В. Кириллов назвал труды по итогам конференций полным собранием сочинений гуманитариев о природном мире и человеке в нем, подчеркнул их значимость и для будущих педагогов в аспекте экологического воспитания и культурно-просветительской деятельности. Кстати, кафедра русской литературы уже активно внедряет результаты научных мероприятий «природного» цикла и идеи монографий в учебный процесс: преподаватели читают курсы по выбору для бакалавров, связанные с этой проблематикой и объединенные в образовательный модуль «Природный мир в русской словесности», предлагают темы в русле этой проблематики для выпускных квалификационных работ студентов и научно-квалификационных работ аспирантов.

На открытии конференции 19 мая вручались авторские экземпляры последней из вышедших и самой объемной на данный момент монографии серии — «Символика воды в русской словесности и мировой культуре» (М.: Книгодел; МГПУ, 2022. 508 с.). Отдельно заметим, что, несмотря на трудности, Институт гуманитарных наук в духе лучших академических и педагогических традиций продолжает издавать книги на добротной бумаге, с цветными иллюстрациями. Кроме того, оргкомитет конференции при поддержке дирекции института подготовил приятный сюрприз для участников, студентов и всех заинтересованных лиц: все книги серии, проиндексированные в базе данных РИНЦ на платформе eLIBRARY.RU, теперь стали доступны в электронном полнотекстовом формате.

На конференции о жизни и нравах животных заинтересованный разговор по проблемам анималистической символики, семантики, зоопозтики, зооморфной метафоры и т. п. в литературе, фольклоре, языке, искусстве длился два дня: сначала очно в гостеприимном МГПУ, а затем в онлайн-формате — для тех коллег, кто не смог приехать лично. С докладами участвовали 79 человек, это научно-педагогические и научные работники, аспиранты, соискатели, учителя, работники культуры из Москвы, Владимира, Кургана, Курска, Ленинградской области, Новосибирска, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Тулы, Ярославской области, а также из зарубежных стран: Беларуси, Индии, Китая, Турции. Наш проект поддерживают московские образовательные и научные организации, с которыми у МГПУ давние и прочные научные контакты: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (МГУ им. М. В. Ломоносова), Московский педагогический государственный университет, Московский государственный областной университет, Российский государственный гуманитарный университет, Государственный институт искусствознания, Государственный Российский Дом народного творчества имени В. Д. Поленова, Институт языкознания РАН, Институт мировой литературы

имени А. М. Горького РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Дом русского зарубежья имени А. И. Солженицына и др.

На *пленарное заседание*, которое проходило очно, а также транслировалось на YouTube-канале МГПУ, было вынесено четыре доклада из разных областей знания. Фольклорист и литературовед, известный специалист по литературно-фольклорным связям, доктор филологических наук М. Ч. Ларионова (Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону) всесторонне рассмотрела символику коня/лошади в фольклоре и литературе. В совместном междисциплинарном докладе саратовских коллег — философа, филолога, специалиста по культурным кодам, доктора философских наук В. Ю. Михайлина (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского) и искусствоведа Г. А. Беляевой (Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева) — была представлена и осмыслена научная и творческая концепция выставки «Ноев ковчег» в музее имени Радищева, интерпретация ее предметов. Инициатор и один из организаторов цикла конференций, заведующая кафедрой русской литературы ИГН МГПУ, доктор филологических наук А. И. Смирнова, обобщив международный опыт исследования проблематики данной конференции, рассказала о животных в национальной картине мира русской прозы последней трети XX в. В центре внимания лингвиста доктора филологических наук Л. И. Богдановой (МГУ им. М. В. Ломоносова) были внешний и внутренний мир человека в зеркале зооморфных метафор. Все пленарные доклады вызвали неподдельный интерес аудитории.

В секции *«Образы животных в мировой мифологии, обрядах и фольклорной традиции»* специалисты по мифологии, фольклористы, культурологи искали следы исчезнувших животных в мировой культуре (доцент Е. И. Щупеникова, Москва) и рассматривали анималистические образы в изобразительном искусстве Древней Македонии (доцент О. В. Кокарева, Москва), постигали смыслы «парадигмального чудовища» в топике героического режима воображения (доцент С. Б. Калашников, Москва) и сопоставляли животных волшебной сказке, легенде и агиографической повести (доцент Арт. С. Джанумов, Москва), разбирались в специфике зооморфных образов русской фольклорной прозы о кладах (кандидат филологических наук Н. Е. Котельникова, Москва) и в животной символике обрядового печенья Поволжья (А. А. Родионова, Москва), разгадывали русские загадки о бытовых предметах, уподобленных диковинному зверю (профессор И. Н. Райкова, Москва), и о кошке (кандидат филологических наук О. С. Орлова, Москва), изучали животных, выступающих в роли уличных артистов (доктор филологических наук С. П. Сорокина, Москва) и спорили о сатирической природе интернет-мема о Наташе и ее кошках, которые «вообще всё уронили» (кандидат искусствоведения Т. Н. Суханова, Москва).

В секции *«Жизнь животных в фольклорных и литературных сюжетах»* литературоведы разгадывали тайну ликантропии в ее эволюции от готики к историософии (доцент Е. Ю. Полтавец, Москва), анализировали фольклорные

эпитеты коня в творчестве Пушкина (профессор С. А. Джанумов, Москва) и раскрывали образ коня в русской поэзии XIX в. (кандидат филологических наук А. А. Соболева, Москва), рассматривали образы животных в эго-документах Льва Толстого (Ю. В. Загорулькина, Москва) и образ собаки в одноименном рассказе Надежды Тэффи (кандидат филологических наук Ю. Ю. Павельева, Москва), интерпретировали мир животных как часть мира ребенка в женской детской литературе рубежа XIX–XX вв. (доцент О. В. Гаврилина, Москва), выстраивали градицию ценности жизни животных в сказочном мире А. М. Волкова (кандидат технических наук Л. А. Григорян, Москва) и трактовали образ кошки в детском литературном творчестве (доцент О. Ю. Казмирчук, Москва).

Секция *«Анималистические образы в литературе и искусстве: семантика и символика»* объединила литературоведов, искусствоведов, историков и теоретиков культуры. Участники рассматривали животных на православных иконах, выявляя иконографическую норму и произвол автора (кандидат филологических наук Л. В. Фадеева, Москва), и прослеживали эволюцию образа Осла от басен Крылова до поэм Блока (профессор О. С. Крюкова, Москва), трактовали аллегорический смысл животных в комедии Грибоедова «Горе от ума» (А. Г. Нестерова, Москва) и разбирались в функциях животных в художественном мире Достоевского (профессор Г. И. Романова, Москва), изучали чеховские зоометафоры («шаршавое животное» и др.) в пьесе «Три сестры» (О. В. Бигильдинская, Москва), рассматривали образы животных в словесности и живописи Ефима Честнякова (доктор филологических наук Е. А. Самоделова, Москва) и как материал для игр по сравнительной культурологии (кандидат физико-математических наук О. А. Чичигина, Москва), наконец, спорили по поводу киноклише о животных в голливудских фильмах (кандидат исторических наук Т. В. Щербакова, Москва).

Историки литературы, участвуя в секции *«Мир животных в зеркальных отражениях: аксиологический и антропологический ракурсы»*, разбирались в типах зооморфных знаков в классической литературе (доцент М. Б. Лоскутникова, Москва) и выявляли аксиологическое значение анималистических образов в творчестве И. Вольнова (кандидат филологических наук И. П. Михайлова, Курск), сопоставляли «зоопарк и бестиарий» в поэтической картине мира Брюсова (кандидат филологических наук В. В. Калмыкова, Москва), трактовали образ овчарки в историческом контексте на материале произведений Солженицына (кандидат исторических наук Е. А. Герасимова, Москва) и определяли функции образов животных в его малой прозе (кандидат филологических наук С. В. Галанинская, Москва), открывали мир глазами кота по роману Г. Служителя «Дни Савелия» (кандидат филологических наук М. Б. Раренко, Москва) и тайну оборотничества на материале прозы В. Пелевина (В. С. Симкина, Москва).

В литературоведческой секции *«Мир животных и зоопэтика художественного текста»* участники разбирались в тонкостях «бестиарной эмпатии как формы экзистенциализации человеческого мира» на материале современной литературы (профессор Г. Т. Гарипова, Владимир) и смотрели

на мир животных «глазами охотника с душой...» С. Т. Аксакова (профессор И. А. Беляева, Москва), рассматривали образ собаки в романах Тургенева (Ю. Ю. Гребенщиков, Москва) и лошадь как проблемный фокус его «Записок охотника» (Е. Е. Круглова, Москва), выявляли роль животных в гротескной картине мира романа А. Платонова «Чевенгур» (доцент И. И. Матвеева, Москва) и зоосимволику («кроличья кровь» и др.) в прозе Мандельштама (А. С. Макарова, Москва), изучали анималистические образы в поэмах Маяковского (Ю. В. Кузуб, Москва) и семантику заглавия романа А. Н. Варламова «Мысленный волк» (профессор С. А. Васильев, Москва), дискутировали по поводу образа кота в поэтике Шолохова (доцент О. А. Давыдова, Москва).

Лингвисты, участники секции *«Животное/зверь в национальной языковой картине мира»*, определяли когнитивный и сравнительный потенциал концепта «зверь» (профессор Н. М. Девятова, Москва) и разгадывали тайны африканских зверей по древнерусским источникам (доцент А. В. Алексеев, Москва), применяли этнолингвистический подход к описанию медведя как стереотипа в русской картине мира (доцент Л. Л. Федорова, Москва) и выявляли образы кота, кошки, котенка в системе сравнений русского языка (профессор Е. В. Огольцева, Москва), сопоставляли зоонимы в русской и турецкой фразеологии (профессор Х. Бак, Турция, Эрзурум; Москва), а также диких и домашних животных в художественном мире ромской поэтессы Папуши (доцент В. В. Шаповал, Москва), раскрывали разницу между животным и зверем в сознании носителей современного русского языка (доцент М. В. Захарова, Москва).

В дистанционном режиме успешно прошла работа двух укрупненных секций второго дня.

Заседание междисциплинарной секции *«Животное в национальной картине мира: фольклор, язык, искусство, философия»* открылось грозным предупреждением: «Осторожно, злая собака!», которое толковалось как «пороговый оберег» (профессор М. В. Строганов, Москва), далее участники рассматривали образы животных в лингвокультурологическом аспекте (доцент А. В. Горелкина, Москва) и фразеологизмы с компонентом-зоонимом в четырех языках (доцент Е. В. Куликова, А. М. Мацкевич, Москва), искали потерянные в истории языка имена зверей (М. А. Павлова, Москва) и проясняли место и значение животных в философии буддизма (профессор Н. Сурьянараян, Индия, Нью-Дели), разбирались в кластере «животный мир» в фольклорном дискурсе на примере сказок трех народов (доцент О. А. Казенас, доцент А. Б. Григорьева, О. И. Сайбель, Курган) и в понятии «лошадиная сила», возникшем на стыке бестиарного и метрологического (кандидат филологических наук С. Ю. Семенова, Москва), изучали загадочную «Потомбалку» из русских сказок Карелии о медведе и старухе (кандидат филологических наук А. С. Лызлова, Петрозаводск) и эволюцию образа русского медведя в почтовой открытке (доцент Д. П. Шульгина, Москва), сопоставляли анималистическую символику в живописи М. Шагала и поэзии А. Ремизова (Чэнь Ци, КНР, Шэньчжэнь; Москва) и поведение диких и домашних животных в приметах и поверьях

начала Великой Отечественной войны (А. Ф. Лицарева, Москва), выясняли, как мышь стала «нашей опорой» в романе «Кысь» Т. Толстой, определяя роль фольклорного дискурса в жанровой стратегии произведения (доцент А. А. Иванова, Москва), наконец, рассматривали «матного ежика» как объект детских магически-игровых «вызываний» (доцент А. В. Сидоренко, Беларусь, Минск).

Литературоведы секции «*Мир животных и зоопэтика литературы: семантика, семиотика, символика*» прослеживали трансформацию образа пчелы в русской литературе, выявляя его истоки в Античности (доцент М. А. Бороздина, Москва), дискутировали о концепте «животное» в художественном мире В. Вересаева (Е. В. Лобанова, Тула) и изучали онтологический смысл и мифопоэтический контекст образа лошади в прозе Бунина (Н. Р. Миронова, Москва), искали аллюзии А. И. Солженицына к повести-притче Оруэлла «Скотный двор» (кандидат филологических наук И. Е. Мелентьева, Москва) и интерпретировали символ змеи в творчестве британских писателей (Е. В. Орлова, Новосибирск), рассматривали жизнь и нравы животных в зеркале романа Г. Служителя и поэзии Арс. Тарковского (М. Ю. Попова, доцент О. Ф. Ладохина, Москва), а также «Бестиария» Андрея Голова (доцент С. В. Герасимова, Москва), раскрывали образ-символ кошки в прозе М. Степновой (Инь Тяньлэ, КНР, Шэньчжэнь; Москва) и постигали мир живого в поэзии иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина), где «любая тварь имеет сан» (кандидат филологических наук М. Ю. Новицкая, Москва).

Благодарностей за выбор актуальной и общеинтересной филологической и междисциплинарной проблематики, за организацию конференции было много — и от докладчиков, и от студентов, которые активно участвовали в дискуссиях. В пожеланиях аудитория была единодушна: проект должен быть продолжен. Как неисчерпаем природный мир, как неиссякаемы его отражения в слове и образе, так безгранична и наша потребность в их восприятии и осмыслении. По итогам конференции о жизни животных мы снова планируем подготовить монографию и приглашаем коллег к сотрудничеству, а в начале 2023 г. будет объявлена тема следующей «природной» конференции, на которой мы будем рады встретиться с друзьями, единомышленниками, а также открыть новые имена молодых ученых.

Информация об авторе

Ирина Николаевна Райкова — кандидат филологических наук, профессор кафедры русской литературы МГПУ.

Information about the author

Irina N. Raikova — PhD (Philology), professor of the Russian literature Department, MCU.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, русскому языку, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован преподавателям высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям ученой степени и студентам.

Редакция просит авторов при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ. Серия «Филология. Теория Языка. Языковое образование» (далее — «Вестник»), руководствоваться данными требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета и разработанными в соответствии с ГОСТ Р 7.07–2021 об оформлении статей в журналах и сборниках.

Авторами статей «Вестника» могут быть ученые, исследователи (докторанты, аспиранты).

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительного решения редколлегии включаются в рукопись одного из очередных номеров журнала в порядке поступления.

Не принимаются ранее опубликованные статьи и материалы, не отвечающие предъявляемым далее требованиям.

Журнал публикует только оригинальные высококачественные научные работы (не менее 85 % по результатам проверки в системе обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат»: <https://mgpu.antiplagiat.ru/>)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 82-1: 82-193.3
DOI (указывается издательским центром)

Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда

Николаева Марина Николаевна

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Аннотация. Статья посвящена ... Актуальность исследования обусловлена ... Статья направлена на раскрытие / обоснование / разработку ... Ведущим методом в исследовании выступил ... Выборка исследования включала ... В статье выявлено / обосновано / раскрыто ... Представленные в статье результаты / материалы позволяют ... (200–250 слов).

Ключевые слова: жанр, строфика, классическая стихотворная форма, катрен, терцет, рифма (3–15 слов / словосочетаний).

Для цитирования: Николаева, М. Н. (2022). Строфика и жанровое разнообразие поэзии О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(45), ____. <https://doi.org/xxx>

Original article
DOI

Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry

Marina N. Nikolaeva

Moscow City University,
Moscow, Russia
NikolaevaM@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0152-1647>

Abstract. The article regards / features/ studies ... The study proves relevant due to ... The article aims at ... The principal research method is... The empirical data include ... The paper reveals / claims ... The findings contribute to ... **200–250 words.**

Keywords: genre, stanza, classical poetic form, quatrain, tercet, rhyme (3–15 words).

For citation: Nikolaeva, M. N. (2022). Strophic and genre diversity of O. Wilde's poetry. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(45), ____. <https://doi.org/xxx>

Творческая индивидуальность Оскара Уайльда, представителя англо-ирландской литературы, ключевой фигуры эстетизма и западноевропейского модернизма,

формировалась под воздействием философско-эстетических доктрин Уолтера Пейтера, оксфордского наставника Уайльда и идей Джона Рёскина. Так, У. Пейтер утверждал, что «only organizing power of art could arrest the rush of time <...> and would allow the individual's awareness 'to burn always with this hard, gem-like flame'» (Varty, 2000, p. X).

Современные исследователи отмечают, что изучение творчества О. Уайльда «through a contextualized historical perspective has become an important approach» (Yang, 2020, p. 36). Мы согласны, что важно рассматривать творчество писателя с опорой на жизненные факты. Однако сформировавшийся за столетие «феномен Уайльда», который «проявился в особом внимании к личности О. Уайльда, в какой-то степени заслонила для многих его творчество не только в массовом сознании, но и в трудах исследователей, как его современников, так и уайльдоведов последующих поколений» (Луков, 2007).

Текст статьи. Текст статьи.

Список источников

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5 (1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>.
3. Луков, Вл. А., & Соломатина, Н. В. (2007). *Феномен Уайльда: тезаурусный анализ*. Издательство Московского гуманитарного университета. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/
4. Чупрына, О. Г., Баранова, К. М., & Меркулова, М. Г. (2018). Судьба как концепт в языке и культуре. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 3, 120–125.
5. Тетельман, А. И. (2007). *Взаимодействие жанров в творчестве Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Казань].
6. Рауд, Н. П. (2007). *Образный строй поэзии Оскара Уайльда* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Санкт-Петербург].
7. Бахнова, Ю. А. (2010). *Поэзия Оскара Уайльда в переводах поэтов Серебряного века* [Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Томск].
8. Уайльд, О. (2017). *Критик как художник. Искусство и действительность*. Рипол Классик.
9. *Литературная энциклопедия терминов и понятий* (под ред. А. Н. Николюкина). (2001). ИНИОН РАН: Интелвак.
10. *Твердые стихотворные формы*. (2021, 18 мая). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy>
11. Бехер, Р. И. (1965). Философия сонета, или Маленькое наставление по сонету. *Вопросы литературы*, 10, 190–208.
12. Николаева, М. Н. (2015). Языковые особенности стихотворных «пейзажных картин» О. Уайльда. *Вестник МГПУ. Сер.: «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1 (17), 50–57.

References

1. Varty, A. (2000). Introduction. *The Collected Poems of Oscar Wilde*. Wordsworth Edition Limited. III–XXVI.
2. Yang, Yu. (2020). The Aesthetics of Exhibitionism: Oscar Wilde as a Public Aesthete. *English Language, Literature & Culture*, 5 (1), 36–44. <https://doi.org/10.11648/j.ellc.20200501.14>.
3. Lukov, V. A. & Solomatina, N. V. (2007). *Phenomenon of O. Wilde's: thesaurus analysis*. Moscow Humanities University Publishing house. https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov%26Solomatina_Wilde/ (In Russ.).
4. Chupryna, O. G., Baranova, K. M., & Merkulova, M. G. (2018). Fate as a concept in language and culture. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 3, 120–125. (In Russ.).
5. Tetelman, A. I. (2007). *Genre interrelation in O. Wilde's works* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Kazan] (In Russ.).
6. Raud, N. P. (2007). *Image system in O. Wilde's poetry* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Saint-Petersburg] (In Russ.).
7. Bakhnova, Yu. A. (2010). *O. Wilde's poetry in Silver Age poets' translation* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.01.03. Tomsk] (In Russ.).
8. Wilde, O. (2017). *Critic as artist. Art and reality*. Ripol Klassik. (In Russ.).
9. *Literary encyclopaedia of terms and concepts*. (2001). INION RAN: Intelvak. (In Russ.).
10. *Fixed verse*. (2021, May 18). <https://myfilology.ru//137/tverdye-stikhotvornye-formy/> (In Russ.).
11. Beher, R. I. (1965). Sonnet philosophy, or A small guidebook on sonnets. *Voprosy literatury*, 10, 190–208. (In Russ.).
12. Nikolaeva, M. N. (2015). Language features of O. Wilde's Impressionism poems. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (17), 50–57. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 15.09.2021;
одобрена после рецензирования: 10.11.2021;
принята к публикации 10.12.2021.

The article was submitted: 15.09.2021;
 approved after reviewing: 10.11.2021;
 accepted for publication: 10.12.2021

Информация об авторе

Марина Николаевна Николаева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков МГПУ.

Information about the author

Marina N. Nikolaeva — PhD (Philology), Docent, Associate professor of English Philology Department, Institute of foreign languages, MCU.

*Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 The author declares no conflict of interest.*

Просим авторов обязательно ознакомиться с полным текстом Требований к публикации, представленным на сайте журнала: <http://vestnik-filologiya-lingvo-didaktika.mgpu.ru>

Рукопись статьи отправляется по электронной почте секретарям «Вестника» (Л. А. Борботько, И. И. Матвеева) **в зависимости от принадлежности статьи той или иной тематике:**

– литературоведение (иностранные языки), германистика, романистика, теория языка, теория межкультурной коммуникации языковое образование, лингводидактика (иностранный язык): ludmilaborbotko@gmail.com;

– литературоведение (русский язык, славянские языки), русистика, языковое образование: vestnikmgpu@mail.ru

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование».

MCU Journal
of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

2022, № 3 (47)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82093 от 17 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор педагогических наук, профессор *Е. Г. Тарева*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

Е. С. Терновскова

Корректор:

К. М. Музамилова

Перевод на английский язык:

Л. А. Борботько

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 11.10.2022.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 11,25 печ. л. Тираж: 1000 экз.